
ОГОНЁК
№ 22 МАЙ 1959
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 22 (1667)

24 МАЯ 1959

37-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

ВЕСНА ПРИШЛА НА

Агрегат Федора Титова в поле.

Участковый агроном Виктор Данченко проверяет зерно. Участок его занимает двадцать тысяч гектаров.

Фото Я. Рюмкина.

На первой странице обложки: Аэропорт Внуково — воздушные ворота столицы. Ежедневно отсюда отправляются самолеты в различные, самые отдаленные города Советского Союза. Около двадцати зарубежных столиц связаны с Москвой воздушными трассами. Вот и сейчас из международных рейсов вернулись самолеты «ТУ-104». Бортпроводницы покинули самолеты и возвращаются в город.

Фото Дм. Бальтерманца и А. Узляна.

На последней странице обложки: Москва. Один из новых видов водного спорта — фигурное плавание.

Фото А. Новикова.

Copyrighted material

Пришла в целинный совхоз весна. Пришла, как всегда, долгожданная, тревожная, радостная.

...Совхоз имени Ленинского комсомола, Акмолинской области, один из самых больших у нас в стране. Сто тысяч гектаров подарили совхозу казахстанские степи. Урожаи его богаты. Если выстроить наполненные акмолинским зерном машины, то протянулись бы они от Берлина до китайской столицы.

Не менее 1,5 миллиарда пудов хлеба обещали собрать труженики Казахстана.

Это детский сад. Папы и мамы в поле, они могут быть совершенно спокойны.

Приятно быть победителями! Директор совхоза Г. И. Власенко вручает переходящее Красное знамя лучшей бригаде. Бригадир М. А. Богдан принимает знамя.

ЦЕЛИНУ

Copyrighted material

Председатель Комитета по международным Ленинским премиям академик Д. В. Скобельцын вручает Н. С. Хрущеву почетную награду.

Фото А. Гостева.

В могучую демонстрацию дружбы народов вылилось торжественное собрание в Большом Кремлевском дворце, когда Никите Сергеевичу Хрущеву вручалась международная Ленинская премия «За укрепление мира между народами». В числе трех тысяч человек, заполнивших просторный зал, были передовики промышленности и сельского хозяйства, деятели науки и культуры, иностранные гости — делегации, прибывшие из Стокгольма после сессии Всемирного Совета Мира.

— В награждении товарища Хрущева Ленинской премией мира как нельзя более полно выражена благородная идея этой премии,— сказал во вступительной речи академик Д. В. Скобельцын.

— Наш китайский народ гордится тем, что Советский Союз является нашим старшим братом, и мы чувствуем прилив сил, имея такого самого близкого друга, как товарищ Хрущев,— произнес под бурные аплодисменты заместитель председателя Комитета по международным Ленинским премиям товарищ Го Мо-жо.

— Я приветствую Вас как сына земли, как плоть от плоти всего земного. Вы один из величайших государственных деятелей современного мира! — взволнованно воскликнул председатель Всеиндийского совета мира г-н Сундерлал.

— Я желаю Вам, товарищ Хрущев, сил и здоровья для борьбы за мир и тем самым за счастье и будущее всех нас и наших детей,— сказала немецкая писательница Анна Зегерс.

— Мы заверяем Вас, Никита Сергеевич, что отдадим все свои силы, знания и опыт на претворение в жизнь решений XXI съезда родной партии,— сказал в своей речи слесарь Первого подшипникового завода А. В. Викторов.

С приветственными речами выступили также президент Международной демократической федерации женщин Эжени Коттон, председатель Советского комитета защиты мира Н. С. Тихонов, доярка колхоза «Путь Ильича», Михневского района, Московской области, Т. В. Чугунова и работница Московского электролампового завода Г. В. Спашкова.

Приняв высокую награду, Никита Сергеевич Хрущев в ответной речи тепло поблагодарил всех собравшихся.

— Заверяю всех вас, дорогие друзья и товарищи,— сказал он,— что я приложу все свои силы, чтобы оправдать ваши добрые пожелания, буду и впредь неустанно бороться за великое дело укрепления мира и безопасности народов.

Интервью «Огонька»

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОДРУЖЕСТВО АВИАТОРОВ

28 мая в Москве откроется 52-я Генеральная конференция Международной авиационной федерации — ФАИ. На конференции будет вручена высшая награда ФАИ—Золотая медаль — создателю первого в мире реактивного пассажирского серийного самолета «ТУ-104» и межконтинентального самолета «ТУ-114» — Генеральному авиационному конструктору СССР академику Андрею Николаевичу Туполеву.

В беседе с нашим корреспондентом А. Н. ТУПОЛЕВ рассказал:

— Присуждение Золотой медали ФАИ—для меня большое и радостное событие. Это — международное признание успехов советской авиации. Наши авиаконструкторы, летчики, парашютисты, планеристы, вертолетчики, авиамоделисты много сделали для прогресса техники. Центральный аэроклуб СССР имени В. П. Чкалова состоит постоянным членом ФАИ с 1936 года. За это время зарегистрировано 408 мировых рекордов, установленных в Советском Союзе.

ФАИ объединяет национальные аэроклубы и ассоциации пятидесяти одной страны. Ее деятельность преследует высокую цель — развитие международного воздухоплавания и авиации как средства сближения народов.

Нам, советским авиаконструкторам, хотелось бы всегда работать над созданием только пассажирских, грузовых и спортивных летательных аппаратов. Их мирные полеты в другие страны приносят большое моральное удовлетворение. Это чувство испытываю и я.

Пассажирские машины, созданные в нашем конструкторском бюро еще до войны, не раз совершали международные перелеты. В 1929 году на самолете «АНТ-9» был проведен звездный перелет по столицам европейских государств. Герои Советского Союза В. П. Чкалов и М. М. Громов на самолетах «АНТ-25» совершили беспосадочные перелеты из Москвы в Америку через Северный полюс. Реактивный пассажирский самолет «ТУ-104» регулярно работает на многих международных линиях.

В 1905 году, когда возникла ФАИ, авиация только зарождалась. Это было начало великой авиационной эпохи, которая в своем полувековом развитии превзошла самые смелые мечты человечества.

Мне посчастливилось быть участником победоносного марша авиационной науки. В 1909 году я поступил студентом в Московское высшее техническое училище. Здесь под руководством Н. Е. Жуковского мы проектировали и сооружали первые аэродинамические трубы, планеры, на которых потом летали.

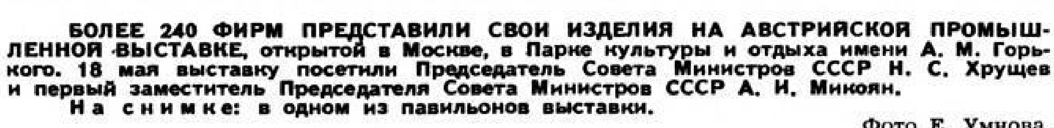
Позволю себе привести некоторые сравнения. В 1909 году международный рекорд высоты составлял 155 метров, а сейчас — 30 километров 942 метра. Наибольшая скорость, которую тогда развивал самолет, едва превышала 40 километров в час. Сейчас официальный рекорд — 2 259 километров в час. Самый дальний перелет, выполненный в 1906 году, не превышал 220 метров. В наши дни самолет может покрыть без посадки более 18 тысяч километров. Грузоподъемность современных самолетов достигает 35, а вертолетов — 12 тонн.

Эти достижения далеко не предел. Ученые и инженеры создали отличные турбореактивные и ракетные двигатели. Это позволит в недалеком будущем создать пассажирские самолеты, летающие со сверхзвуковой скоростью.

Серьезной преградой в создании гиперзвукового самолета является кинетический нагрев — так называемый тепловой барьер. Если самолет на определенной высоте летит со скоростью 3 тысяч километров в час, то обшивка самолета будет нагреваться до трехсот градусов по Цельсию. Борьба с кинетическим нагревом — задача сложная, но, без сомнения, наука ее успешно разрешит.

Нельзя допустить, чтобы блистательные возможности авиации были использованы для разрушения и истребления. Народы ненавидят войну, они помнят ужасы воздушных бомбардировок. Потому-то во всех странах все громче звучат голоса, требующие прекращения холодной войны. Идея мирного сосуществования государств с различными политическими системами овладевает умами миллионов людей. В осуществлении этой благородной идеи большую роль играет авиация как средство транспорта, как средство общения между народами и континентами.

Советские авиаторы и вся наша общественность с радостью приветствуют участников 52-й Генеральной конференции ФАИ, которые соберутся в Москве.

БОЛЕЕ 240 ФИРМ ПРЕДСТАВИЛИ СВОИ ИЗДЕЛИЯ НА АВСТРИЙСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОЙ ВЫСТАВКЕ, открытой в Москве, в Парке культуры и отдыха имени А. М. Горького. 18 мая выставку посетили Председатель Совета Министров СССР Н. С. Хрущев и первый заместитель Председателя Совета Министров СССР А. И. Микоян.

На снимке: в одном из павильонов выставки.

Фото Е. Умнова.

Copyrighted material

ОРДЕН ЛЕНИНА МОЛДАВСКОЙ ССР за успехи в развитии сельского хозяйства 14 мая вручил прибывший в Кишинев Первый секретарь ЦК КПСС и Председатель Совета Министров СССР товарищ Н. С. Хрущев.

На снимке: дети подносят цветы Н. С. Хрущеву.

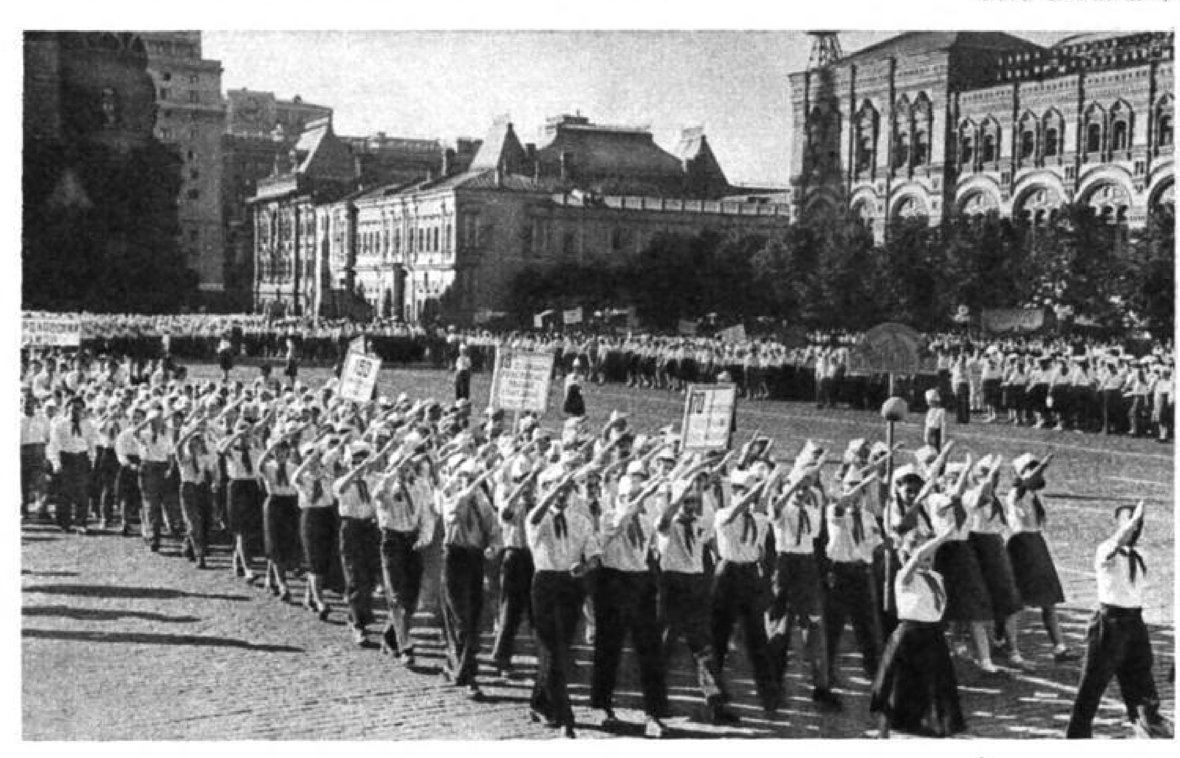
Фото С. Раскина.

19 МАЯ ПРЕМЬЕР-МИНИСТР АФГАНИСТАНА Его Высочество Сардар Мухаммед Дауд, приехавший в нашу страну по приглашению Правительства СССР, нанес визит заместителю Председателя Президиума Верховного Совета СССР В. И. Козлову.

На снимке (справа налево): Сардар Мухаммед Дауд, В. И. Козлов, секретарь Президиума Верховного Совета СССР М. П. Георгадзе.

Фото А. Устинова.

ТОРЖЕСТВЕННАЯ ПИОНЕРСКАЯ ЛИНЕЙКА была проведена на Красной площади в связи с 37-летием создания в нашей стране первых отрядов юных ленинцев.

Питомцы этих отрядов — ныне взрослые люди: рабочие, инженеры, ученые — тоже пришли на площадь и первыми возложили венки к подножию Мавзолея. Затем венки возложили юные пионеры столицы.

Фото С. Косырева.

ПЕРЕГОВОРЫ О РАЗВИТИИ ТОРГОВЛИ МЕЖДУ СОВЕТСКИМ СОЮЗОМ И ВЕЛИКОБРИТАНИЕЙ происходят в Москве. Английскую делегацию возглавляет министр торговли сэр Дэвид Экклс. Советскую — министр внешней торговли Н. С. Патоличев.

На снимке: Н. С. Патоличев (слева) и сэр Дэвид Экклс.

Фото В. Кошевого (ТАСС).

ТАК ВЫГЛЯДЕЛ ДИЗЕЛЬ-ЭЛЕКТРОХОД «ИНДИГИРКА» — первое судно, прибывшее в Баренцбург на Шпицбергене после долгой полярной зимы. На пути из Мурманска судно выдержало жестокий шторм, корпус и надстройки его покрылись толстым слоем льда.

С приходом «Индигирки» началось регулярное сообщение между советскими угольными рудниками на Шпицбергене и материком.

Фото С. Иванова.

РЕГУЛЯРНОЕ ВОЗДУШНОЕ СООБЩЕНИЕ МОСКВА — ЛОНДОН открылось на днях. Четыре рейса в неделю будут совершать советские и английские пассажирские самолеты.

На снимке: самолет английской авиакомпании БЕА во Внуковском аэропорте столицы.

Фото О. Кнорринга.

Навстречу будущему

Пимен ПАНЧЕНКО

По советской земле идет весна, с ярким солнцем, сверкающими ручьями, влажным дыханием полей, над которыми прокатился первый колокольчик жаворонка.

По советской земле идет первая весна семилетки, весна коммунизма.

В эти дни в Москву съехались писатели земли советской на свой Третий съезд. Они собрались, чтобы сверить свои сердца с биением сердца народа, чтобы откровенно и страстно обсудить, как лучше помочь своим словом партии в строительстве коммунизма, как ярче воспеть великий подвиг советского народа, который с неудержимой силой рванулся навстречу будущему.

И вот первый день съезда...

Делегаты и многочисленные зарубежные гости заполнили огромный зал Большого Кремлевского дворца. Константин Александрович Федин, один из старейших русских писателей, открывая съезд, сообщает, что все заседания съезда будут проходить под сводами древнего Кремля. Какое уважение народа к своим писателям чувствуется в этом!

С огромной силой ощущают все присутствующие внимание партии к литературе, когда Первый секретарь ЦК КПСС и Председатель Совета Министров СССР Никита Сергеевич Хрущев крепко пожимает руку председательствующему К. А. Федину, дружески приветствуя его.

Родная партия! Она умеет, как никто, мечтать и воплощать свои мечты в грандиозные планы и величественные дела.

Герой нашего времени стучится в сердца советских писателей. И здесь я думаю прежде всего о советской молодежи. О молодежи, обживающей целину и строящей шахты, покоряющей суровый север и прокладывающей нефтепроводы. О молодежи, которая будет жить при коммунизме.

Великие дела семилетки рождают своих героев. Это люди разных возрастов: седой ученый, отправляющий в космический полет ракету, и обожженный солнцем пожилой чабан, многоопытный мастер, контролирующий автоматическую линию, и знаменитый кукурузовод. Все они поселятся в наших новых книгах как полноправные хозяева.

Основными героями книг, которые будут созданы за семилетку, станут те, кто сегодня работает в бригадах коммунистического труда. Этот герой с виду ничем не примечателен, не бросок. Но он молод, образован, крепок духом и телом. Для него трудиться — большое наслаждение. Он заочно учится в институте, но не забывает спортивной площадки. Книга — первейший его друг.

Страдание, горе, печаль, тоска, грусть—эти извечные, терзающие человеческую душу чувства имели во все времена своих певцов.

О радости человеческого бытия писать труднее. Задача советского писателя — воспеть вдохновенный труд советского человека, чистоту его душевных помыслов и поступков, его безграничную жажду мира и отвращение к войне, его светлую мечту о счастье и само это теплое человеческое счастье.

Необходимо работать в полную силу и заклеймить презрением равнодушных поставщиков стертых слов и избитых фраз.

В нашей многонациональной литературе много настоящих талантов и вдохновенных книг.

Героический труд советского народа требует героического труда всех писателей.

Бурными аплодисментами встречают собравшиеся появление в ложе президиума руководителей партии и правительства.

Ч. Центкевич, Е. Завейский (Польша) и Б. Полевой.

→ Н. Тихонов, Мао Дунь (Китай), Мирзо Турсун-заде, В. Катаев.

А. Твардовский и С. Фиксин.

← Гости съезда — зарубежные писатели (слева направо): Према Викрамасингхе и Мартин Викрамасингхе (Цейлон), Мульк Радж Ананд (Индия).

Делегаты съезда (слева направо): И. Рябокляч, В. Минко, И. Выргань, В. Собко, С. Муканов и И. Ле.

Copyrighted material

ТРЕТИЙ СЪЕЗД ПИСАТЕЛЕЙ СССР

К. Федин и Г. Караславов (Болгария).

Фото Я. Рюмкина и А. Новинкова.

Французские писатели Андре Стиль и Арман Лану.

С. Чиковани, К. Каладзе, Г. Гулиа, Кара Сейтлиев, И. Абашидзе.

Copyrighted material

ПЕРЕД ПЛЕНУМОМ ЦК КПСС

Дары Дарницы

Начальник смены Камила Романенко и автоклавщик Н. Ковпак.

Фото Н. Козловского.

М. АНГАРСКАЯ

Двадцать шесть платьев в год! Пожалуй, даже самая большая модница не мечтает о таком количестве туалетов. Однако подсчитано, что в 1965 году их могла бы иметь каждая советская женщина, если, конечно, всю вырабатываемую ткань превратить в платья.

Ведь наша текстильная промышленность к концу семилетия выпустит ткань в астрономических количествах: более десяти с половиной миллиардов метров. Это будет лента такой длины, что ее можно 28 раз протянуть от Земли до Луны. Как она будет разнообразна! То шерстяная и хлопчатобумажная, то шелковая и вискозная, то капроновая и энантовая, то хлориновая и лавсановая...

Спрос на ткань синтетической химии растет изо дня в день. Она красива, долговечна, дешева. И если вы хотите посмотреть, как трудятся над ее созданием, поезжайте в Дарницу, на комбинат искусственного волокна.

Дарница, предместье Киева, имеет многовековую историю. Сюда, на левый берег Днепра, выкладывали свои дары князьям Киевской Руси иноземные гости. Вот отчего и пошло ее название. Сейчас Дарница — красивый социалистический город, продолжение украинской столицы. Но традиции свои Дарница сохранила до сих пор. И по сей день она славится своими дарами, только не заморскими, как когда-то, а собственными, вырабатываемыми на мощных дарницких предприятиях. Среди них вискоза и капрон, необходимые для всех областей народного хозяйства и повседневного быта человека.

В народе говорят, что у хорошего хозяина порядок начинается с порога. Миновав проходную Дарницкого комбината искусственного волокна, сразу попадаешь в сад. Как красив он сейчас, в весеннем цветении, на фоне яркоголубого украинского неба! Бледно-розовые макушки яблонь перемежаются с лиловыми кустами махровой сирени, с нежной листвой молодых тополей.

В глубине сада стоит пятиэтажное здание. Это Большой капрон. Молодая, стройная женщина с копной золотистых волос — Камила Романенко — одна из основательниц Большого капрона.

Пять лет назад, сразу после окончания химического техникума в Иванове, совсем еще юной девушкой приехала она в Дарницу на монтаж и пуск производства капрона. Здесь Камила встретила таких же, как и она, молодых химиков, съехавшихся из разных концов страны. У всех были на руках дипломы, но знания их о капроне ограничивались весьма поверхностным знакомством с капроновыми чулками.

Капрон был новинкой, он рождался в муках творчества, и люди, производившие его, учились на ходу, с неизбежными в таких случаях временными неудачами, срывами и недоделками.

Сейчас Камила Романенко — опытный технолог химического цеха. Кто же лучше нее может рассказать нам о Большом капроне! Камиле знаком здесь каждый винтик, многое сделано собственными руками, придумано ею самой, почти о каждом аппарате она может сообщить любопытные «биографические» данные.

Мы поднимаемся с Романенко на верхний этаж химического цеха, весь перевитый длинными трубами. Поблескивая свежей краской, выстроились в ряд высоченные автоклавы.

— Они у нас только совсем недавно так выросли,— говорит Камила.— Сами автоклавщики их наращивали. Сначала обновили наиболее старый автоклав. А когда убедились, что он стал одним из лучших, наиболее производительным, принялись переделывать и остальные.

В автоклавы загружают белые кристаллы капролактама. Родословная этого вещества ведет на заводы, где при переработке каменного угля или нефти получают фенол, или, попросту говоря, карболовую кислоту — давно известную как прекрасное дезинфицирующее средство. Из этой карболки химики получили капролактам.

Камила Романенко ведет нас по следам чудесного превращения вещества. В автоклавах молекулы-одиночки кристаллов сращиваются, вытягиваются в длинную цепь, становятся гигантами. В многостадийном производственном процессе капролактам подвергается самым причудливым изменениям. Из сыпучего вещества он превращается в вязкую жидкость, похожую на глицерин, затем в твердую полупрозрачную ленту. На этом сложном пути его то нагревают до 250 градусов, то купают в студеной воде артезианского колодца. И наконец сквозь платиновые ситечки-фильеры с мельчайшими отверстиями в десятые доли миллиметра текут застывающие на воздухе тончайшие струйки. Яркие лучи электролампы золотят их. Трудно оторвать взгляд от волшебного зрелища появления на свет химических волокон. Дальше их обрабатывают, вытягивают, скручивают, сушат — превращают в прочную нить, которая выдерживает вес в несколько десятков килограммов.

Кажется просто невероятным, что эта шелковистая нить была когда-то каменным углем или нефтью, а будет нежной, нарядной блузкой, шарфом, прочной деталью станков, кордом для автопокрышки, теплой шубой, рыболовной сетью, леской, электроизоляцией и многим, многим другим.

— Хороша, но очень требовательна капроновая нить! — Романенко подхватывает ловким, привычным движением выходящую из машины бобину.— Малейшее нарушение режима ведет целую партию к браку. Но за пять лет мы основательно изучили ее «характер» и справляемся со всеми капризами. Сейчас мы задались целью сделать ее более податливой. Сегодня мы стремимся к тому, чтобы она создавалась проще, быстрей и лучше по качеству. Что же касается «завтра» нашей капроновой нити, то оно целиком подвластно Константину Евгеньевичу Фишману, начальнику опытной установки.

Константин Евгеньевич так изучил капрон, так отлично разбирается во всех его сложных производственных тонкостях, что Камила Романенко и ее товарищи по работе в шутку прозвали его «богом капрона».

По дороге к «богу» — длинные коридоры комбината. На некоторых дверях комнат начальников цехов висели таблички с надписями: «Тише. Идут экзамены».

— Рабочие сдают техминимум,— пояснила моя спутница.

На комбинате учатся рабочие, бригадиры, мастера. На курсах, в специальных техникумах, в химико-технологическом институте... Для инженеров читают лекции по приборостроению, автоматическому оборудованию, электронике.

Мы идем в помещение опытной установки капрона. Здесь всего двое рабочих. Они, по существу, только следят за процессом, который идет сам собой — непрерывно и автоматически. Капролактам загружается в так называемую полимеризационную трубу — особый вид автоклавов, где образуются длинные цепи больших молекул. Затем вязкая масса сама по трубам направляется к прядильным машинам, продавливается через фильеры, и процесс рождения волокна закончен. Он миновал многие операции, которые мы видели на Большом капроне.

Новый метод ликвидирует около десяти операций. Химический цех вместо пяти этажей займет всего лишь небольшое одноэтажное помещение, и обслуживать его будут двое — трое рабочих высокой квалификации.

Главный помощник химиков — автоматика. Они на нее возлагают большие надежды. В ближайшее время на опытной установке капронового волокна применят электронику, телемеханику.

Ученые стремятся к тому, чтобы смола без затраты труда, времени и оборудования перевоплощалась прямо в ткань. Это ли не захватывающая перспектива? Перспектива, открывающая новые горизонты. Скоро Дарница сможет преподнести стране еще бо́льшие дары.

У старого дуба

А. ГОВОРОВ

Максиму Фадеевичу
РЫЛЬСКОМУ

Потрескавший, сógнутый,
видевший виды,
стоит возле стройной
сосны и ракиты
и тихо им шепчет.
А что!
Я не знаю.
А слышу:
— Про Анку, дедусь,
— Про Чапая.

Гляжу я,
у дуба —
чапаевец.
Прямо
стоит,
не сутулясь,
весь в сабельных шрамах.
С бровями седыми,
с висками седыми,
с руками,
как сучья у дуба,
сухими.
И детям,
чапаевский рейд вспоминая,
волнуясь,
рассказывать начинает.
А дети сдвигаются ближе,
плотнее,
и дед,
словно дуб,
на глазах молодеет.

Я тихо шепчу,
за ним
повторяя...
У старого дуба —
листва молодая.

Copyrighted material

ХОР и ЗАПЕВАЛА

Ольга КРЕТОВА

Фото А. Гостева.

У Николая Мануковского серые глаза, прямой, чуть широковатый нос, лицо простое, без каких-либо «особых примет». Впрочем, одна и весьма характерная «мета» есть: левая бровь короче правой — здесь след зажившего ранения.

Увы, мне уже приходилось видеть на лицах механизаторов такие отметины, по ним без ошибки можно узнать тракториста.

И, коснувшись своей брови, я спрашиваю Мануковского:

— А когда, Николай Федорович, с трактором пободались?

— Да если бы только раз... — понимающе отзывается мой собеседник. — Трижды он меня почти замертво укладывал. Как это у боксеров говорится: нокаут, что ли? Я тогда еще был приземистый — вырос только к двадцати годам, — рукоятка вровень со лбом. Станешь заводить, крутнешь ее, а трактор как даст в обратную — ну, искры из глаз, и лежишь плашмя. Когда он мне бровь развалил, я только и успел подумать: «Все! Отпахался...»

За этим простым рассказом — биография человека, вошедшего в семью механизаторов еще подростком, когда мужчины были на фронте. За беловатым рубцом на брови — правдивая история о горячности и неопытности молодого тракториста, об изношенности машин, об их аварийном состоянии в те трудные годы.

Но, как говорит сам Мануковский, он быстро понял, что «трактор кнутом не подгонишь, упрямством не переупрямишь. Машина любит вежливое обращение». Он выработал в себе внимательность к «нуждам и потребностям» машин, бережливость, заботливость. Это стало его натурой.

Председатель колхоза Водопьянов, ранее долго работавший директором МТС, вспоминает:

— Бывало, пригонят тракторы на зимний ремонт. Я только войду на усадьбу МТС, обведу взглядом машинный парк и сразу указываю: «Вот трактор Мануковского». Ребята удивляются: «Как вы, Анисим Андрианович, узнали?» «А потому, — говорю, — что он живехонький. Каким весной из МТС вышел, таким, голубчик, и возвратился».

Мы безбоязненно вручали Николаю любую технику, — рассказывает Водопьянов. — Какая бы новинка ни поступила в МТС, первым ее осваивал Мануковский. В 1956 году нашей Ново-Усманской МТС поручили опробовать новый вспомогательный механизм к квадратно-гнездовой сеялке. Когда встал вопрос, кому из трактористов доверить ответственный опыт, двух мнений у нас не было: конечно, Мануковскому. Но мы еще не догадывались в то время, что из этого опыта вырастет дело государственной важности...

Ныне воронежского тракториста Николая Федоровича Мануковского знает вся страна. В колхозе имени Кирова, Ново-Усманского района, он вдвоем с напарником выполняет работу, на которой раньше было занято около сорока человек.

Николай Мануковский в черноземном центре и Александр Гиталов на Украине стали зачинателями выращивания кукурузы без затрат ручного труда. Это о них говорил Никита Сергеевич Хрущев на Пленуме ЦК КПСС в декабре минувшего года: «Здесь выступали товарищи Мануковский и Гиталов. Когда их слушаешь, чувствуешь, что силы прибавляются, крылья растут. Почему? Потому, что их опыт открывает большие возможности для повышения производительности труда».

Вскоре после Пленума ЦК КПСС в Воронеже проходил семинар секретарей райкомов партии: в аудиториях Сельскохозяйственного института партийные работники слушали лекции по агрономии, агротехнике, машиноведению.

После лекции известного конструктора, кандидата наук, должен был выступать Мануковский. Во время перерыва Николай Федорович, стоя в группе товарищей, с некоторым смущением пошутил:

— Вот не думал попасть в доценты!

Кто-то подбодрил:

— Да ты уже профессор.

Что ж, если по-горьковски считать университетами трудовую жизнь, — сказано в самую точку!

Двое пашут — семеро руками машут

Чтобы осмыслить все значение работы Мануковского, вспомним, как обычно выращивали кукурузу.

Рядовой сев для кукурузы противопоказан. Он позволяет проводить тракторную обработку только в одном направлении — вдоль рядков. В самих рядках прорывка растений и прополка должны проводиться вручную. Это требует огромных затрат труда.

Чтобы обрабатывать поля машинами перекрестно, кукурузу надо сеять квадратным способом, точнее, квадратно-гнездовым.

Как же когда-то образовывались квадраты?

Поле велико. Тут даже небольшое отклонение от прямолинейности уведет борозды не туда, куда надо, сломает квадраты. Значит, нужно выставить вешки — ориентиры.

Но вот культиватором поле расчерчено на клетки, как говорят, проведена маркировка. В местах пересечения борозд должны быть гнезда. На поле выходят колхозницы. Они сажают зерно прямо под тяпку.

Но как медленна эта работа! Сколько требует людей!

Тщетным было бы надеяться засадить вручную большие площади. Сажать можно только на малых площадях, на больших надо сеять.

На вооружение колхозников поступают квадратно-гнездовые сеялки. Широкое распространение получил посев с применением мерной проволоки. «Мерной» она называется потому, что вся точно размерена и через каждые 70 сантиметров имеет упоры, иначе — шайбы.

С помощью лебедок проволока натягивается вдоль поля и вкладывается в узлоуловитель. Сама она неподвижна, а сеялка движется.

Скользя по проволоке, вилка узлоуловителя встречает препятствие — шайбу. Вилка отклоняется и через систему рычагов открывает клапаны сошников — происходит высев.

После каждого прохода агрегата колхозники переносят мерную проволоку на новое место, параллельно ее прежнему положению.

Но даже в лучшем случае, если колхозники слаженно переносят проволоку, выходит, что сеяльщики и подсобники работают попеременно. Пока агрегат идет вдоль проволоки — у подсобников вынужденный отдых: «хоть газеты читай, хоть семечки лузгай». Когда же они заняты переноской — стоит агрегат, теряя по двадцати процентов своего рабочего времени.

С мерной проволокой возятся пять, а то и семь человек. А на посевном агрегате всего двое — тракторист и сеяльщик. Поистине, двое пашут, а семеро руками машут.

Закономерно ли, чтобы на вспомогательной работе было занято втрое больше людей, чем на основной, производственной?

Закономерно ли, что тридцать пять лошадиных сил (трактор) стоят и дремлют, а пять — семь человеческих сил «впряжены» в переноску проволоки?

Современные машины и в промышленности и в сельском хозяйстве, выражаясь фигурально, делаются все более и более самостоятельными. Иногда это даже закреплено в их названиях, например, САМОходный комбайн, САМОсвал. Ну, а как же квадратно-гнездовая сеялка? Нельзя ли заставить и ее перейти на САМОобслуживание?

Оказывается, хоть это и не просто, но вполне возможно.

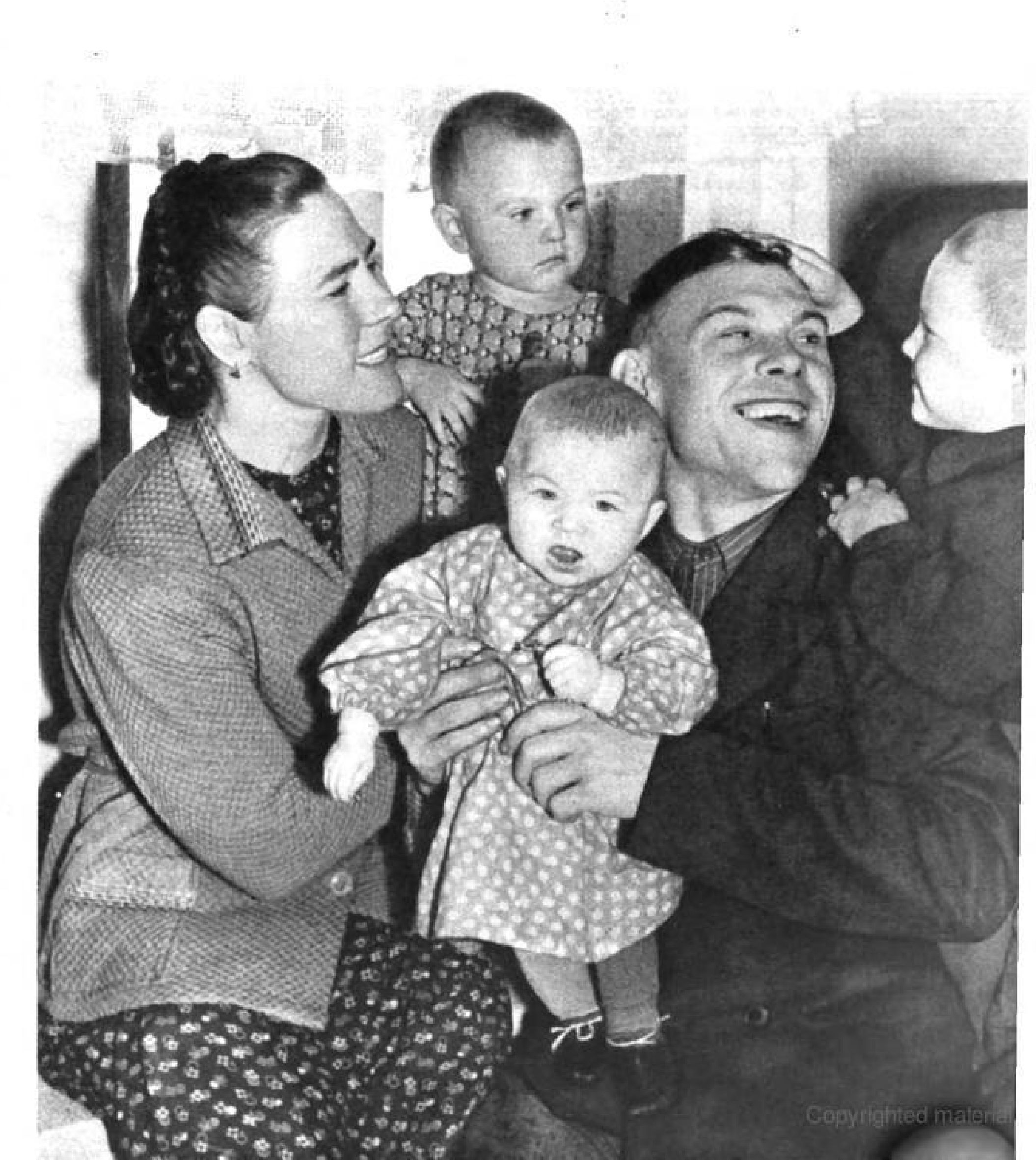
Лиха беда — начало

Инженер областного управления сельского хозяйства Валентин Павлович Петров рассказывает:

— Когда в Ново-Усманской МТС решили начать выращивание кукурузы по новому методу, Мануковский и его напарник Лукин поехали в Москву на консультацию. Вместе с ними управление послало и меня.

В министерстве мы впервые в жизни увидели вспомогательный

Н. Ф. Мануковский с семьей.

Copyrighted material

механизм к квадратно-гнездовой сеялке — «отпускной кол». Это его так называют — кол, а похож он на трезубец Нептуна. В общем, центральный стержень, еще два по краям и другие детали.

Работник министерства, как видно, сам инженер, объяснил действие кола.

Спрашивает меня: «Поняли?» Неловко было признаться, но все-таки отвечаю как есть: «Нет, не понял».

Дали мне статью о диагональном переносе мерной проволоки. Читал я ее, читал — еще больше в голове путаница. Признался и в этом.

Товарищ из министерства, похоже, слегка сердится, во всяком случае, недоволен. «Какое, — спрашивает, — у вас образование? Возьмите лист бумаги, давайте чертить».

Мануковский меня потихоньку успокаивает: «Что вы, Валентин Павлович, переживаете? Раз кто-то делает, значит, и мы сделаем».

Я его так же тихо спрашиваю: «А вы поняли?» Он говорит: «Вроде бы догадался».

Все-таки я на догадку не понадеялся.

Принялся опять за теорию.

...Итак, посевной агрегат должен теперь сам перетащить мерную проволоку с одного места на другое. Физически для него это сущий пустяк. Но люди переносили сразу оба конца проволоки, сразу натягивали ее параллельно предыдущей линии, а сеялка так «не умеет».

При механическом переносе проволоку, закрепленную и натянутую отпускными колами, агрегат, двигаясь вперед, как бы сдергивает с прежней линии, перемещает по диагонали. Чем ближе край поля, тем короче диагональ. Кол понемногу «отпускает» проволоку за счет троса на своем барабане. Недаром он и назван — «отпускной кол».

— Позвольте, — спросит читатель, — но ведь при каждом повороте агрегата кто-то должен переносить отпускной кол на новую линию? Значит, подсобная сила все-таки нужна.

Нет. Эту работу выполняют те же два человека, что ведут сев. И у Мануковского уходит на нее всего две минуты.

Возникает другой вопрос, более трудный. Раньше во время движения сеялки проволока оставалась неподвижной, а теперь она перемещается, да еще по диагонали. Что же является гарантией правильности квадратов?

На этот мой вопрос инженер Петров ответил: «Сложный математический расчет конструктора плюс высокое мастерство работающих на агрегате».

И добавить к этому мне совершенно нечего. На то она и техника, чтобы оставаться для нас, непосвященных, немного загадочной.

Но возвратимся к весне 1956 года.

За приспособлением для сеялки и отпускными колами Мануковский ездил на завод «Красная звезда» в Кировоград. Вернулся он в колхоз 6 мая. Сразу вместе с напарником Иваном Лукиным и с инженером Петровым переоборудовали сеялку, отрегулировали ее. Начали испытывать колы.

На непахотном участке стали учиться механическому способу переноса проволоки. Рассказывая об этом, Мануковский признается:

— Здесь я и понял, что догадка бывает двух сортов: одна от воображения, а другая от знаний. Валентин Павлович — золотая голова! — потрудился над техническими расчетами, и его догадка моей подсказывала. Так вместе и добирались до каждого секрета.

10 мая выехали в поле.

— Сначала мы сами себе не верили, — вспоминает Мануковский. — Будто бы делаем все по правилам, а получатся квадраты или нет, кто знает? То и дело, как жуки, начинаем рыться в земле, раскапывать гнезда. Председатель колхоза Анисим Андрианович брюки на коленях насквозь протер. Посеяли в первый день только два гектара. Председатель от таких «темпов» духом пал и нас своим настроением убивает. Говорит: «Много докуки — будет ли что в руки? Этак вы за месяц не посеете, время упустите...» Ну и другое начальство (его много тут было) хоть вслух и не высказывает, а смотрит невесело. Тоже сомневается. Очень трудно при таком пониженном давлении работать. Но мы с Валентином Павловичем решили набраться твердости. Шаг по шагу — на другой день шесть гектаров одолели, на третий — десять... Я на тракторе, Лукин на сеялке, а Петров все по пашне ползает, гнезда проверяет. Поднимет руку, оттопырит большой палец — значит: «во!» — порядок.

Скоро мы совсем осмелели, настал такой день, что двадцать семь гектаров посеяли. Валентин Павлович стряхнул землю с колен... Кукурузу мы закончили 20 мая, а еще в конце апреля у нас был посеян подсолнух. Он уже дал по три — четыре листка. Меня с напарником перебросили на культивацию.

Работаешь на подсолнухе, а мысли все на кукурузе: терпения нет узнать, что там делается, прорастет ли зерно. Хорошо еще, что плантация та была возле дороги и нам по пути. Едешь утром — и на ней побываешь, вечером возвращаешься — тоже остановка. Ну, вечером мы допоздна работали, уже в земле — рой не рой — ничего не увидишь. Но чую, не одни мы сюда завертываем: тут и велосипедные следы, значит, агроном. И председателев «Москвич» свои шины отпечатал и, должно быть, райкомовская «Победа».

Больше всех переживал председатель. И то правда: на нем ведь не за «опыт», а за все хозяйство ответственность. «Оставим скот без кормов, как тогда быть?» От этой заботы у него, небось, подушка под головой вертелась.

И вот на восьмой день, на зорьке, встретились мы с Анисимом Андриановичем у заветного поля. Взглянули — дух захватило! По всему полю кукуруза высунула свои зеленые шильца, да такие они сильные, крепкие, кажется, на глазах из земли лезут. А квадраты, квадраты... «Хоть в кино показывай!» — крикнул Анисим Андрианович от радости. (И напророчил на нашу голову! Сколько нас потом киностудия мучила!)

Пошла кукуруза в рост. Мы с Лукиным ее обрабатываем вдоль и поперек. Ничьей тяпки, ничьей пятки на поле и в помине нет.

Тут наш председатель расцвел. А теперь у него с каждым годом думки вперед бегут. Как бы с подсолнуха ручной труд совсем устранить, а там с сахарной свеклы, а там с картофеля. В общем, он теперь так рассуждает: на каком основании эти культуры называются техническими, если их приходится касаться руками? Надо их полностью возделывать техникой, тогда имя будет оправдано.

Очень разохотился Анисим Андрианович на комплексную механизацию.

Ответ скептику

Когда я описывала начало возделывания кукурузы по новому методу, я немного боялась: не ввести бы в заблуждение читателя. Не подумал бы иной, что механический диагональный перенос проволоки — такая головоломная штука, что из всех инженеров постичь его мог один Петров, а из всех трактористов осуществить один Мануковский.

Если бы дело обстояло так, это был бы номер эксцентриков, а не метод полевой работы.

Пользуясь категориями искусства, скажу, что сельское хозяйство (как и промышленность) можно сравнить не с цирком, а с хором. Запевалы дают тон, ведут за собой, но мощь хора — в коллективе.

Комплексная механизация на кукурузных полях доступна всем колхозам. Но требует она двух основных условий: от председателя — обеспечить работающих людей необходимой техникой, от механизаторов — высокой культуры труда.

Мануковский и Петров на первых порах испытали серьезные трудности. Но ведь у них не было учителей. Им пришлось призвать на помощь и догадку и смекалку. Пришлось даже в сеялку вносить свои поправки.

В 1956 году работа Мануковского и его напарника была еще испытанием, экспериментом. Но так как проводилась она не на малой делянке, а на целых 130 гектарах, то сразу дала экономический эффект.

На следующий год Мануковский с напарником Высоцким (Ивана Лукина призвали в армию) еще больше чем на полсотни гектаров увеличил размеры поля, а затем довел его до 200 гектаров. В 1958 году с каждого гектара было взято по 412 центнеров зеленой массы с початками.

Работа новаторов переросла рамки опыта-испытания. Она стала уже накопленным производственным опытом, тем опытом, который надо быстрее передавать, внедрять повсеместно.

Николай Федорович немедля принялся за это. Прежде всего он в родном колхозе обучил новому методу выращивания кукурузы братьев своего первого напарника — Лукиных Михаила и Виктора.

Тут пошли всякие курсы, семинары.

И вот уже появились в Ведугском районе братья Петр и Тихон Ковалевы, вырастившие вдвоем кукурузу на 130 гектарах, в Хреновском районе братья (везет кукурузе на братьев!) Николай и Евгений Шаталовы, возделавшие 150 гектаров. Да в том же районе двое Дорожкиных (тоже братья? Не знаю). Да в Россошанском районе, да в Новохоперском... Каждая пара возделывает по сто и больше гектаров кукурузы, получая высокий урожай.

Потекли в Воронеж кукурузоводы со всех концов страны. Слушали лекции, проходили практику в машинных залах Сельхозинститута и в поле.

А многие едут прямо в Новую Усмань. В начале февраля нынешнего года в колхозе имени Кирова побывали экскурсанты из Киргизии и Казахстана.

Николай Федорович Мануковский в это время только что возвратился с XXI съезда партии, делегатом которого он был. Едва успев вручить жене и детям московские подарки, он поспешил к гостям. Недолгая беседа в клубе, и все идут на заснеженный «учебный полигон» возле машинно-ремонтной станции. Здесь наготове трактор «Беларусь», квадратно-гнездовая сеялка и, конечно, отпускные колы. Начинается практика. Николай Федорович помогает людям наглядно увидеть промахи, которые они раньше делали, не подозревая об этом.

Тракторист Олейник из совхоза «Кайды-Кумацкий» осторожно опускает в сошники сеялки маленькие металлические шарики. Его товарищ из совхоза «Аниховский» засекает время. Но стальные «семена», выпадая на специально подложенный Мануковским лист железа, стучат вразнобой...

— Вот она, наша ошибка! — догадываются механизаторы.

А Мануковский объясняет способы регулировки.

«Какие они простые, эти «секреты мастерства», прямо азбука», — думает подчас тот, кто их уже постиг. Но для новичка все это открытия.

...Встречаются у нас еще эдакие скептики, которые во всем хорошем хотят увидеть червоточину. Один такой и говорил мне: «Что Мануковский? Теперь его песенка допета. Три года гремел, а если во всех колхозах станут работать так же, как и он, значит, он опять уйдет в тень. Как был рядовым, так рядовым и останется».

Да, Николай Мануковский — тракторист! И менять свою профессию не собирается. Он любит ее, гордится ею.

Не понять скептику, что это тракторист уже нового качества. Он озабочен не только делами своего колхоза, а большим хозяйством всей страны. К его замечаниям прислушиваются конструкторы сельскохозяйственных машин, его опыт изучают работники научно-исследовательских институтов. Рядовой тракторист вырос в государственного деятеля, избран депутатом Верховного Совета РСФСР.

...Вступила в свои права весна первого года семилетки. Николай Мануковский взял на себя обязательство лично засеять навесной сеялкой 150 гектаров кукурузы и 75 гектаров подсолнечника и вырастить по 500 центнеров зеленой массы с гектара. И первую часть своей «программы» он уже выполнил.

Запев Мануковского прозвучал на русском языке, его друга и «соперника» Александра Гиталова — на украинском, их свежие голоса слились, подхваченные мощным, многоголосым, многонациональным хором...

Вот невольно опять вспомнилось о хоре (область-то наша, Воронежская, песенная, невольно тянет к таким сравнениям). Какая роль принадлежит солисту хора? Он — или она — зачинает песню, потом, когда вступит ансамбль, поет вместе со всеми и действительно как бы растворяется в коллективе. Но на каждом новом этапе песни мы снова слышим зовущий, ведущий голос запевалы.

Copyrighted material

В. Лазаревская. ТУРКМЕНИЯ. ПОЛЕВОЙ СТАН.

У границы песков

Художнику рассказывать о своих впечатлениях, наверно, так же трудно, как писателю рисовать или композитору слагать стихи. И поэтому свои впечатления я старалась выразить при помощи цветных карандашей и бумаги.

Почему цветные карандаши? Да потому, что там, где акварельные краски сохнут еще на конце кисти, это прежде всего очень удобно. Кроме того, и это тоже важно, цветные карандаши, которыми я работала, если нажимать на них посильнее и действовать с ними без излишней «деликатности», используя всю их цветоносность, как нельзя более отвечали моим задачам.

Экспедиция в Чарджоускую область, Туркменской ССР, в которой я приняла участие, была организована Институтом этнографии имени Н. Н. Миклухо-Маклая. В мои обязанности как художника входило изображение предметов материальной культуры — домов, одежды, ковров, ювелирных изделий, утвари. Но, как ни увлечена я была своей работой, как ни трудно мне было выкраивать время для другого, я не могла остаться равнодушной, не могла не рисовать жизнь сегодняшней Туркмении.

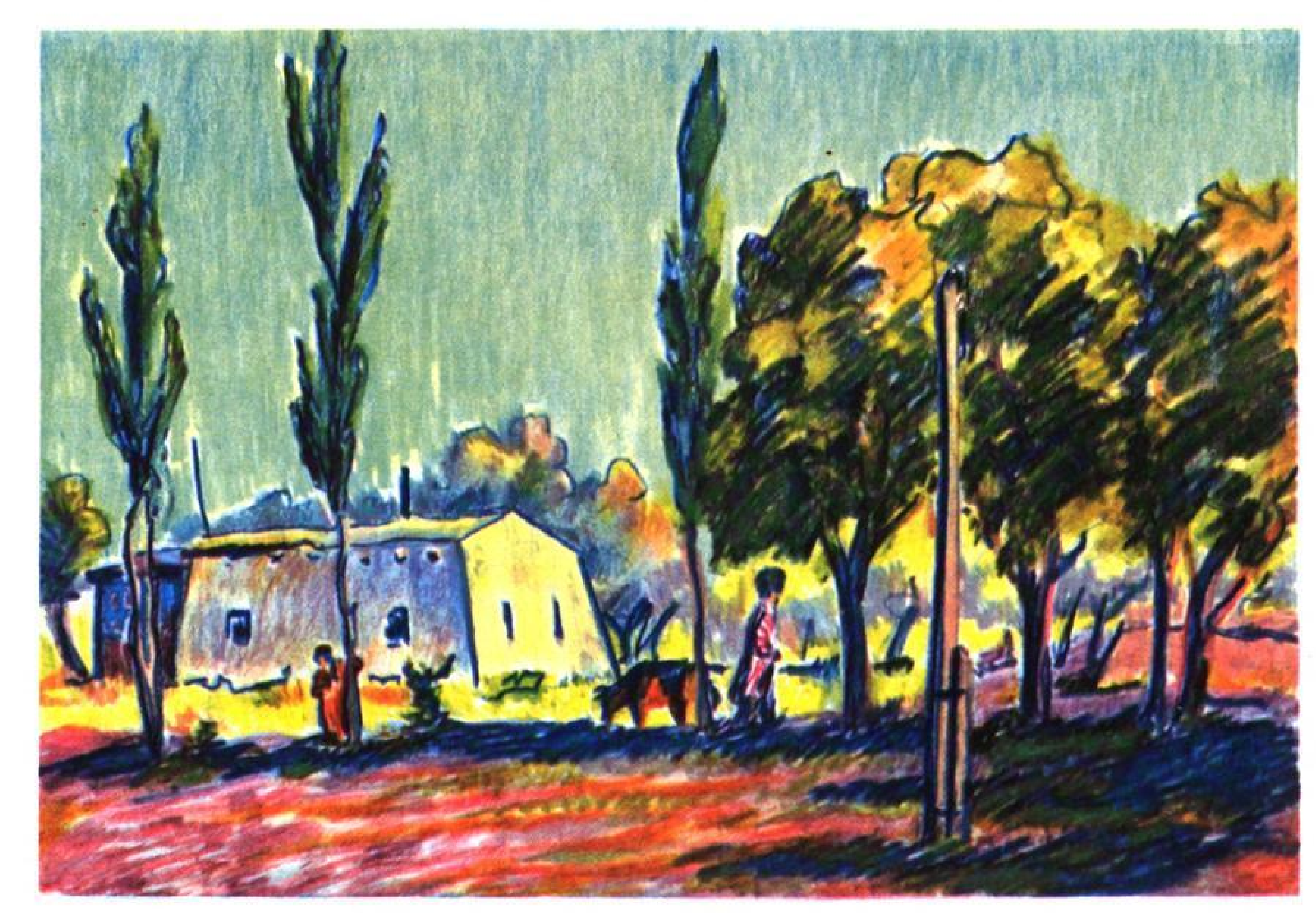
Я и сейчас еще вспоминаю туркменских девушек среди хлопковых полей. Они — как нарядные и яркие цветы, в красных одеждах, падающих вниз широкими и свободными складками. Женщины старше 45 лет — в синем с большими цветами, старики в ярко-синих халатах с крупными розами и в голубых чалмах... Столько оттенков красного, синего, что кажется, не хватит палитры, чтобы передать их изысканные сочетания, тонкие переходы тонов. Удивительно развито у туркмен чувство цвета!

Где бы мы ни останавливались, будь то полевой стан, или школа с рядами велосипедов возле белых стен, или контора правления колхоза с красным флагом, видным отовсюду,— во всем ощущалось дыхание современности. Оно не только в отношениях между людьми, в изобилии и достатке, в задорном смехе девушек и остроумии радушных стариков, оно и в соперничестве велосипедов и ослов, в непримиримой вражде мотоциклистов с курами, оно и в обстановке в домах: в кроватях и швейных машинах, письменных столах и радиоприемниках. Правда, летом и отдых и бесконечные чаепития проходят все-таки на полу: на глиняном полу, устланном ковром, куда прохладнее...

Вот, например, колхозные ясли. Их нельзя забыть не только потому, что портативные люльки остроумно привешиваются прямо к веткам развесистого дерева, которое издали напоминает сказочное растение с огромными белыми плодами, но и потому, что породили эти ясли новые отношения между людьми — дружба, чувство коллектива и любовь к труду. Ведь находятся эти ясли в том месте, где работают матери. Одна женщина, которая берет на себя обязанность следить за всеми этими малышами, дает возможность остальным спокойно работать.

В своих зарисовках мне хотелось рассказать про своеобразную природу Туркмении и ее архитектуру, о гостеприимных, сердечных и простых людях, об их труде, их жизни — всего не перечислишь. Людям Туркмении я и посвятила свои работы.

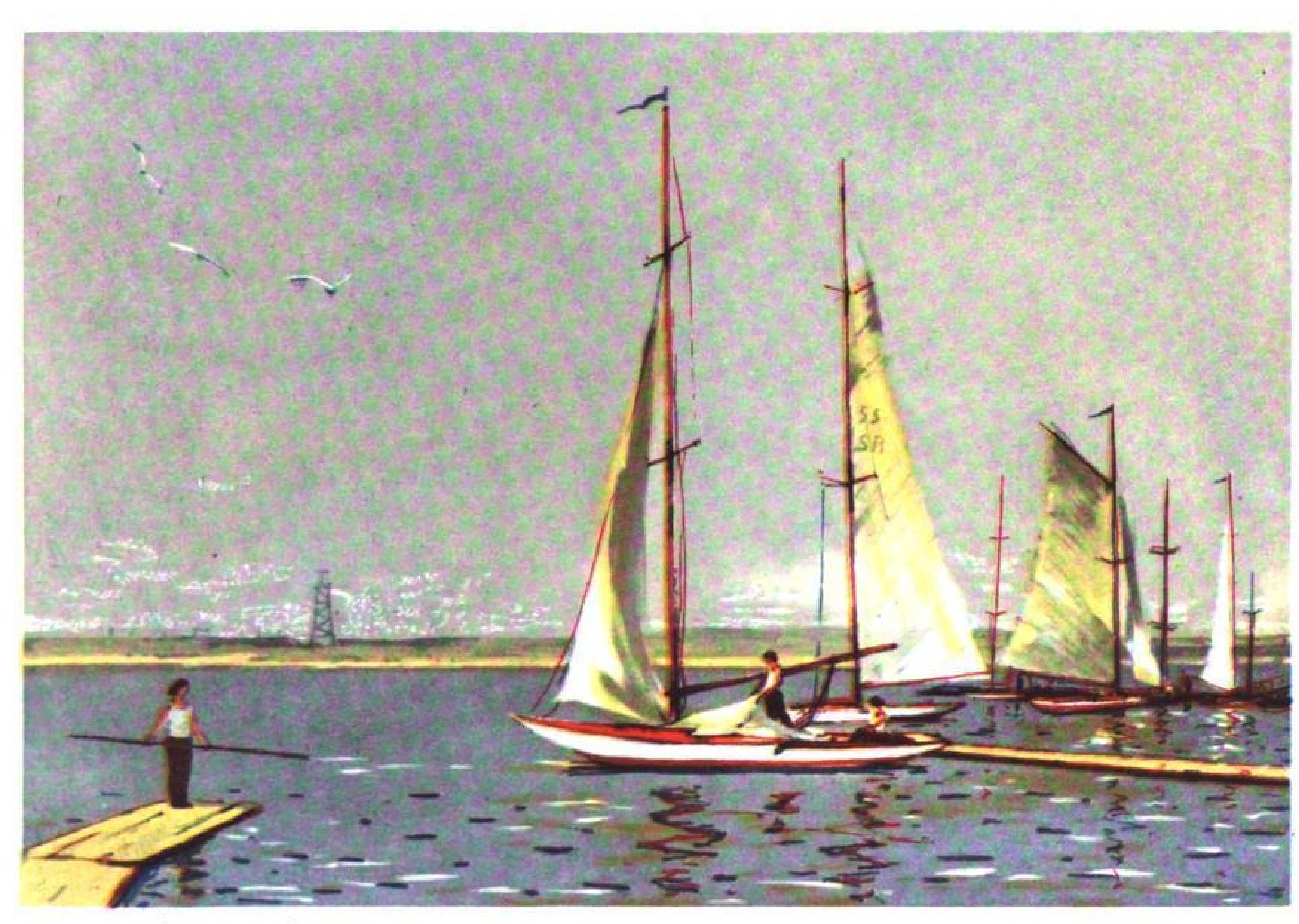
В. ЛАЗАРЕВСКАЯ

В. Лазаревская. УТРО В АУЛЕ. Цветной карандаш.

Copyrighted material

А. Оя (Пенза). ВОЗВРАЩЕНИЕ КАЛЕВА ИЗ ПСКОВА. Автолитография. **Выставка советского эстампа.**

В. Судаков (Ленинград). ЯХТЫ. Автолитография. **Выставка советского эстампа.**

Copyrighted material

ТАЕЖНАЯ НОВЬ

Василий ЖУРАВЛЕВ

Пейзаж

Воды тяжелые валы.
Орлы.
Да стройных скал
устойчивые стойки.
Да скрежет
экскаваторной стрелы,
как непременный признак
новостройки.

Енисей

— Что ты, батюшка,
мудруешь, Енисей!
Что бунтуешь,
что лютуешь, Енисей!
Что густую
волочишь зарю в моря!
Бьешь впустую,
тратишь силушку зазря!
Облака зачем
ворочаешь с трудом!..
Потерпи, пока
плотину возведем.
Вот тогда в своем пути
ты грудью всей,
знай крути-верти
турбины, Енисей!

Подрывники

Расковывая грудь реки,
взрывают лед подрывники.
А на верху крутой скалы
под гром разбуженной пальбы
гудят кедровые стволы,
как телеграфные столбы.

Сосна

Синева стоит ясна,
тайга ясна.
На припеке
вдруг проклюнулась весна.

И, потягиваясь,
хрусткая со сна,
как бы разминается сосна.

И она, сосна,
желая с солнцем встреч,
Енисея
слыша пламенную речь,
сбрасывает,
не боясь красы обжечь,
шубку горностаевую с плеч.

Мед

Здесь медом, что ни шаг,
забрызганы кусты.
Им воздух весь пропах
и стал густым-густым.

Строительный народ
кричит: «Цемент сгружай!»
А кто же соберет
целебный урожай!..

А кто же горячо
к цветам проложит след,
когда здесь мало пчел,
а пасек вовсе нет!..

Распев

Хороши сомы-налимы!
Только не за тем пришли мы
в дальние края.

Без родительской опеки
мы пришли на эти реки
в глубину тайги

строить броды-переброды,
заставлять работать воды
да сибирские заводы
заводить.

Семен Бабаевский.

С теми, кто впереди

«Люди Ставрополья, трудом своим приумножая богатства Родины, каждодневно дают обильный материал для писателя. Бери этот материал, не ленись и пиши,— недавно говорил С. Бабаевский, обращаясь к литераторам Кубани.— И наш священный долг — написать книги, достойные нашего времени, показать в этих книгах ставропольцев во всей величии их созидательного труда, воспеть красоту советского человека, его простоту и благородство». И с людьми богатого Ставропольского края, края первосортной шерсти и знаменитой пшеницы, связано все творчество Семена Бабаевского.

Детство и юность писателя прошли на кубанских просторах. Девятилетним мальчиком он был свидетелем великого похода Таманской армии, описанного А. Серафимовичем в «Железном потоне». Активное участие комсомольского вожака Бабаевского в создании коммуны на хуторе Маковском, которой рабочие-путиловцы подарили трактор (это был первый трактор на кубанских землях), затем в коллективизации на Кубани — все это открыло перед ним многие «тайны» жизни, позволило узнать характеры кубанских колхозников, их чувства, думы и дела. Работа корреспондентом в местных газетах обострила его взгляд, отточила перо, углубила понимание жизни. Так сложился писатель, для которого жизнь и труд людей родного края являются неиссякаемым источником вдохновения.

Лучшие произведения С. Бабаевского — роман «Кавалер Золотой Звезды», удостоенный Сталинской премии, повести и рассказы, собранные в книги «Родниковая роща» и «Кубанские повести», повесть для детей «Сухая Буйвола», цикл коротких новелл «По путям-дорогам» — знакомят нас с живыми, самобытными характерами, с яркими картинами степной природы. Написанные народным, выразительным языком, эти книги свидетельствуют о том, что писатель смело вторгается в жизнь, откликается на насущные вопросы современности, борется за победу нового, коммунистического в советской действительности.

Свое пятидесятилетие Семен Петрович Бабаевский встречает полный творческих сил и замыслов. Сейчас он пишет новый роман — о том, как сбылась вековая мечта крестьян ставропольских безводных полей: к ним в степь пришла кубанская вода. Главное в книге — великие перемены, происходящие в жизни села, в сознании и быту людей. Пожелаем писателю больших творческих удач и новых книг о людях современной колхозной деревни.

Юрий ПУХОВ

ПОМОЩЬ АВСТРАЛИЙСКИМ ПОЛЯРНИКАМ

Недавно газеты писали о помощи, оказанной Четвертой Советской Антарктической экспедицией полярникам австралийской станции Уилкс.

По просьбе редакции «Огонька» штурман авиаотряда экспедиции РАДИЙ РОБИНСОН сообщил из Мирного подробности этой операции.

Борис Семенович Осипов.

Сразу после того, как со станции Уилкс поступили тревожные вести о заболевании одного из зимовщиков, было решено отправить туда на самолете нашего врача. Экипаж в составе командира Б. С. Осипова, пилота А. П. Кузьмина, бортмехаников П. И. Гончарова и Н. В. Максимова, радиста Н. И. Старкова и штурмана — автора этих строк — подготовил «Н-495» — ту самую машину, на которой полгода назад В. М. Перов летал на спасение бельгийцев. Вместе с нами на станцию Уилкс направлялись врач С. А. Косачев, метеоролог В. И. Шляхов и переводчик В. П. Луговой.

Взлетаем, ложимся на курс.

Показался впереди шельфовый ледник Шеклтона, протянувшийся на сотни километров. Почему это Осипов вдруг нахмурил брови? Когда я подхожу к командиру, он молча указывает глазами вперед, где прямо по курсу встает свинцово-серая стена. Это пурга!

Входим в снегопад, солнце скрывается в облаках, самолет начинает подбрасывать порывами ветра. Уже не видно подстилающей облака поверхности шельфа, и летчики ведут самолет вслепую, по приборам. Чтобы наверстать задержку из-за встречного ветра и поспеть в Уилкс до захода солнца, летим не вдоль берега, а напрямик, через край ледникового плато. Набираем высоту — 1 500 метров. Но этого оказывается мало. Все ближе подбирается к самолету снежная поверхность ледяной пустыни, по которой стелется низовая метель.

Через четыре часа полета выходим в бухту Винсенс, на восточном берегу которой расположена станция Уилкс. Изумительная картина открывается справа. В глубине бухты с высоты 600—700 метров низвергается в море гигантский ледник в форме амфитеатра — настоящий ледяной водопад, ярко освещенный лучами заката. Но любоваться красотой некогда. Старков принял тревожную радиограмму: «Погода в Уилксе портится, на купол, где размечена посадочная площадка, наплывает плотная облачность».

Снижаемся над морем и вскоре видим впереди ярко-красные домики австралийской станции. Посадочная площадка — на белоснежной поверхности ледникового купола. Рассеянный свет, многократно отраженный от снега и низких облаков, не дает летчику определить на глаз расстояние до ледника по вертикали. Видим вездеходы, людей, посадочные флажки; все они будто подвешены в молочно-белом тумане.

Развернув машину вдоль флажков, Б. С. Осипов мастерски садится в непроглядной белой мгле. Австралийцы встречают нас с огромным радушием.

Доктор С. А. Косачев и австралийский врач проводят консилиум, советуются по радио с врачами Мирного.

Два дня прожили мы в гостях у австралийских коллег в самой дружеской обстановке. Начальник станции мистер Дингл подробно ознакомил нас с научными работами. За это время врачи уточнили диагноз больного, пришли к единому мнению о средствах лечения. Поблагодарив за гостеприимство наших новых друзей, мы собрались в обратный путь домой.

Вскоре после взлета бортрадист Старков принял из Уилкса благодарственную телеграмму Дингла с пожеланиями счастливого пути. Хоть старт наш был и трудный — взлетали с покрытого туманом купола, но зато на всем обратном пути над морем погода благоприятствовала нам. Приятно было опуститься на знакомом аэродроме Мирного. Недаром говорит пословица: «В гостях хорошо, а дома лучше».

Мирный (по радио).

Письмо

Рассказ

Борис ЗУБАВИН

Рисунок А. ЛУРЬЕ.

Вале Филипповой совсем недавно минуло восемнадцать лет. Другие девушки в бригаде были кто на два, кто на три, даже на четыре года старше ее, опытнее в жизни. Валя выглядела среди них подростком, и, как с подростком, они обращались с нею. Валя не придавала этому значения: ей было и так хорошо. Она была смешлива, застенчива и еще неприметна своей чуть запоздало начавшей расцветать красотой.

Стоял ветреный, снежный, морозный февраль; в бараке, где жили девушки, с утра до вечера топили печь, и было тепло, хотя и влажно пахло распаренным деревом. Барак недавно построили из свежего леса, стены не успели просохнуть, и на струганых, отмытых до желтизны бревнах всюду выступила пахучая вязкая смола.

В один из этих вьюжных дней, когда в сугробах тяжко стонали самосвалы, Валя, придя с работы, переодевшись и умывшись, поспешно уселась возле своей тумбочки на табуретку, аккуратно и быстро по бессознательной женской привычке проведя тыльными сторонами ладоней сзади по ногам, чтобы расправилось и не замялось красное в белый горошек ситцевое платьице, раскинула его на коленях и принялась писать письмо подруге.

«Милая, дорогая,— быстро-быстро застрочила Валя.— Я прошу извинения, что так долго тебе не писала, потому что потеряла твой точный адрес, но теперь мне сообщили его из дома и что ты работаешь на строительстве домов. Мы сейчас начали бетонировать верхний шлюз, и наша бригада вызвала на соревнование бригаду Сенченко, кто из нас получит право называться передовой бригадой. В нашей бригаде все девушки — комсомолки, и по предложению Лены Быковой, нашего бригадира, решили очень строго вести себя в быту. Дорогая, что мне делать, я боюсь, что подведу их, так как вот уже полгода влюблена в одного здешнего парня».

Написав все это, Валя принялась сосредоточенно оттирать выпачкавшийся в чернилах палец. Потом, подперев тугие щеки ладонями, уставясь немигающим, отсутствующим взглядом больших серых глаз на стену, задумалась.

Она очень точно помнила, что произошло с нею в полдень четырнадцатого августа. В тот день прошел короткий сильный ливень с громом, но, когда они закончили работу, небо было чисто, ясно, солнечно, влажная, разморенная ливнем земля — тепла и душиста. Девушки уже подходили к столовой, когда дорогу им пересек незнакомый парень в полинялой ковбойке с закатанными рукавами. На плече его лежал моток провода, парень придерживал его левой рукой, как солдаты придерживают ремень карабина, а в правой руке нес деревянный ящик, в котором лежали ролики, шурупы, молоток, отвертка и пассатижи. Плечи и волосы парня были мокры от дождя, брюки снизу забрызганы грязью. И стоило Вале взглянуть на этого вымокшего, неприглядного парня, как сердце ее замерло, словно провалилось, даже на его месте стало холодно, а потом оно заколотилось так горячо и сильно, что Валю бросило в жар, щеки ее покраснели, и толчками зашумело в ушах.

— Ой, кто это? — удивленно и испуганно сказала она, умоляюще глядя на Лену Быкову, бригадиршу, рыжую, белотелую красавицу, очень сильную и скорую на слово.

Лена уже побывала замужем и, помаявшись год, одним разом порвала с супругом, оказавшимся неисправимым пьяницей.

Не заметив, что вдруг произошло с Валей, Лена равнодушно сказала:

— Монтер.

Но Валя не этого ждала от нее, а совсем иных, необыкновенных, праздничных слов и долго потом не могла успокоиться. Так к ней нежданно-негаданно пришла любовь. Она ни разу ни в кого не влюблялась, была совершенно равнодушна, если за ней ухаживали, обещала и не приходила на свидания. Когда девчата начинали рассуждать, какая должна быть современная любовь, такая ли, какой ее описывают в романах и показывают в кино, или совсем иная, и бывает ли она с первого взгляда, Валя только слушала да поглядывала на Лену, которую считала в этом деле самой авторитетной.

Лена не то зло, не то насмешливо говорила:

— Я своей любовью с первого взгляда вот как сыта.— И проводила ребром ладони по горлу.

И Валя мысленно соглашалась с нею, что сперва надо хорошенько узнать человека и потом полюбить навек, а не бросаться на встречного-поперечного.

Но сегодня после встречи с монтером, раскрасневшаяся, напряженная, словно прислушивающаяся к чему-то непонятно, смутно, волнующе забродившему у нее в душе, она сделалась как бы сама не своя. И вечером уже в одной сорочке с соскользнувшей с плеча бретелькой, обнажившей маленькую тугую грудь, все еще находясь во власти охватившей всю ее ликующей радости, дрожа неизвестно отчего, она подошла к Лениной постели, осторожно присела на краешек и, замирая от смущения, робко спросила:

— Леночка, неужели так и не бывает любви с первого взгляда?

— Не мели, чего не следует! — сказала Лена, не отрываясь от книжки, которую она жадно читала, лежа на боку.— Какая это может быть любовь, если ты не знаешь человека, кто он и какие у него мечты?

— Но как же так? — растерянно проговорила Валя.— А если мне от него ничего не нужно? Я просто люблю его, и все. Тогда как?

— Ты? — Лена удивленно глянула на нее.

— Я к примеру говорю,— смущенно зардевшись, прошептала Валя.

— Ну и иди спать! — Лена вновь принялась за чтение.

И Валя, присмирев и поскучнев от этих слов, тихо отошла от нее.

На следующий день монтер опять повстречался девушкам, посмотрел на них и, непонятно усмехаясь, сказал:

— Привет труженикам бетона!

И эта его усмешка повергла Валю в страшное смущение. У нее, как говорят, опустились руки, она не знала, куда деваться от того, что при встрече с ним стала такой беспомощной и он, если узнает об этом, сможет сделать с нею, что угодно. И настолько сильно, велико и прекрасно было у нее чувство к этому монтеру, что стоило ей лишь увидеть его, как тут же сами собой начали сочиняться стихи.

Я тебя, дорогой, полюбила
И все время буду любить.
Как же мне все лицо твое мило,
Я не в силах его позабыть,—

вдруг очень отчетливо, радостно и грустно пронеслось у нее в голове. И это даже не удивило ее, хотя раньше, до встречи с монтером, она даже не подозревала, что умеет так складно сочинять.

Теперь она писала: «Я не могу сказать, что он красавец. Он самый обыкновенный парень, как все, но я словно дурочка делаюсь, как только увижу его. И мне все в нем нравится: его глаза, улыбка. Все-все! Я долго не знала, как его зовут, но потом мне сказали, что зовут его Сашей, а фамилия — Березин, приехал на стройку тоже, как и я, из Москвы, очень гордый и ни с кем из девчат не встречается. И тогда я полюбила его за это еще больше. Работает он монтером шестого разряда, чинит, где сломается, проводит новые времянки и так далее. И вот, можешь себе представить, однажды у нас в блоке погас свет. Девчата сразу все загалдели, повылезли наружу, а Лена побежала звонить по телефону. И вот, можешь себе представить, приходит он».

Валя поглядела в потолок и тихонько засмеялась от того необъяснимого на словах счастья, которое всякий раз, как только она начинала думать о Саше, окатывало ее своей теплой волной с головы до ног.

Он тогда был все в той же милой вылинявшей ковбойке.

— Ну, где у вас тут погасло? — спросил он, поглядев на Валю, стоявшую в дверях.

А она стала вся красная от смущения и радости, сияющие глаза ее не могли оторваться от его лица, а в голове в это время сами собою уже складывались стихи:

Вот и встретились мы с тобою,
Хоть и разные наши пути.
Знать, положено так судьбою —
Друг от друга нам не уйти.

«И он обращается ко мне непосредственно с вопросом, где погасло электричество,— пишет Валя подруге,— а я ничего не могу ему ответить и только чувствую, что очень его люблю. Тут наша бригадирша Лена говорит ему: «Можно было побыстрей прийти. Ходишь, едва ногами двигаешь, словно тебя неделю не кормили». Он засмеялся ей в лицо, а я даже задрожала от обиды за него. Как она может говорить такое! И я ей сказала, что нечего задираться, он и так очень скоро пришел. Лена сказала: «Гляди, заступница выискалась!». И между нами завязалась ссора, а он сказал: «Ладно, девчата, я сейчас быстро все сделаю.— И обратился ко мне со словами: — Посвети-ка». И дал мне электрический фонарик. И действительно, электричество сразу загорелось, поскольку он очень хороший специалист, а мне даже сделалось жалко, что он так скоро ушел от нас. Ведь пока он чинил, я имела все возможности стоять возле него, хотя мы с ним ни о чем и не разговаривали».

Валя была готова и смеяться и плакать от счастья и горя, которые принесла ей с собою ее любовь. Засыпая, она думала о Березине и, проснувшись, первым делом вспоминала его. А как хорошо мечталось о том, что в один прекрасный день он подходит к ней и говорит: «Валя, я все знаю про вас, вы отличная бетонщица и комсомолка, и я вас люблю»! И она тогда тоже говорит ему: «Саша, а я вас даже очень люблю». Ах, если бы они могли так славно поговорить! Что вслед за этим должно было следовать, она не знала. Наверное, объяснившись, они стали бы всюду ходить вместе: и в кино, и на танцы, даже в столовую, и люди, глядя на них, улыбались бы и говорили: «Смотрите, какая чудесная пара».

«Я так много думаю о нем,— писала Валя,— что у меня даже начала голова болеть. Всегда и везде, где бы я ни была, что бы ни делала, я всегда думаю о нем, и его образ стоит перед глазами. И я так часто стала задумываться во время работы, что вчера бригадирша Лена велела мне сходить к врачу и смерить температуру, не заболела ли я гриппом. Но я ей ничего на это не ответила.

Я за ним подследила и в результате узнала, что он часто бывает в библиотеке, и я тоже стала туда ходить, чтобы лишний раз поглядеть на него хотя бы издалека. И вот, можешь себе представить, я решила тоже записаться и брать книги, которые читает он, чтобы вместе с ним хотя бы тайно переживать прочитанное. Но оказалось, что он читает книги, которые мне не подходят; я одну взяла, как только он ее

Copyrighted material

сдал, называется «Монтаж подстанций высокого напряжения», принесла домой и ничего в ней не поняла. Потом я узнала, что он заочно учится в Энергетическом институте. Это меня очень огорчило, так как я же закончила семилетку, и как же после этого могу мечтать о нем! Я так мучилась несколько дней кряду. А потом я решила настоять на своем, быть достойной его и уже с осени учусь в восьмом классе вечерней школы рабочей молодежи и теперь непременно закончу десятилетку».

Письмо получалось длинное и бестолковое. Выходило пока лишь так, что самое главное все еще не высказано. Недавно Валя решила передать Березину такую записку: «Вы меня, наверное, не замечали, а я вижу вас почти каждый день. Я вас полюбила, как увидела, с первого взгляда, хотя Лена Быкова говорит, что такой любви быть не может. Но все-таки, что бы она ни говорила, а я вас очень люблю. Моим словам хотите верьте, хотите нет, но если они вам не по сердцу, я все равно буду думать о вас, этого вы мне запретить не имеете права. Незнакомая вам Валя Ф.».

Был вечер, уже взошла полная луна, всюду лежали голубые сугробы, отбрасывая черные тени, мороз поджигал щеки, снег скрипел под ногами, в темных бараках светились теплые окна, а вдалеке, в котлованах и на перемычке, горели прожекторы, и оттуда доносился бессонный гул экскаваторов, бульдозеров и самосвалов.

Валя торопливо шла в библиотеку по накатанной машинами дороге и все думала о том, почему один человек любит, а другой, тот, которого этот человек любит, холоден и равнодушен к нему и не может сам догадаться о его чувствах. Почему любовь приносит столько страданий и мучений, когда она должна приносить всем людям одну только радость?

Не успела она, стряхнув снег с валенок, подняться на крыльцо, как дверь распахнулась, и Березин вышел ей навстречу. Ушанка на нем была надета набекрень, тужурка застегнута на одну пуговицу, а под мышкой торчала пачка книг и тетрадей. Валя заробела, посторонилась, а он не спеша сошел с крыльца и зашагал, посвистывая, по середине улицы. Валя смотрела ему вслед, до боли сжав в кулаке свою записку, а в ее жаркой голове рождались в это время стихи:

Ах, зачем, ах, зачем эта встреча?
Мне вовек бы тебя не видать.
Ах, зачем, ах, зачем этот вечер,
Что заставил меня так страдать?

«Милая, дорогая подружка! Я недавно хотела с ним объясниться, но как увидела его, так опять стала словно дурочка и ничего не сказала, мне только захотелось броситься ему на шею и поцеловать, но он прошел мимо, словно меня и не было.— Перечитав эти строчки, Валя судорожно вздохнула и продолжала писать: — Я вернулась домой очень расстроенная, даже ужинать не захотела, разделась и легла в постель и все думала про него и про то, какая я несчастная, и мне так жалко стало себя, что я заплакала и незаметно как стала всхлипывать. Девчата еще не ложились, стали спрашивать, что со мной, но я ничего не могла им объяснить, только сказала, что мне приснился страшный сон, на что Лена заметила: «Не имей привычки спать на левом боку».

Милая подружка! Посоветуй, что мне делать. Настоящая это любовь или нет? Сама я ни на что не могу решиться, поскольку такое чувство у меня впервые и от него у меня голова совсем закружилась. Я бы, конечно, могла все рассказать девчатам, но мы же решили строго вести себя в быту, и я боюсь, что они скажут, что я с такими отсталыми своими взглядами на любовь не имею права состоять в бригаде. Напиши мне, пожалуйста, что у вас слышно насчет того, каким должен быть член передовой бригады, какого поведения в быту, имеет ли он право бороться за личное счастье и имеет ли право девушка, которая очень любит, сама подойти к молодому человеку и сказать ему об этом, или она должна ждать, пока он не подойдет. Но сколько же ждать можно? У нас насчет того, какими мы должны быть теперь, никто пока толком не знает, а у вас, наверное, уже все известно, так что напиши мне, пожалуйста, поскорее, я буду ждать ответа с нетерпением и тогда решу, что мне делать».

Теперь письмо вполне закончено. Валя ставит жирную точку, заклеивает свое драгоценное послание в конверт, надписывает адрес и как есть—в одном платьице с оголенными, подевичьи тонкими руками, в легких туфельках — выбегает на улицу. Ветер кидает ей в лицо мокрый снег, обтягивает платьем всю ее ладную, крепкую фигурку. На стене соседнего барака висит почтовый ящик. Валя, раскрасневшись, совсем не чувствуя холода, добегает до него, опускает конверт в щелочку и мчится обратно, сочиняя на ходу:

Для чего нам слова с тобой, милый?
Чтоб друг друга обворожать.
У меня лишь хватило бы силы
Правду жизни своей рассказать.

В сенях, с разбегу влетев в них, она выбивает дробь каблучками, чтобы ссыпался прилипший к туфелькам снег, и врывается в тепло общежития. На душе у нее оттого, что она наконец высказала в письме все, так долго не дававшее ей покоя, оттого, что скоро будет получен ответ и тогда все-все на свете и в ее жизни станет ясно и понятно, на душе у нее в эту минуту царит умиротворение, и Лена, лежащая с книгой в руках, удивленно глянув на ее счастливое, веселое, озорное, отразившее в себе эту душевную успокоенность и несказанно похорошевшее от этого лицо, строго спрашивает:

— Куда носилась?

— А так,— беспечно кивает Валя на дверь,— до почтового ящика!

Copyrighted material

Ю. ВОРОНОВ
Фото автора.

АМЕРИКА

Это памятник первооткрывателю Америки Христофору Колумбу в Сан-Франциско. Колумб добирался до Америки два месяца восемь дней. Наша делегация — делегация редакторов молодежной и студенческой прессы СССР — почти четыре... года. Причина проста: во времена Колумба не было госдепартамента, который выдает визы!..

В один из дней нашего пребывания в Америке большинство газет напечатало объявление:

«Внимание! Держите свои окна закрытыми, а двери запертыми! Не зажигайте свет в ваших спальнях! Дракула возле вашего дома. Будьте осторожны! Внимание!»

Оказалось, что на экраны вышел новый боевик — «Ужас Дракулы».

Комментарии, следовавшие ниже, гласили: «Страшный любовник, который умер, но который жив», «Он однажды попробовал крови из ее вен», «Кто будет его жертвой в следующую ночь?», «Не осмеливайтесь смотреть этот фильм в одиночку!»

Восьмиэтажная афиша на одном из зданий Бродвея рекламировала того же Дракулу.

Площадь в Нью-Йорке. Этот юноша демонстрирует прохожим свое «изобретение»: новый музыкальный инструмент, изготовленный из таза и водопроводной трубы. Зачем такой нужен — ясно не очень. У большинства зрителей он вызывает недоумение и улыбку. Но в США любят оригинальное, и — как знать,— может быть, вскоре он переночует в какой-нибудь джаз. Во всяком случае, молодой человек надеется на успех...

«Прекратить испытания водородных бомб, спасти человечество!» — написано под номером этой машины, встретившейся нам в Чикаго.

Нью-Йорк. Вид на город с крыши семидесятиэтажного Дома американской радиокорпорации.

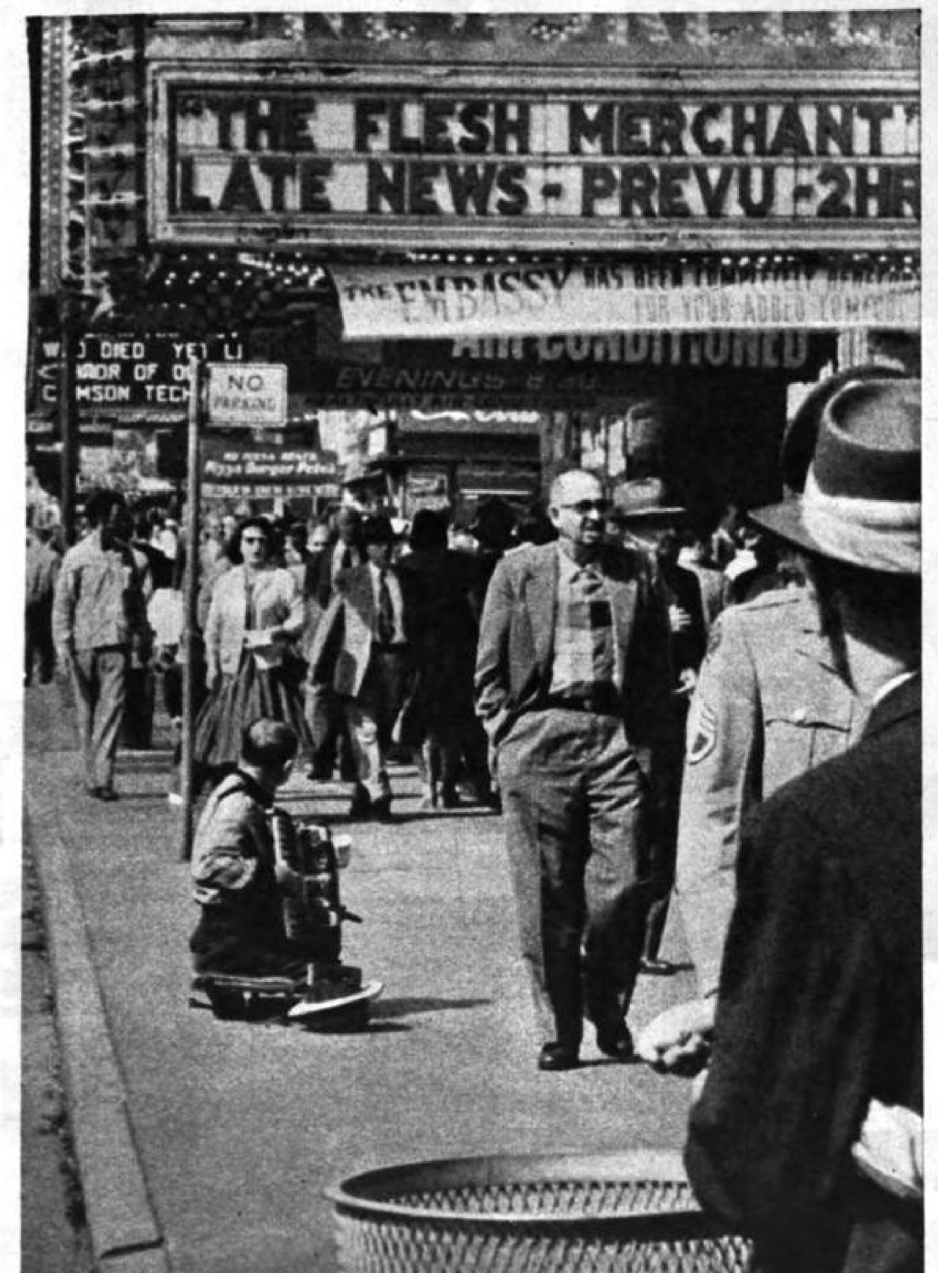

← Лидер демократической партии США г-н Э. Стивенсон весьма любезно принял делегацию. Он сказал, что приветствует установление культурных контактов между нашими странами, и высказался за развитие торговых отношений.

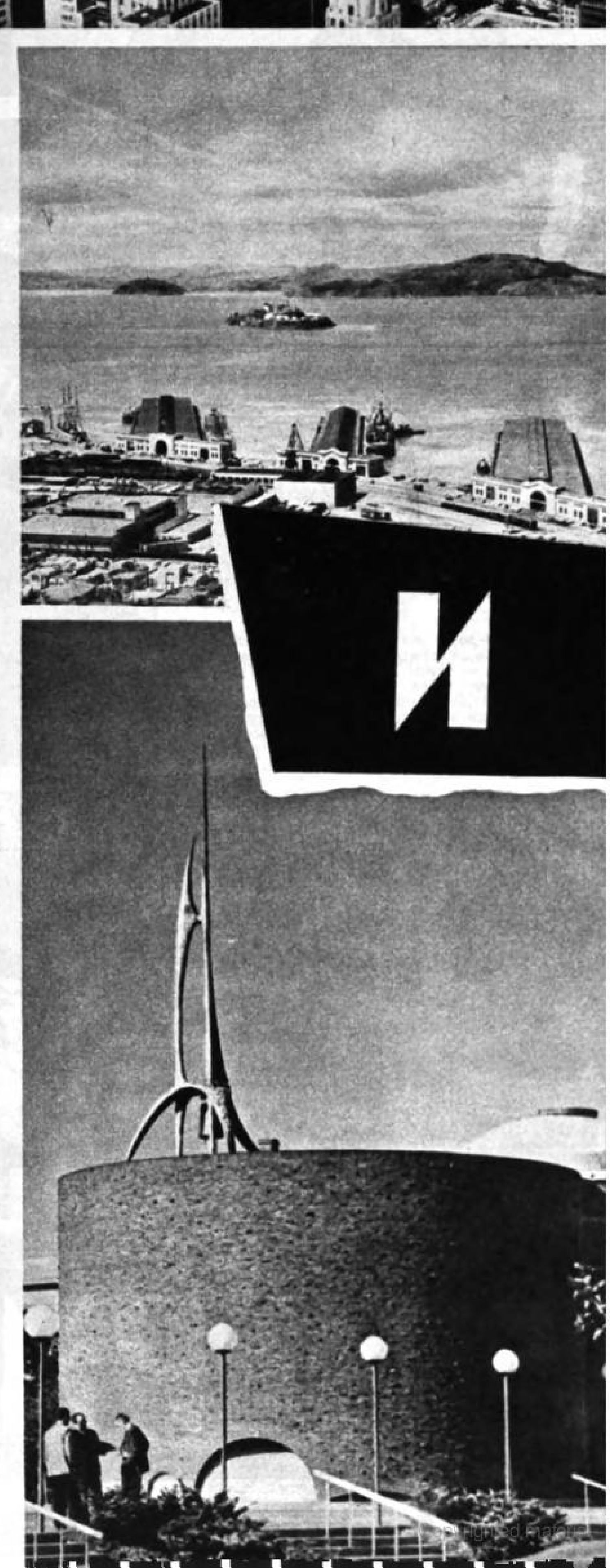
— Торговля — хороший способ укрепления связей,— заметил он.

→ К сожалению, председатель национального комитета этой же демократической партии г-н Батлер к развитию торговли отнесся иначе. По его мнению, торгуя с СССР, Соединенные Штаты будут укреплять «агрессора, который собирается установить мировое господство». Если бы г-н Батлер не был г-ном Батлером, ему можно было бы посочувствовать: попал-де в сети пропаганды. Но г-н Батлер из тех, кто сам делает пропаганду. Поэтому разговор с ним не по нашей вине получился менее вежливым, чем полагается при подобных визитах.

← Нью-Йорк. Бродвей.

Порт в Сан-Франциско и пролив Золотые Ворота. На острове посередине — знаменитая тюрьма Алькатрес для «особо опасных».

— Кто сюда попадет, уже не сбежит,— заметил наш гид.

Как вы думаете, что это за массивный цилиндр, похожий на недостроенную силосную башню? Вряд ли догадаетесь.

Это церковь, расположенная на территории Массачусетского технологического института. Как видите, служителям культа США не чужды новые веяния искусства. Более того, абстрактная фигура вместо креста, как и само здание, настолько пришлась им по вкусу, что Всеамериканский совет церквей признал эту церковь одной из лучших среди построенных за последние двадцать пять лет!

→ В негритянском районе Чикаго.

Г-н Фокс руководит иностранным отделом Школы бизнесменов. Он рассказал, что, кроме финансовых и торговых дел, здесь изучается специальный курс «Ответственность бизнесмена перед обществом». Г-н Фокс долго пытался убедить нас в том, что если промышленники и торговцы будут достаточно просвещены в этой области, то конфликты между ними и обществом исчезнут(!).

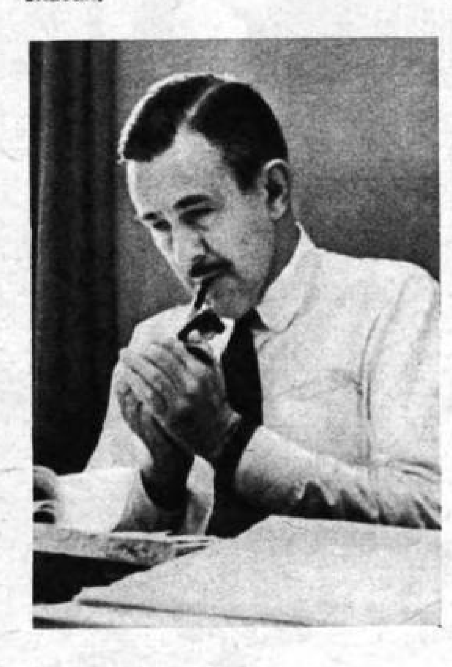
— Когда в Стамбуле вспыхнула эпидемия,— доказывал свою мысль г-н Фокс,— ряд компаний решил задержать продажу пенициллина, пока вскочат цены. Тем не менее одна фирма начала продажу. Это было и выгодно и человечно!..

По мнению г-на Фокса, фирма поступила так, «осознав» ответственность перед обществом...

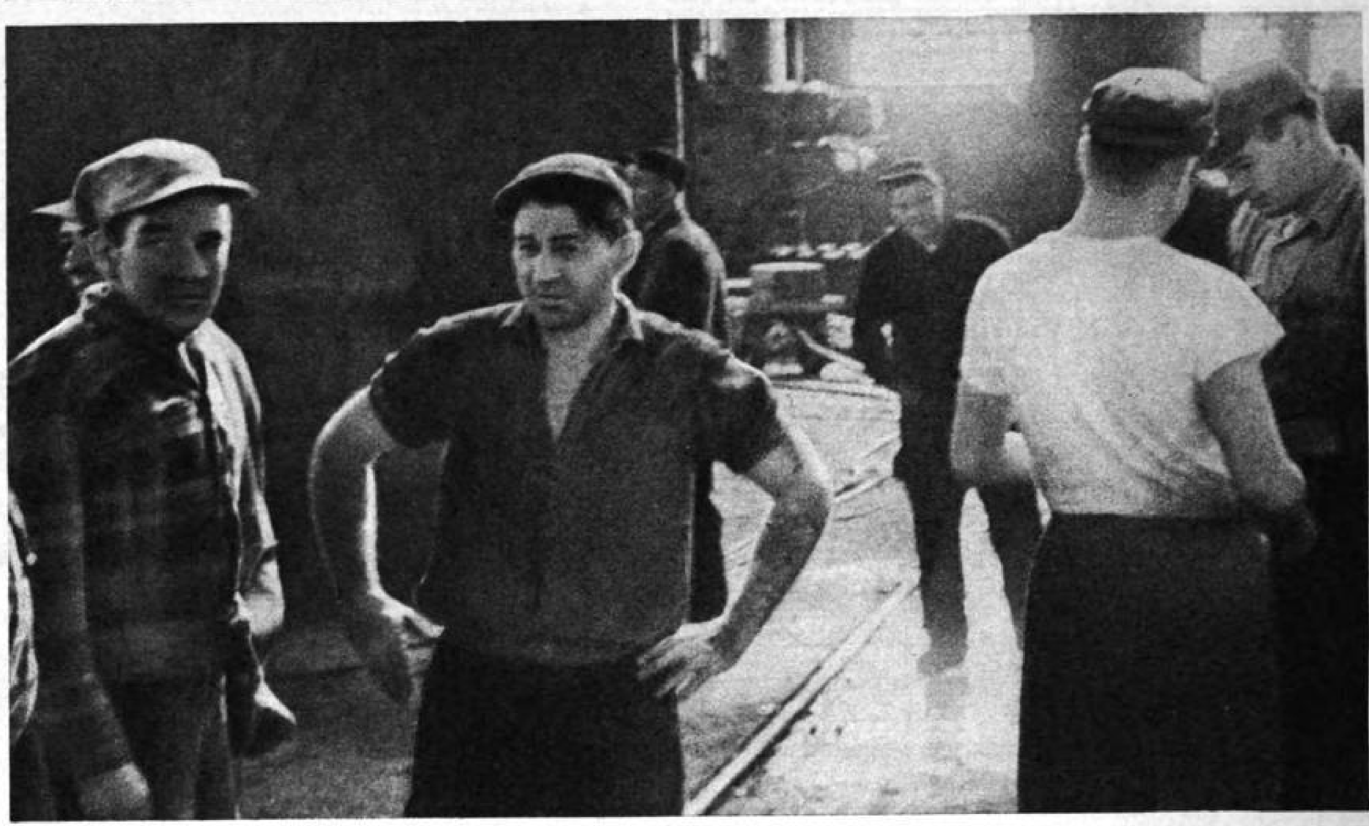
Чувствуют ли американские капиталисты свою ответственность перед пятью миллионами безработных? Об этом г-н Фокс ничего не сказал.

А этот снимок сделан у одной из школ во время перемены. Здесь только черные ребятишки. Но дело происходит не в южных штатах. Нет, школа находится в Чикаго, причем не в негритянских кварталах, а в одном из центральных районов. Конечно, здесь к неграм относятся иначе, чем на Юге. Ведь именно Север воевал в прошлом веке за их освобождение. Однако жить в одних домах, обучать детей в одних школах с неграми многие в Чикаго тоже считают недостойным...

→ В Бостоне делегация посетила один из металлообрабатывающих заводов.

В этом же городе мы познакомились с Гарвардским университетом — старейшим учебным заведением США. На снимке — читальный зал библиотеки университета. Когда мы удивились, что студенты сидят в таких странных позах, то нам разъяснили:

— У нас так принято...

АМЕРИКАНЦЫ

Copyrighted material

Покосившийся трактирчик с необычным названием «Первый и последний шанс» стоит на набережной городка Окленда, расположенного в штате Калифорния, поблизости от Сан-Франциско. Своей известностью он обязан Джеку Лондону.

В юношеские годы будущий автор знаменитых романов, чтобы помогать семье, нередко зарабатывал деньги ловлей устриц. Здесь, на берегу залива, он и познакомился с владельцем трактира Джонни Хейнолдом.

Знакомство с Джонни продолжалось и после поступления Лондона в калифорнийский университет. Писатель вспоминал: «В дни борьбы за образование мне не раз приходилось заглядывать к Джонни Хейнолду, чтобы занять денег...»

Говорят, что нередко Джек Лондон прямо тут, за одним из столиков, делал наброски своих произведений.

После смерти Джонни владельцем трактира стал его сын Джордж Хейнолд. Он-то и рассказал нам эту историю. Джордж тоже помнит Лондона и в память о нем превратил трактир в своеобразный музей. По стенам развешаны портреты писателя, старые литографии, сувениры и визитные карточки, оставленные туристами, снимки моряков — завсегдатаев «Первого и последнего шанса». Обстановка в трактирчике та же, что была в те далекие годы: то же газовое освещение, те же столы и стулья, тот же музыкальный ящик. Даже пиво цедят из старых бочонков прошлого века...

«Русские очень оживились, когда во время посещения Смитсоновского астрофизического института им показали последние данные об их полуторатонном спутнике. Они были рады, когда доктор Аллен Хайнек, глава отдела орбиты спутника, вручил им фотографию его пути». Это сообщение, напечатанное в американских газетах, не вызвало с нашей стороны (а бывало так нечасто) никаких нареканий. На снимке — д-р Аллен Хайнек делает надпись на фото.

— В знак моего уважения к вам и в интересах международного положения я дарю вам этот обед! —

такими словами встретил делегацию хозяин бостонского кафе «Моцарт дарджин парк».

Несмотря на суровую внешность, владелец ресторана принял нас очень гостеприимно и после вкусного обеда охотно познакомил с работой буфета и кухни.

В отличие от простых смертных эти люди не радуются, когда стоит хорошая погода и на полях зреют добрые хлеба. Цены на зерно зависят от видов на урожай, а заработки этих господ — от того, насколько они выгодно продадут или купят будущие урожаи. Будущие, потому что торгуют здесь главным образом не реальным зерном, а контрактами.

Это маклеры, а место действия — Чикаго, Центральная мировая хлебная биржа.

Когда входишь в зал, где заключаются сделки, кажется, будто попал на какое-то состязание. Охрипшие голоса стараются перекричать друг друга. На доске котировок мелькают цифры. Свист — и к маклеру подбегает посыльный. Назначена новая цена — и маклер сам срывается к телефону, чтобы переговорить с руководством фирмы. В невообразимом шуме трудно что-либо понять. Поэтому «разговаривать» помогают руки: вытянутая рука ладонью наружу означает «продаю», внутрь — «покупаю». А каждый палец — это пять тысяч бушелей зерна.

Бостон. Одна из улиц старой части города.

— Я считаю неправильным, что вам не везде разрешали ездить, — сказал, беседуя с нами, старейший сенатор США г-н Теодор Грин. (В США для советских людей множество «закрытых» районов.)

Мы разделяли мнение г-на сенатора, хотя было и не совсем ясно, почему эти мысли он высказывает нам, а не госдепартаменту.

Copyrighted material

Доктор Е. С. Мусаелян ведет прием.
Фото Р. Лихач.

Георгий БЛОК

Владимир Петрович Филатов, мастер тончайших операций на глазе, говорил, что мечтает о том времени, когда любое чисто хирургическое заболевание будут успешно лечить, не прибегая к иссечению.

Именно такая идея захватила Елену Сергеевну Мусаелян, опытного хирурга, коммуниста. И вполне естественно: хирург, как всякий врач, прежде всего гуманист. Ей приходилось совершать ампутации по поводу спонтанной гангрены. Каждый раз после операции Мусаелян думала: «Неужели нельзя избежать вмешательства скальпеля?»

...Вы, быть может, слышали про облитерирующий эндартериит? Это — тяжелое заболевание. Оно подкрадывается незаметно. Холодеют, коченеют ноги, кожа приобретает синевато-мраморный цвет, в икрах возникает колющая, ноющая боль, судороги сводят мышцы, в стопе исчезает пульс. Ходить становится трудно.

Врачи различают три стадии болезни. Чаще дело ограничивается самой легкой — первой. Всегда ли? К сожалению, нет. Самая тяжелая — третья стадия, когда наступает омертвение, чернеет палец. Выход — ампутация, но не пальца, а всей ноги выше колена. Порой и тут нельзя поставить точку: иной раз болезнь одолевает и вторую ногу, а то и руки...

Каково происхождение этого недуга? Единого мнения у ученых нет. Одни объявляют виновником никотин, другие подозревают инфекции, третьи ищут главного нарушителя в нервной системе, четвертые называют иные причины... Словом, спор продолжается.

Но развитие болезни уже изучено весьма подробно. Грубо говоря, она сводится к тому, что сосуды ног суживаются, кровь в них застаивается, образует пробки — тромбы, артерии постепенно зарастают, становятся непроходимыми. А раз ослабел ток крови, значит, ухудшилась доставка питательных веществ и кислорода.

Организм борется, посылает кровь в обход главных артерий. Но это только отсрочивает неизбежный финал. Даже самое упорное лечение редко приводит к стойкому улучшению. Процесс неумолим; несмотря на настойчивые усилия врача, назревает развязка — ампутация. Это на печальном опыте больных видела и Елена Сергеевна. Перепробовав различные лекарства и методы терапии, она с горечью убеждалась в своем бессилии. Было ясно, что болезнь полностью не остановить, в лучшем случае организм получит передышку. И только.

Трудно сказать точно, как и когда родилась идея нового метода лечения. В литературе были указания на попытки лечить это тяжелое заболевание кислородом. Размышляя, Е. С. Мусаелян решила сделать попытку преградить путь болезни именно заслоном из кислорода.

Раз дело в том, что при эндартериите сосуды ног испытывают острый недостаток кислорода, то нельзя ли его восполнить?

Доктор Мусаелян обратилась к опыту отечественной и зарубежной медицины. Вскоре ей стало ясно, что в этой области сделано не так уж много, хотя лечебный эффект кислорода подтверждали многие ученые.

Что же происходит с кислородом в организме? Этот живительный газ всасывают не только легкие. Тот же процесс совершается в тончайших кровеносных сосудах — капиллярах, а значит, и в самой крови. Здесь происходит его превращение, окисление. Взамен выделяется углекислота, перебрасываемая обратно в легкие, откуда она выдыхается наружу.

Каким путем доставить кислород клеткам и тканям ног?

Ингаляцию, вдыхание воздуха, обогащенного кислородом, пришлось начисто забраковать. Потребовалось бы слишком много кислорода. Но это еще полбеды. Главное: при этом способе почти ничего не попадет к отдаленным периферическим клеткам. Каналы, по которым, словно груз на плоту, сплавляют мельчайшие капельки кислорода, у больного человека частично разрушены, перерезаны, выбыли из строя, и рассчитывать на успех не приходится. Значит, необходим обходный маневр, надо миновать легкие — единственную дорогу, предоставленную человеку природой, и создать вторую дорогу — «объезд». Иначе говоря, вводить кислород непосредственно под кожу, создать искусственное подкожное дыхание.

Новинка ли это? Нет. Уже свыше полувека при различных заболеваниях применяется подкожное введение кислорода. Правда, весьма робко, совместно с другими лекарственными препаратами. Организм при этом словно приобретает свежие силы, энергичнее расправляется с болезнью. Однако, несмотря на явный лечебный эффект, отмеченный всеми, кто прибегал к услугам живительного газа, о нем почему-то забывали.

Почему? Видимо, потому, что не было хорошего аппарата, удобного в обращении, строгого в дозировке. Кроме того, некоторых смущало, что вследствие несовершенства прибора вместе с кислородом в кровь попадал азот, вызывавший неприятные осложнения.

А главное, оставалось неизвестным, какая именно доза обладает наивысшим лечебным влиянием. Вводили кислород на глазок. Одни с помощью шприца, другие соединяли полую иглу через резиновую трубочку с кислородной подушкой и действовали наобум.

Словом, простой, удобной, мало-мальски совершенной системы не существовало. Скорее всего этим и объясняется то, что кислород не завоевал признания врачей.

Уже первые сеансы лечения эндартериита вдуванием кислорода убедили Мусаелян, что нащупан правильный путь. В некоторых случаях она наблюдала разительные перемены: развитие болезни решительно тормозилось, судороги в икрах прекращались, «мраморная» кожа розовела, теплели пальцы и ступни ног, возвращались сон и аппетит.

Однако надо было еще установить, какая порция кислорода действует наиболее целебно.

После долгих поисков доза была установлена — триста кубиков. Именно такая порция оказалась самой эффективной. Курс лечения — двенадцать — пятнадцать сеансов. В тяжелых и запущенных случаях курс приходится повторять.

— Больно?

— Ничуть! Хотите испытать на себе? — спросила меня доктор Мусаелян. — Садитесь на койку, стисните ногу ниже колена... Вы получите зарядку бодрости.

Немедленно появилась неизменная помощница Елены Сергеевны медсестра Клавдия Ивановна Мартынова.

Легкий укол — и игла ушла под кожу. Нога стала заполняться кислородом, потолстела, раздалась. Когда я встал, у меня появилось удивительное ощущение, словно в ногах поселился жужжащий пчелиный рой. Ноги стали теплыми, как будто их погрузили в горячую ванну. Куда-то девалась усталость. Чудесное ощущение!..

...Вот уже пять лет в поликлинике имени Дзержинского, где работает Е. С. Мусаелян, идет ежедневный прием больных. За это время через ее благодетельные уколы прошло около пятисот больных.

Облитерирующий эндартериит, различные формы тромбофлебита, наконец, незаживающие трофические язвы — таковы заболевания, с которыми обращаются к Елене Сергеевне. Результаты, по самому осторожному заключению, весьма отрадные, несмотря на то, что встречались случаи, когда надлежит браться за скальпель. За пять лет больным, пришедшим в клинику, ампутация ни разу не понадобилась. Однажды, правда, пришлось иссечь палец, пораженный гангреной, совершенно черный, да дважды удалить часть пальца. Сравните этот результат с данными мировой медицинской статистики: из десяти случаев эндартериита шесть заканчиваются обычно ампутацией ноги выше колена.

Каково, по мнению отечественных и зарубежных ученых, действие подкожного введения кислорода?

Механизм этот полностью еще не расшифрован. Однако и то, чем располагает сейчас наука, чрезвычайно интересно. Вторгаясь под кожу, кислород проникает в щели между тканями и лимфатическими железами, приходит в соприкосновение с капиллярами, венулами и артериями. Растворяясь в плазме, он попадает в общий ток крови и, минуя легкие, обогащает ее, поощряет рост новых капилляров.

Чистый кислород усиливает, ускоряет обмен веществ в организме, уменьшает вязкость крови, окисляет гемоглобин. Он обезвреживает токсины, ядовитые вещества, выделяемые микробами, и способствует их удалению. Благодаря ему увеличивается число эритроцитов — красных кровяных телец, умножаются бактерицидные свойства крови и клеток.

И последнее. Доктору Мусаелян удалось сделать важный шаг в борьбе против плохо поддающихся лечению болезней. Вызывает недоумение то обстоятельство, что ее метод, доступный и эффективный, не получил достаточного распространения среди хирургов. Одного признания со стороны Министерства здравоохранения, медицинских учреждений столицы еще недостаточно. Надо передать опыт врача-энтузиаста, врача-практика всей армии советских врачей.

Copyrighted material

НОВЫЕ РАБОТЫ СОВЕТСКИХ ЖИВОПИСЦЕВ

ВЫСТАВКА «НАШ СОВРЕМЕННИК»

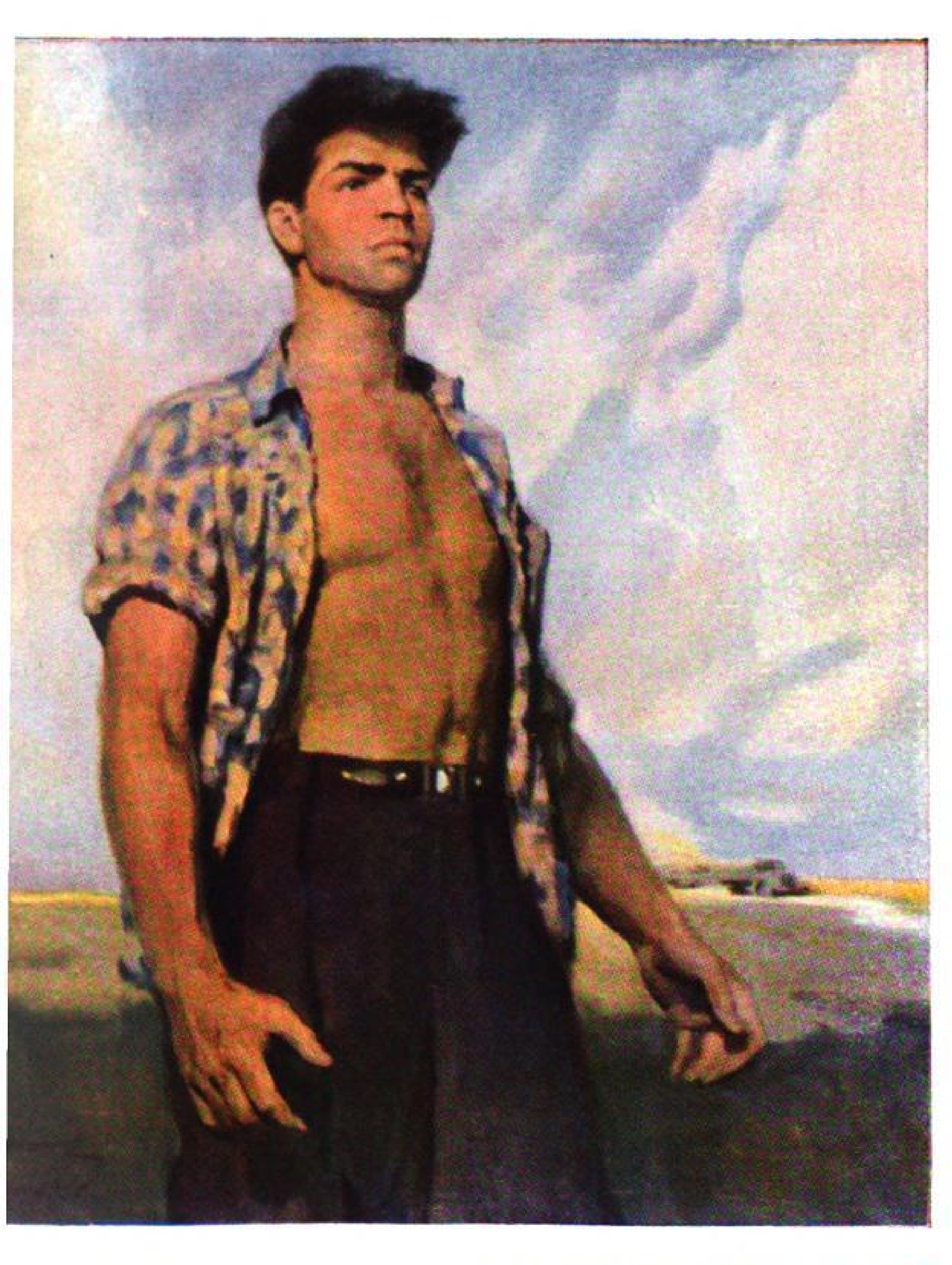

У. Тансыкбаев.

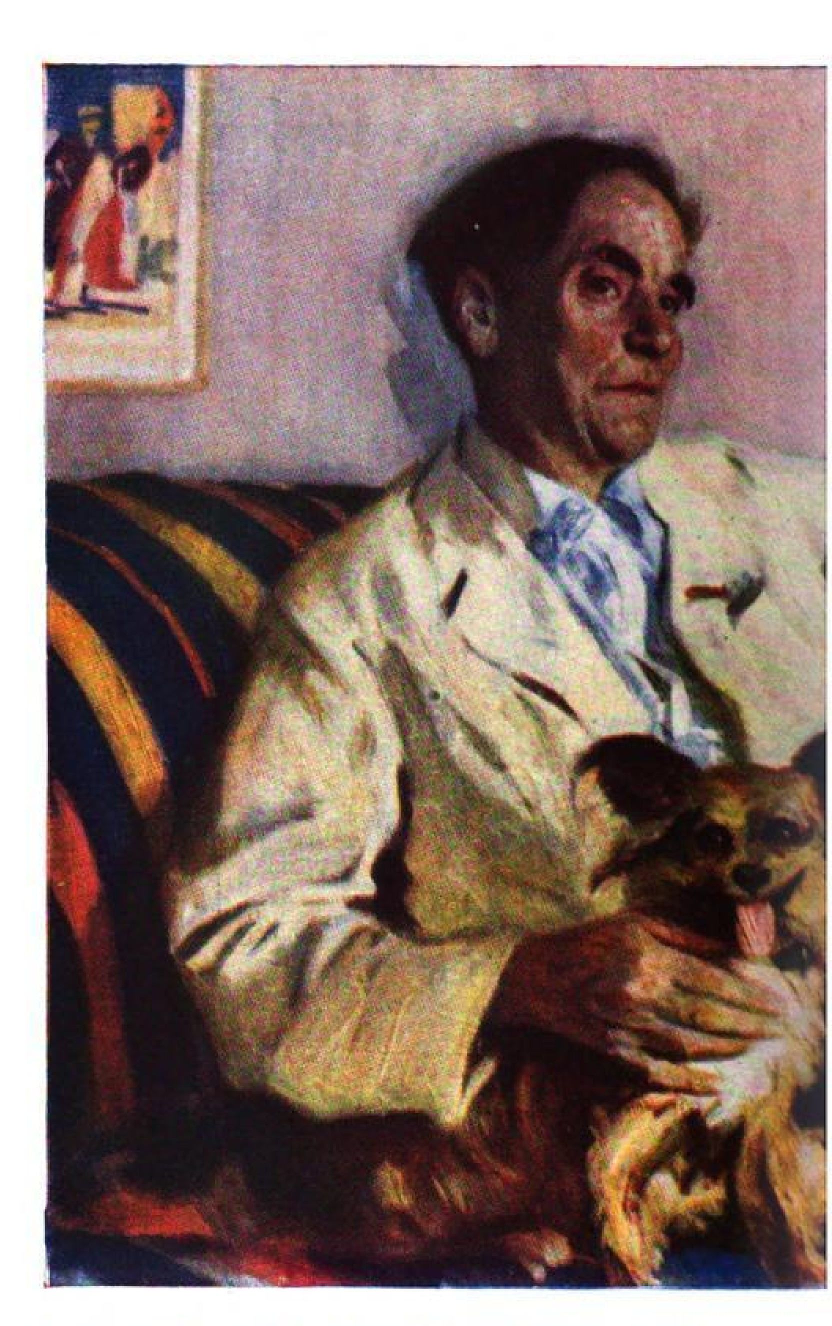
МАРТ
В УЗБЕКИСТАНЕ.

«Огонек».

Copyrighted material

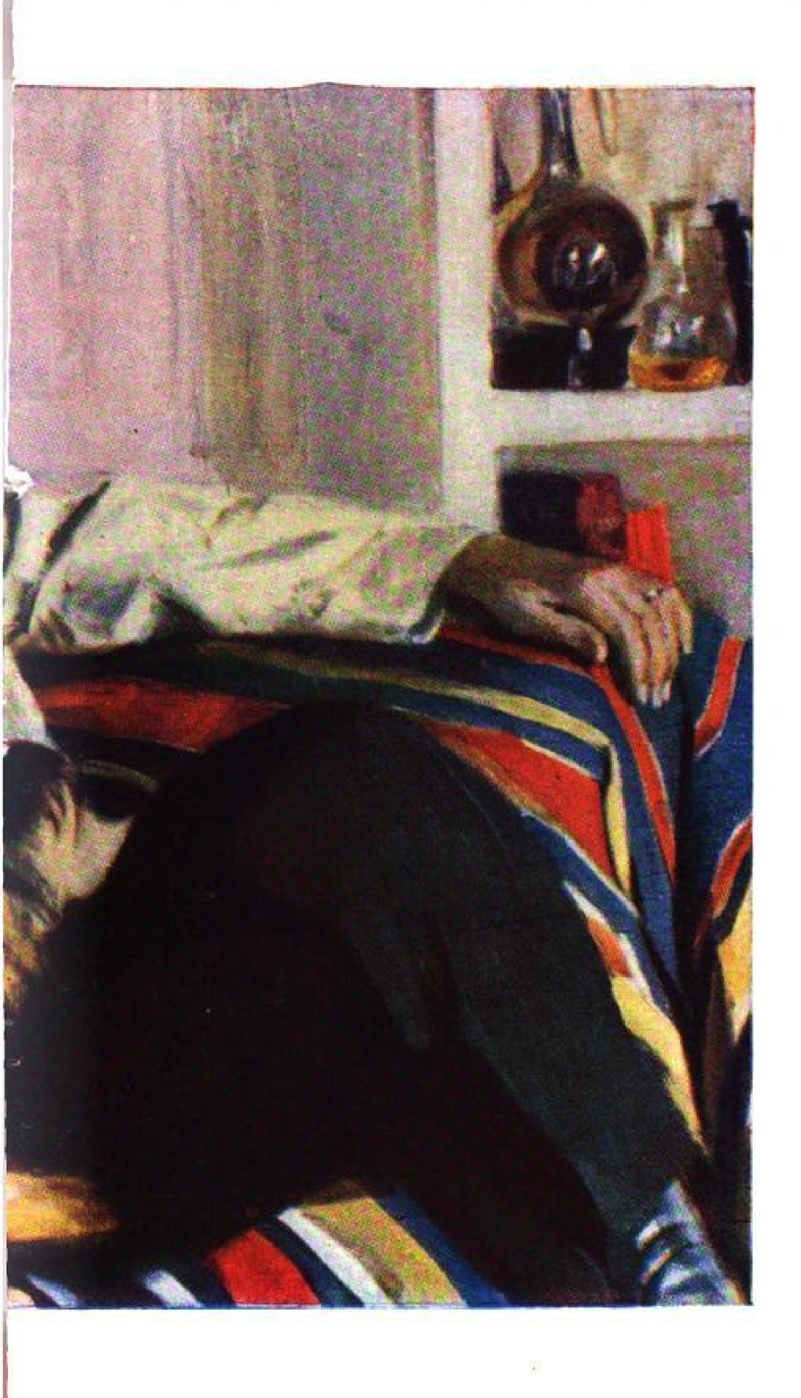
В. М. Орешников. СТУДЕНТ-ЦЕЛИННИК.

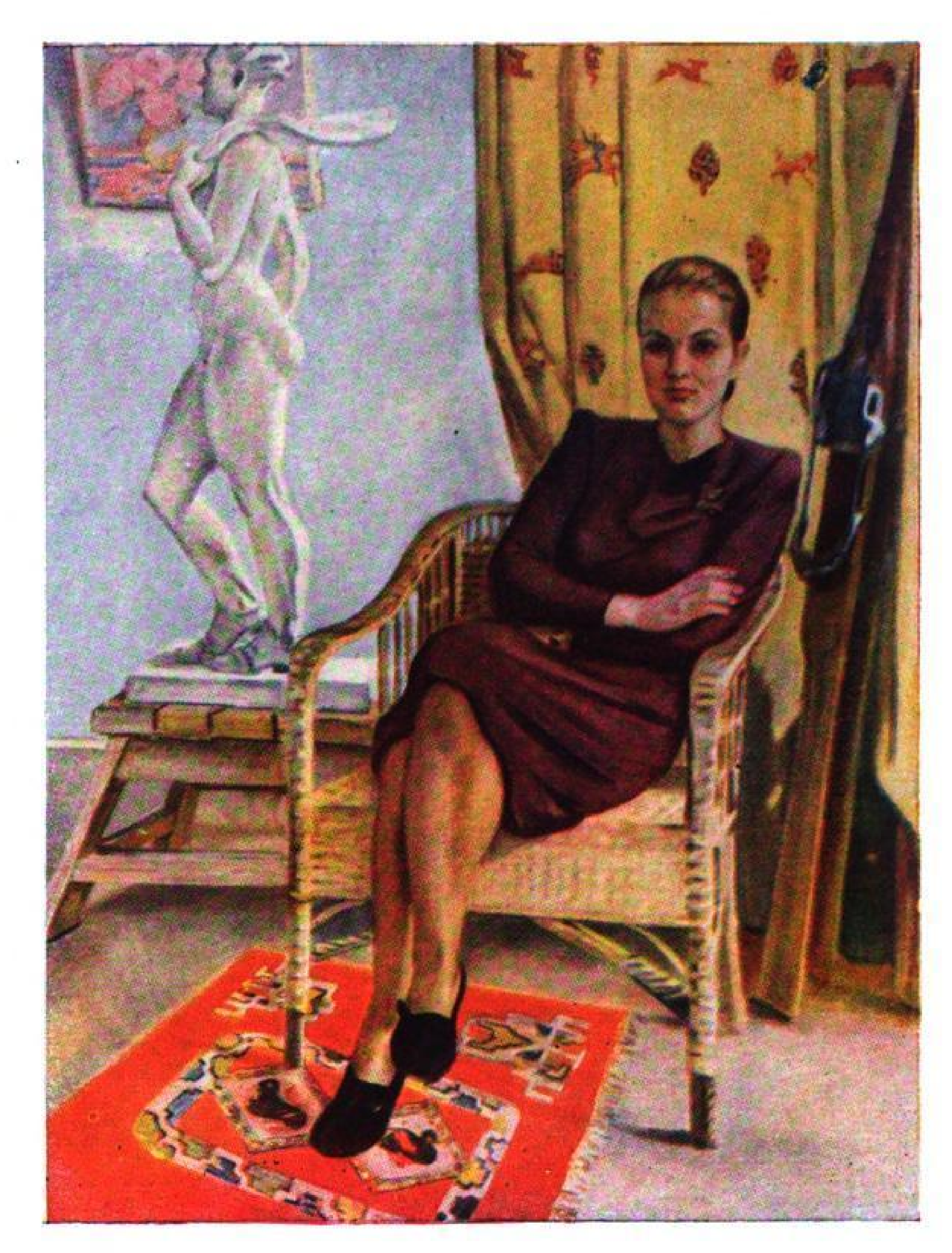

В. П. Ефанов. ГЕРОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ТРУДА АКАДЕМИК П. Л. КАПИЦА.

Я. Д. Ромас. ХОРОШАЯ ВЕСНА. РЫБАКИ КАСПИЯ.

Copyrighted material

А. А. Дейнека. АРХИТЕКТОР Т. МИЛЕШИНА.

Д. К. Свешников. СЕВЕРЯНКА.

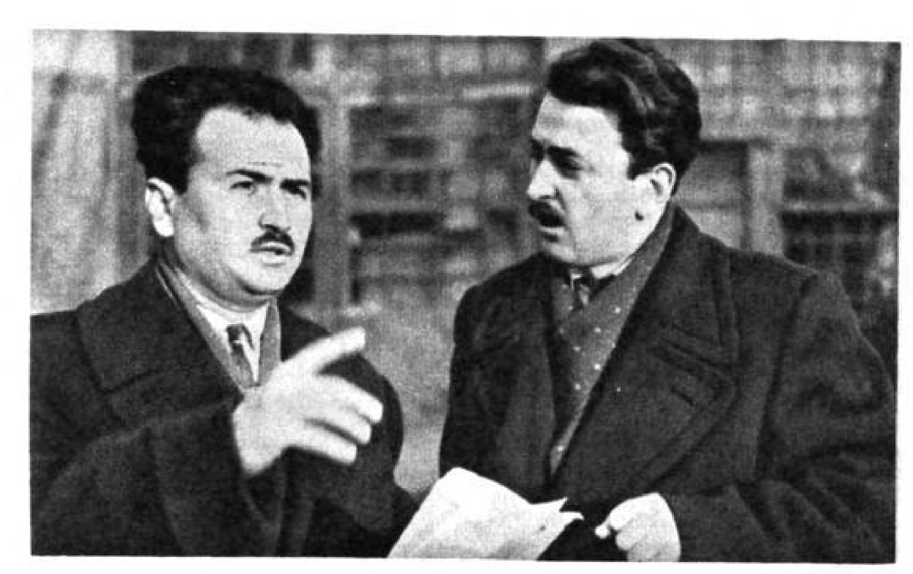
Copyrighted material

Г. Нисский. ЗЕЛЕНАЯ ДОРОГА

Copyrighted material

„ЛИХАУРФИЛЬМ"

Организатор «Лихаурфильма» Нодар Сургуладзе и председатель грузинской секции кинолюбителей режиссер Реваз Чхеидзе.

И. МЕСХИ

Места, о которых идет здесь речь, расположены в стороне от больших дорог, в самой глубине вечнозеленого края, овеянного близостью Черного моря; края чайных плантаций, мандариновых рощ и веселых, чистеньких сел.

Одно из них и есть Лихаури, большое, зажиточное село, ничем особым не отличающееся от других.

Как и все вообще в этом краю, любопытно растет здесь виноград. Лоза обвивает стволы высоких, могучих деревьев, и, когда наступает пора сбора, деревенские «верхолазы» карабкаются с плетеными корзинами в самое поднебесье.

Кукуруза вымахивает в полтора человеческих роста. Ее убирает комбайн по нескольку раз в сезон. А из зеленой массы на фермах готовят отличный силос для скота.

Руины средневековой крепости омываются водами беспокойной Ачис-цхали. В реке всегда много форели, а на берегах — хохочущей, орущей нагой детворы. Мальчишки ловят форель руками, это называется здесь калмахоба. Веселое занятие. И вообще Ачис-цхали — веселая река. Говорят, что композитор Виктор Долидзе, который провел свое детство на берегу этой реки, именно здесь подслушал веселые мелодии своей комической оперы «Кето и Котэ». Вблизи Ачис-цхали рос будущий мастер сцены Вл. И. Немирович-Данченко, уроженец этих мест.

Первые грузинские кинематографисты снимали здесь много фильмов. В «Дарико», например, попала такая достопримечательность Лихаури, как громадный дуб. В фильме заснят и дед Заал Салуквадзе, неизменно сидящий у подножия дуба. Сельский доктор Виктор Махарадзе часто ставит в пример молодым лихаурцам этих неразлучных друзей, которых роднит общее чувство привязанности к своей земле. Дубу — 500 лет, Заалу — 130...

Молодежь в Лихаури растет хорошая, работящая, способная. Тот, кому довелось слушать вокальный ансамбль «Швидкаца», может быть, запомнил песенку Хасамбегура . Это лихаурская песня, и Миша Шавишвили, который ее запевает,—лихаурец. Если же заглянуть вечерком в дом колхозника Ломджария, можно послушать Шопена в исполнении его дочери, школьницы Мзиа. Девочка очень недурно играет на пианино. Но не думайте, что часы на ее руке купили ей папа с мамой. Это подарок ЦК комсомола Грузии за то, что Мзиа умеет проворно снимать чайный лист с кустов.

Словом, есть свое интересное в Лихаури, и рассказать об этом селе можно много, особенно если живешь здесь и знаешь его как свои пять пальцев.

Поэтому, когда Нодар Сургуладзе написал сценарий «Родного села», получилась на первых порах чуть ли не целая книга.

В сценарном деле, надо признаться, автор не был искушен. Его, комсомольца, только что окончившего Тбилисский университет, направили в родное село директором Дома культуры. Красивое, только что отстроенное здание было пустым и безжизненным. «Поставить пьесу хотя бы», — думал Нодар. Но лихаурские женщины не соглашались выступать на сцене в качестве актрис. Тогда он мобилизовал свою жену Леилу.

Леила выросла в городе, окончила институт иностранных языков и поехала на самостоятельную работу в село. Вместе с ней появилась в Лихаури и ее сокурсница Ламара. Избранником Ламары стал преподаватель истории Лихаурской средней школы Нодар Салуквадзе (Нодар-второй). Два Нодара и их жены составили ядро кружка.

Успех постановки оказался решающим.

Сверху вниз: кадры из фильма «Родное село».
Сбор винограда.
Нина Нишнианидзе ведет урок в колхозной музыкальной школе.
Хорошо плескаться в горной речке Ачис-цхали!..
Сборщица чая Циала Шошиташвили учится заочно на агронома.
Стотридцатилетнего Заала Салуквадзе слушают молодые лихаурцы.

Особенно расшевелило лихаурскую публику участие женщин в спектакле. Лед тронулся. В Доме культуры постепенно налаживалась интересная жизнь фотолюбителей, шахматистов, певцов, танцоров, любителей литературы и иностранных языков.

Нодар сагитировал переехать в Лихаури батумскую учительницу музыки Нину Нишнианидзе, которая организовала здесь двухгодичную музыкальную школу для колхозных детей.

Нет, не сразу родилась у здешней молодежи идея и появились возможности создать своими силами фильм. Хлопотливым делом оказалось приобретение съемочного аппарата. Снабженный колхозными деньгами и ворохом бумаг — отношений, писем,— Нодар поехал за ним в Москву.

А тем временем в Лихаури готовилась съемочная группа: оператор Нодар-второй, музыкальный оформитель Нина Нишнианидзе, два осветителя — колхозные монтеры Гоги Джанджанидзе и Нодар Горделадзе и другие.

То, что происходило дальше, может послужить темой для самостоятельного веселого фильма. Разумеется, «Родное село» создавало все Лихаури. Как и следовало ожидать, каждый шаг съемочной группы стал предметом самых горячих обсуждений, споров и даже легких конфликтов. Переживали каждое затруднение всем «миром».

Однажды, когда вся группа мучительно раздумывала над тем, как «высветить» лихаурскую ночь, подошел колхозный шофер Шота и сказал:

— А машины для чего? Штук пятнадцать наберется по селу? Поставим, включим фары — лучше не надо!

На монтаж и озвучивание поехали в тбилисскую студию «Грузия-фильм». Нодар-второй должен был читать дикторский текст. Записали, прослушали — не годится у Нодара голос. Хрипит. Перезапись назначена на следующий день. Что делать? Перезапись — это деньги. Профессиональный диктор — тоже деньги! Бросились оба Нодара к артисту театра имени Руставели Эросию Манджгаладзе. И, конечно, все обошлось.

Так и появилось на экранах «Родное село», документальный фильм в двух частях, сделанный в подарок юбилею Ленинского комсомола.

Сейчас лихаурская молодежь снимает новый фильм о культурно-бытовом строительстве в Махарадзевском районе.

Одна из фресок художника Амбляра в зале заседаний муниципалитета.

Цитадель «Красного пояса»

Сергей ЗЫКОВ

Национальная дорога № 1 берет свое начало на внешних бульварах Парижа, у Порт ла Шапель. Широкой асфальтированной лентой устремляется она на северо-запад, к нормандским берегам. Но, дойдя через несколько километров до города Сен-Дени, она капризно огибает его, словно не желая затеряться в лабиринте узеньких улиц, уставленных плотно прижавшимися друг к другу двух- и трехэтажными домами.

Если покинуть здесь магистраль и пойти туда, куда указывает стрелка с надписью «Центр города», то скоро вы окажетесь на главной площади. Справа увидите великолепный в своей древности храм. Вплотную к нему примыкает скрытое за высокими стенами в густом парке бывшее аббатство, а со времен Наполеона — воспитательный дом для детей кавалеров ордена Почетного легиона. Прямо перед вами стоит мало чем примечательное здание мэрии. Но внутри его вы можете обнаружить замечательный зал заседаний, расписанный художником Амбляром: фрески во всю стену изображают французских партизан в годы Сопротивления. Остальную часть площади окружают магазины и кафе. Здесь каждое утро расставляют свои палатки рыночные торговцы.

Мирная, обыденная картина, свойственная множеству французских провинциальных городов. И сразу не представишь себе, что находишься в центре одного из крупных промышленных районов, опоясывающих Париж, и что храм не простой памятник ранней готики, каких немало в стране, но и место, связанное с историей Франции: это знаменитая базилика Сен-Дени — усыпальница французских королей. Здесь, под холодными тридцатиметровыми сводами, в неверном свете запыленных витражей, стоят надгробия, украшенные скульптурными портретами повелителей Франции, начиная с короля Дагобера I.

История Сен-Дени теряется в веках. Расположение его на главной магистрали, связывающей центр страны с северным побережьем, близость к столице всегда придавали городу стратегический характер. Сторожевой пост римлян до пятого века, аббатство, основанное в седьмом веке, укрепленное во времена Карла Великого, этот город, окруженный тремя фортами, еще в годы первой мировой войны сохранял значение опорного пункта на ближних подступах к Парижу.

Ныне форты пришли в ветхость. Их укрепления разбирают, используя камни для гражданского строительства. И если теперь к имени Сен-Дени часто присовокупляют воинственное наименование цитадели, то это уже совсем по другим соображениям. Город, славный своими революционными и республиканскими традициями, справедливо считается одним из главных бастионов пролетарского «Красного пояса» Парижа.

В дни Великой французской революции жители Сен-Дени вместе с парижанами поднялись против тиранов. В своем гневе они не пощадили королевской усыпальницы. Мрачные гиды, рассказывающие туристам о бесчисленных Карлах, Генрихах, Людовиках и их царственных супругах, когда-то похороненных в базилике, не забывают упомянуть о злодеяниях «черни», вскрывшей склепы и развеявшей прах королей на городской площади, в силу чего им, гидам, приходится показывать сегодня скульптуры, стоящие над пустыми могилами.

В муниципальном музее собраны интересные материалы об участии жителей Сен-Дени в революционных событиях прошлого века и, в частности, в Парижской коммуне, о славном гражданине Сен-Дени Пьере Дегейтере, авторе музыки «Интернационала». В годы гитлеровской оккупации рабочие города отважно боролись против интервентов, за что многие были угнаны в Германию, а 150 было расстреляно или замучено в застенках гестапо. В майские дни прошлого года, когда тень фашизма вновь нависла над Францией, жители города на массовых митингах заявили о своей готовности защищать республику.

Цитадель «Красного пояса» Парижа, Сен-Дени издавна выбирает в свой муниципалитет передовых борцов за дело рабочего класса. Если раньше в составе муниципального совета многочисленны были социалисты, то с 1921 года, то есть после создания Коммунистической партии Франции, большинство в нем неизменно принадлежит коммунистам.

Итоги последних муниципальных выборов, которые состоялись в марте, говорят сами за себя. Избиратели вынесли свое решение уже в ходе первого тура, так что им не пришлось прибегать к перебаллотировке. Список, представленный компартией, получил в Сен-Дени и в соседних поселках Пьерфит и Вильтанёз абсолютное большинство — 66 процентов голосов. То же было и во время ноябрьских парламентских выборов. Депутат-коммунист Фернан Гренье был единственным в департаменте Сены кандидатом, переизбранным в первом туре.

Мэр Сен-Дени Огюст Жилло.

Раньше среди муниципальных советников находились и представители других партий: социалисты, радикалы, деголлевцы. Новый избирательный закон, который гласит, что партии, получившие меньше половины голосов на выборах, вообще лишаются мест в муниципалитете, направлен на устранение коммунистов из муниципалитетов. Но в рабочих районах, таких, как Сен-Дени, он обернулся против своих авторов. Отныне в орган местного самоуправления входят одни коммунисты: потомственные рабочие, учителя, врачи, служащие, домохозяйки. В своем муниципальном совете, возглавляемом коммунистами, в его председателе Огюсте Жилло, являющемся со времени Освобождения бессменным мэром города, жители видят надежных защитников трудящихся.

Права местных органов самоуправления во Франции ограничены бесчисленными законами и декретами. Невероятные трудности, и прежде всего недостаток средств, стоят на пути осуществления муниципальными советами пожеланий и требований избирателей. Но именно мэрии «Красного пояса» Парижа, возглавляемые коммунистами, показывают образец наиболее плодотворной деятельности даже при тех скромных возможностях, которыми они располагают.

Сен-Дени может служить тому примером. Благодаря подлинной самоотверженности, исключительной энергии и настойчивости членов муниципалитета, а также широкой поддержке населения за последние пятнадцать лет для города и его жителей было сделано гораздо больше, чем за предыдущие полстолетия.

Взять хотя бы столь острую во Франции проблему школьных помещений. Даже при двухсменных занятиях в классах в среднем учится 50—60 учеников вместо нормы в тридцать человек. Муниципалитет Сен-Дени сумел построить 12 новых школ, реконструировать четыре старых и таким образом

Copyrighted material

обогатить город 202 учебными классами. Он добился создания центра профессионального обучения и утверждения плана строительства технического коллежа на 1 200 учащихся.

Много сделано для благоустройства города. Замощены новые улицы, проложены новые тротуары, выросла сеть водопровода и канализации. Построена и теперь расширяется небольшая теплоцентраль, уже дающая тепло в десятки домов, прежде лишенных всякого отопления. Появились никогда не виданные ранее муниципальные ясли и детские сады, диетическая кухня, снабжающая кормящих матерей и маленьких ребят. Создан муниципальный медицинский центр с больничным стационаром и родильным отделением, где уже пять лет применяется обезболивание родов по методам советских врачей.

Муниципальный совет организует выезд на летние и зимние каникулы детей рабочих. Одинокие старики (их более двух тысяч) получают от него повышенную помощь, для них создан специальный очаг. Созданы муниципальная библиотека с двумя отделениями и — гордость города — муниципальный музей, которому подарили свои картины Пикассо, Амбляр, Фернан Леже, Марке и другие видные художники, а поэт-коммунист Поль Элюар, родившийся в Сен-Дени, завещал перед смертью ценнейшую коллекцию.

На окраинах Сен-Дени, в отдалении от заводских корпусов, построены за эти годы жилые городки. Многоэтажные дома составляют единые комплексы, которые носят имена ученого Ланжевена, Поля Элюара, героев Сопротивления полковника Фабьена и Даниель Казановы, Семара и Делона. Как не похожи эти светлые здания на темные и ветхие домишки старого Сен-Дени!

Можно перечислить еще немало дел коммунистической мэрии, направленных на улучшение жилищных и бытовых условий населения города, охрану его здоровья, развитие народного образования и культуры. Но Огюст Жилло, с которым мы беседуем после поездки по городу в его рабочем кабинете, не склонен их переоценивать.

— Все, что мы сделали,— говорит он, усаживаясь у окна, откуда открывается вид на древнюю базилику,— стоило огромных усилий. Но как это еще мало по сравнению с нуждами города! Я смотрю на фотографии, присланные Киевским райсоветом города Москвы, с которым мы решили «побрататься». Какие дома, набережные, школы и мосты строите вы у себя и в каких масштабах! У нас нет и сотой доли ваших возможностей. Страна наша богата, но на удовлетворение нужд и потребностей трудящихся средств нет. Возьмем для примера жилищный вопрос.

Жилло достает толстую папку, заполненную документами, планами, чертежами. Оказывается, население кантона Сен-Дени выросло за пятнадцать лет без малого в полтора раза. Оно приближается к 90 тысячам жителей. Капиталисты строят и расширяют предприятия, но жилищ для рабочих не строят.

А старые здания ветшают. На днях в самом центре обрушился дом. Пришлось четыре семьи переселять. А другой сгорел — пострадало двенадцать семей. Куда их девать? У муниципалитета нет ни одной свободной квартиры. Вот и получается, что количество заявлений о предоставлении жилой площади растет во много раз быстрее, чем число входящих в строй жилищ.

— Сейчас,— рассказывает мэр,— на учете находятся тысячи и тысячи семей, нуждающихся в жилплощади, намного больше, чем год назад. Я подсчитал, что при нынешних темпах строительства нам потребуется чуть ли не шестьдесят лет, чтобы удовлетворить эти нужды. Мне говорят порой: у нас дела не так плохи. Вот в Париже, чтобы дать квартиры всем, кто подал заявления, нужно 100 или 120 лет! Но это утешение, как вы сами понимаете, слабое.

В яслях на улице Урсулинок.

Главное,— добавляет мэр,— стало совершенно невозможно получить кредиты на строительство. Все съедает война в Алжире: два миллиарда франков в сутки! А на эту сумму можно свыше 600 квартир построить!

В Сен-Дени и во всем «Красном поясе» Парижа республиканские муниципалитеты, добиваясь увеличения доходов, проводят политику, направленную на то, чтобы заставить платить богатых. Для этого они используют все возможности, которые им предоставляют существующие законы. Например, правило о «добавочном сантиме». Оно заключается в том, что муниципалитет имеет право разложить на налогоплательщиков определенную пошлину, исчисляемую путем сложных выкладок для каждой коммуны отдельно, исходя из суммы налогов, взимаемых государством.

Чем богаче человек, чем больше платит он налогов, тем выше и тариф «сантимов», взимаемых с него. В Сен-Дени, опираясь на этот закон, муниципалитет довел максимальную ставку пошлины до 25 тысяч франков. В Нейи-сюр-Сен, где муниципалитетом заправляют реакционеры, эта ставка равна всего 4 738 франкам, в Булонь-Бийанкуре, где хозяйничают социалисты,— 6 007 франкам. А обе эти коммуны примерно такие же, как и Сен-Дени.

По тому же принципу поступает муниципалитет, определяя размеры других сборов. Так, он сумел освободить от ряда такс — за канализацию, за очистку улиц и т. д.— низкооплачиваемых служащих и рабочих, переложив все тяготы на хозяев предприятий и домовладельцев.

За счет поступлений, взимаемых с крупных промышленников и торговцев, муниципалитет сумел увеличить свой бюджет и ассигновать крупные средства на благоустройство города, на социальные мероприятия, развитие культуры и народного образования. Но что касается капитального строительства, здесь требуются крупные вложения, которые невозможно покрыть за счет бюджета города.

Из года в год муниципалитет возбуждает ходатайства перед различными министерствами о выделении кредитов на школьное и жилищное строительство, на приобретение участков под застройку и т. д. Члены муниципалитета неутомимы. Именно благодаря этому Сен-Дени смог в прошлые годы получить изрядные кредиты, несмотря на отчаянное сопротивление консервативных чиновников и банковских заправил, норовящих лишить субсидий именно муниципалитеты, возглавляемые коммунистами.

Жилой городок имени полковника Фабьена.

В толстой папке мэра Жилло фотографии макетов и чертежи новых жилых поселков, крупного медицинского центра, зданий лицея и начальных школ. Пока это только проекты. Они еще не утверждены различными ведомствами и министерствами. Неизвестно, когда это произойдет, и совсем не ясно, удастся ли в ближайшем будущем получить хоть часть необходимых средств. Перспективы более чем мрачные. Но товарищ Жилло не унывает. «Будем бороться, будем добиваться, нам не привыкать»,— говорит он.

В созидательной работе мэрий «Красного пояса» реакция видит страшную для себя опасность. Ее пугает пример успешного руководства городским хозяйством представителями коммунистической партии, авторитет, который они завоевывают в народе своей самоотверженной деятельностью.

И не случайно все буржуазные партии в ходе недавних выборов объединились под лозунгом «устранения коммунистов» из муниципалитетов. Как известно, в рабочих районах эти расчеты не оправдались. В «Красном поясе» Парижа число муниципалитетов, возглавляемых коммунистами, увеличилось с 28 до 31. В ряде муниципалитетов возникли союзы по типу Народного фронта.

Что касается Сен-Дени, то он полностью оправдывает свое название цитадели «Красного пояса». И пусть по иронии судьбы в центре его красуется старая базилика, усыпальница королей, навевающая воспоминания о веках тирании и деспотизма. Вокруг нее люди труда, в упорной многолетней борьбе завоевавшие демократические права и свободы, закладывают основы будущего общества и твердо стоят на защите республики.

Сен-Дени.

Copyrighted material

Вина непрощенная...

Нора АДАМЯН

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

Рассказ

Иван Ногайцев умирал.

Его жена Ольга говорила в клубе:

— Ой, надо нам, девчата, торопиться! Доктор Ване не дает больше десяти дней. Значит, если пятнадцатого спектакль сыграем, восемнадцатого Ваня умрет, а уж двадцатого я уеду.

Никого это не удивляло, потому что все привыкли и к Ольгиным разговорам и к болезни бывшего директора леспромхоза Ногайцева. Еще полгода назад врачи сказали, что жить ему осталось не больше недели.

Ольга тогда же распродала всю хозяйственную утварь.

— На что это мне все? Уеду в родной город Ростов.

Женщины осуждали Ольгу, но украдкой бегали к ней покупать посуду и барахло.

Доторговалась Ольга до того, что не в чем было вскипятить Ивану Семеновичу молоко.

Соседка Ногайцевых Варвара Федотова укоряла мужа:

— Друзья, товарищи, а как до дела дошло — и нет вас! Собрались бы проведать Ивана Семеновича. Уморит ведь его Ольга.

— А я что сделаю? — хмуро отвечал Федотов.— Там не очень сунешься помогать.

Но он уговорил Рябова, Свободина, Первова. Это все были старые работники леспромхоза. Они давно знали Ногайцева, работали и с ним рядом и под его началом. Для них он был и Иван Семенычем и Ванькой, смотря по обстоятельствам.

Они все побрились, надели новые костюмы и долго топтались, вытирая ноги, перед крыльцом маленького домика Ногайцева. Такие особнячки строили для рабочих в годы первых пятилеток. В поселке вытянулась длинная улица этих домов с палисадниками, в которых росли высокие ядовито-розовые мальвы и лиловые граммофончики. Зеленели грядки с укропом и редиской. В редком дворе не было пристройки для поросенка или отгороженного закутка, где бродили куры с цыплятами.

В палисаднике у Ногайцева не росло ни травинки. Серая земля была крепко прибита. «И при Анне Захаровне так было,— подумал Федотов.— Нехозяйственные все бабы ему попадались».

В передней их встретила Ольга. Видно, собиралась уходить из дому. Губы крашеные, на волосах капроновый шарфик.

— Ой, Ваня! — крикнула она в комнату.— Смотри-ка, гости к тебе!

Федотов вошел первый. Он увидел, как метнулся на кровати Иван Ногайцев, резко поднялся, сел, опираясь руками на матрац. Глаза его, прежние, острые глаза, вскинулись навстречу Федотову, устремились поочередно на Рябова, на Свободина, на Первова. И когда все они уже вошли, неловко толпясь у порога, Иван Семенович еще смотрел на дверь, а потом, поняв, что ждать больше некого, подломился в руках и сполз на подушки.

— Вань, Вань, тебе доктор не велел подниматься! — заверещала Ольга, втаскивая новые, свежеобструганные табуретки.

Черт знает, где она их взяла! Комната была совершенно пустая, только кровать да тумбочка у ее изголовья.

Иван Семенович обессилел от своего минутного порыва. Он лежал с черными провалами у глаз и у носа, плоский под зеленым плюшевым одеялом.

— Вы садитесь, садитесь! — суетилась Ольга, подтягивая табуретки к кровати.

Гости по очереди подошли, осторожно подержали большую вялую руку больного.

— Птица, ты там сообрази,— хрипло распорядился хозяин, но Федотов предостерегающе поднял руку.

— Они не хотят,— сказала Ольга,— они с тобой так посидят, а я в клуб сбегаю.

— Иди уж, иди...

Мужчины проводили ее глазами и молчали, пока не хлопнула входная дверь.

Федотов сказал:

— А не лучше тебе обратно в больницу, Иван Семеныч? Там все-таки медицина.

— Належался я в больнице,— медленно, с расстановками ответил Ногайцев.— От одного запаха помрешь. Мне только уколы помогают, а уколы Ольга умеет.

Гости молчали. Иван Семенович уловил в этом молчании неодобрение.

— А на кой мне надо, чтоб надо мной раньше времени слезы лили? Она молодая, пусть живет, как хочет. Наплачется еще.

«Как же, заплачет она по тебе, жди!» — подумал Федотов, но согласно закивал головой.

Дальше завелся обычный разговор. Поругали нового директора леспромхоза, человека чужого, присланного. Ругать его было не за что, но и хвалить при Иване Семеновиче казалось неудобным. Один простодушный Рябов высказался, что в отношении лесопосадок Мокеев вроде подвинул дело, но на него дружно накинулись: «А работа? Так ли работали в прошлые годы?..»

Говорили напряженно, неискренне. Каждый боялся сказать лишнее слово. Свободин начал было: «А вот в будущем году...» — и замолчал. Мог ли Ивана Семеновича интересовать будущий год?

Но он сам сказал:

— Эх, а лет через пяток, да при мне бы!.. Большие я дела замысливал!

Пугаясь своих слов, Федотов утешил его:

— Встанешь еще.

Copyrighted material

— Хорошо бы. Я в двадцатом году так же в тифу лежал. Думал: ну, все. А там день за днем, и пошел. Сегодня вроде полегче, завтра, глядишь, еще полегчало...

— Это бывает,— сказал Свободин.

Рябов убежденно доказывал:

— Сюда бы мою бабку, покойницу, она бы тебя враз на ноги подняла. Такая бабка была, всякую болезнь рукой снимала.

Помолчали. Все знали, что Ногайцев по целым дням лежит один, но уйти, не дождавшись Ольги, было невозможно. Она пришла, когда уже совсем стемнело, притащила печенья, конфет, зашумела, завертелась, заставила гостей выпить по стакану чая.

Потом, переминаясь с ноги на ногу, каждый на прощание говорил: «Ну, поправляйсь», «Будет тебе лежать», «Подымайся».

Иван Семенович устало закрывал глаза в ответ и едва улыбался темными губами. Но когда посетители, осторожно ставя ноги, выходили из комнаты, он забеспокоился, заметался, сбивая подушки, и прохрипел:

— Федотов, Гриш...

Федотов вернулся.

Комкая руками одеяло, обдавая наклонившегося к нему Федотова тяжелым дыханием, Иван Семенович с трудом говорил:

— Друг, прошу, Уварову Николаю Павловичу скажи, пусть придет на час. Я прошу. Мол, дело есть. Непременно. Сходи, а?

Федотов попробовал успокоить его:

— Ну чего ты, Иван Семеныч, какой труд! Конечно, схожу, не сомневайся.

Но больной все метался и, уже не глядя на Федотова, повторял:

— Главное, скажи, дело есть! Ждать буду! Непременно...

Ольга набирала в шприц лекарство, ласково приговаривая:

— Ванечка, ты только не волнуйся, тебе доктор не велел волноваться.

Дома Федотова допрашивала жена:

— Ну, как у него там? Подушки-то хоть есть? Белье на нем чистое?

Федотов отвечал угрюмо:

— Есть подушки.

Варвара сердилась:

— Слова от тебя не добьешься! Расскажи толком, что вы там делали?

— Что, что!.. Ну, говорили, чай пили.

— Эх, у тебя спрашивать! Ты даже того не увидел, что из своего стакана чай этот пил. Ольга-то сюда прибегала. И стаканы ей дай и заварку займи. Как хочешь, а я Аннушке писать буду.

— Пиши, пиши. Она тебе спасибо скажет.

— Может, и скажет. Не чужая она ему. Двадцать лет жили. А делить ей с Ольгой нечего. Теперь ему жена — земля.

Федотов отмахнулся.

На другой день он пошел в ремонтные мастерские. Ему повезло. Уваров сидел в своем закутке. Вокруг него было полно людей, но легче переждать, чем бегать за главным механиком по всей территории.

Николай Павлович приветственно приложил руку к седеющей голове и спросил:

— Ко мне?

— Ты кончай, кончай!

Федотову неловко было передать просьбу Ногайцева на людях. И когда механик всех отпустил, он тоже не сразу изложил свое дело.

— Вот, понимаешь, пошли мы проведать Ивана Семеныча...

Уваров слушал, положив кулаки на стол. Григорий не мог передать тоскливое волнение Ногайцева. У него не было в запасе таких слов. Он только повторял:

— Непременно велел прийти. Наказывал не медлить. Совсем плох.

Уваров сдвинул брови, стал искать что-то на столе, посмотрел на часы.

— Значит, передам, что зайдешь, так?

Николай Павлович встал.

— Зря не обещай.

Федотов изумился:

— Ты что?

— Я к Ногайцеву не пойду.

— Это как же не пойдешь? Помирает он, Николай Павлович... Перед кончиной тебя желает видеть.

— А я не желаю. Все!

Уваров сосредоточенно и угрюмо смотрел в сторону.

— Николай Павлович, ты, может, не понял?..

— Разговору об этом больше не будет! — сухо отрезал Уваров.

Анна Ногайцева никому не сообщила о своем приезде. С маленьким чемоданом в руках шла она по улице поселка к своему дому. Варвара как посмотрела в окно, так и ахнула. В чем была, выскочила на улицу, обхватила Анну руками, заплакала. Так они стояли обе, покачиваясь, превозмогая волнение. Анна Захаровна первая отстранилась и спросила, глядя в сторону:

— Живой?

— Живой еще. Не сегодня-завтра. Врачи надежды не дают. Ты-то как, Аннушка? И не изменилась совсем...

— Она там?

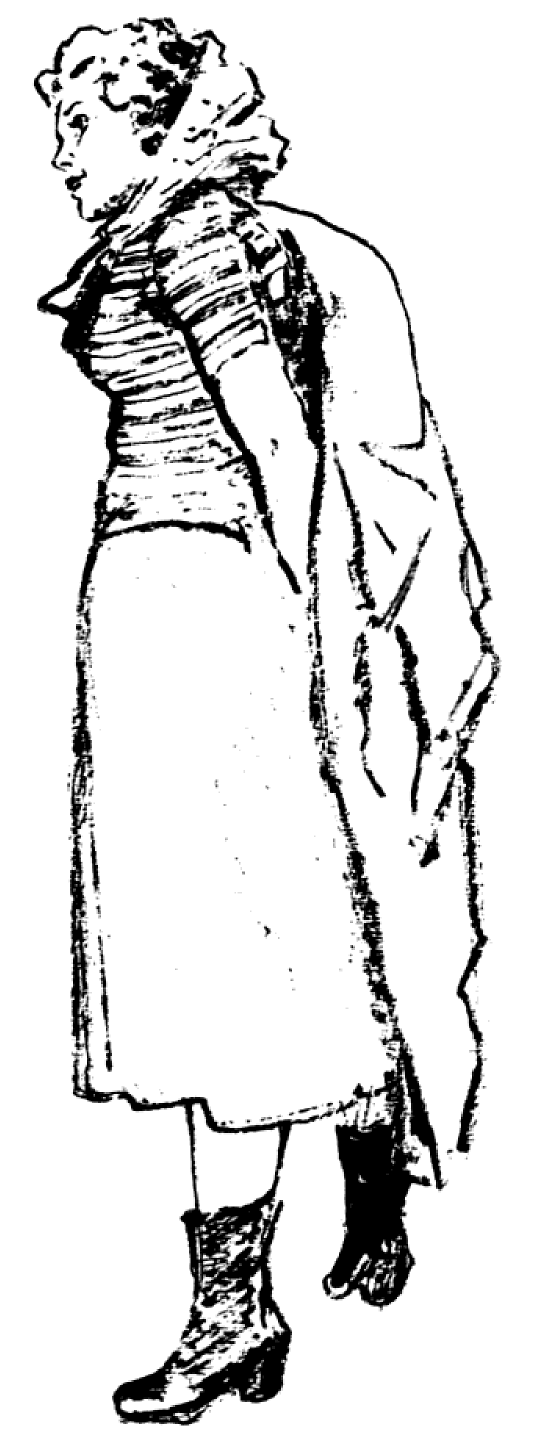
Варвара вытерла слезы.

— Не больно она там сидит! Бегает, поди, где-нибудь. То в клуб, то еще куда. С утра поставит ему стакан молока: «Я, Ванечка, в сберкассу пойду, ты уж без меня не помри». И закрутила хвост. Все подчистую продала, размотала...

— Ладно,— оборвала Анна,— пойду я.

Она подошла к крыльцу дома, открыла калитку. Все было, как восемь лет назад. Разболтанная щеколда, сучок в деревянной перекладине. Отсюда вынесли гробик с ее покойным сыном. Здесь она прощалась с мужем, уходившим на войну, здесь встретила его после победы. А в последний раз, уезжая в гости к сестре, у этой калитки давала Ивану наставления, как жить месяц без нее. И не знала, что вдогонку ей полетит письмо:

«Сознаю, что я перед тобой подлец. Прости, не вини, если можешь... Я тебя глубоко уважаю и ценю как человека и товарища, но любовь между нами кончилась и никогда не вернется...»

Она думала доживать с ним жизнь тихо, строго, по-стариковски. А ему в сорок пять лет еще нужна была любовь.

У двери Анна помедлила. Вдруг ослабли ноги. Она постучала, никто не отозвался. Тогда ей показалось обидным стоять у порога и стучать в двери своего дома. Она рванула створку.

Громко и гулко отозвались ее шаги в пустой кухне. Анна поставила чемодан на холодную печку, сняла пальто, сбросила платок с головы, провела ладонями по седоватым, затянутым в тугой пучок волосам.

До сих пор в поезде, в машине Анна крепилась и старалась не думать о том, как она встретится с Иваном. Долгие годы она не позволяла себе думать о муже. Только иногда, в бессонные ночи, на ум приходили горькие и тяжелые слова, которые ей хотелось бы сказать ему. Но никогда ничего не написала она Ивану. Первое время он посылал деньги. Анна брала. Ей надо было освоиться в новой жизни. Потом устроилась на работу, отослала очередной перевод обратно. Она и думала о нем, как о двух людях. Первый — Ванюша, верный друг ее молодости. Он всегда был немного у нее в подчинении, всегда тянулся за ней, всегда она у него была на первом месте.

А потом незаметно, понемногу он переменился. Похоронили мальчика. Появились у обоих седые волосы. Анна горевала тяжко и долго. А ему все некогда. У него лесхоз на руках. Он в командировку в краевой центр, он в Москву на совещание. У него жизнь заново открылась...

Анна постояла, решительно вышла в коридор и отворила дверь в комнату.

Ногайцев лежал на спине, согнув ноги. Из-за поднятых колен не было видно его лица.

— Птица, ты что, вернулась? — спросил он, и Анна испугалась его натужно-хриплого голоса.

Неслышно ступая, она быстро подошла к кровати, жадно глядя на мужа. От его измученного лица, от глаз, видящих и невидящих, все перевернулось в ее сердце. Ушли и обида и гнев. Единственный, родной, дорогой человек лежал перед ней.

Анна опустилась на край кровати и взяла его руку в свою.

Иван Семенович уже плохо видел. Его глаза точно возвращались издалека. Он пристально рассматривал жену.

— Смотри-ка, Анюта! — тихо сказал он.

Не отвечая, она кивнула головой.

— Анюта,— еще раз назвал он ее именем далеких, молодых лет. Потом спросил: — Прощаться приехала? Хоронить меня?

— Будет тебе, по делам приехала. За справками. Пенсию хлопочу.

— Похоже и на правду. — Иван закрыл глаза. — Только врать ты и тогда не умела.

Она отпустила его руку. Иван Семенович точно проснулся.

— Ты не уходи. Скоро Ольга придет. Это ничего. От нее вреда нет. Люди плетут, будто она за мной не смотрит. Брехня это. Она уколы умеет делать.

На крыльце застучало, затарахтело. Вбежала Ольга.

— Ой, вы уже здесь? А мне сказали, что вы приехали, я на автостанцию кинулась да оттуда бегом, бегом!

Анна привстала. Она не смотрела на Ольгу. Отчужденно сказала:

— Я еще дорогу не забыла.

Ольга ответила с обезоруживающей простотой:

— Я боялась, что вы у кого другого остановитесь. А зачем же? Места много.

— Птица,— позвал Иван Семенович,— человек с дороги.

— А ты молчи, молчи, Ванечка. Лежи себе. Мы сейчас все сами.

Только когда они сидели в кухне за чаем, Анна Захаровна разглядела Ольгу. Совсем еще молодая. Легкие светлые кудерьки, глаза голубые, навыкате, нос круглый, стан прямой, точно сбитый.

Вот она, Ванина любовь...

Женщины в поселке лесхоза судачили о том что живут у Ногайцева две жены, спят на од-

Copyrighted material

ной кровати, одним одеялом укрываются. Где это видано?

Допытывались у Ольги:

— Ну, как вы там, ладите?

Ольга охотно отвечала:

— Ой, Анна Захаровна такая культурная женщина! Ванечка очень доволен, что она приехала. Ему даже легче стало.

Бабы посмеивались:

— Тебе тоже, поди, полегче?

— Конечно! — соглашалась Ольга.

А по существу, для нее ничего не изменилось. На другое утро после приезда Анны Захаровны Ольга предложила:

— Я сбегаю в магазин, возьму мяса, а вы сготовьте.

Анна спросила:

— Иван что ест?

— Ванечке ничего, кроме молока, нельзя. Кашку жидкую и то не принимает.

— Ну и мне ничего не надо. Я смолоду от кастрюль бегала, а сейчас и вовсе разучилась. Чаю попью, и ладно.

Она подолгу сидела у кровати мужа и, надев очки, ровным голосом читала ему газеты. Больной никогда не прерывал чтения, лежал с полузакрытыми глазами, и было непонятно, слушает он или нет.

Когда, тяжело всхрапывая, Иван забывался, Анна вставала и бродила по пустому дому. Из окон были видны улица и горные склоны, покрытые лесом.

В поселке многое изменилось. Виднелись многоэтажные белые корпуса. Маленький домик отделения связи, где Анна проработала почти двадцать лет, исчез с лица земли... Над одним из высоких домов блестели золоченые буквы: «Почта, телеграф».

Это был новый поселок, которого Анна не знала. Но ей и не хотелось посмотреть, каким он стал. Пройдешь по улице, встретишь знакомых, начнутся расспросы, а что отвечать? Здешние люди связаны с ее отошедшей жизнью, а она хоронила эту жизнь восемь лет.

Был здесь только один человек, который сам должен был прийти.

Больше, чем дружба, больше, чем родство, связывало их троих: Анну, Ивана, Николая. Они были первыми комсомольцами поселка, первыми работниками лесхоза. Вся молодость прошла рядом, одни мысли, одни желания.

— А Уваров не проведывает Ивана?

— Это какой, механик? — переспросила Ольга. — Грубый он человек!

И по ее словам Анна поняла, что эта старая дружба разорвалась.

Каждое утро Ольга меняла Ивану белье, обтирала его высохшее тело. Делала она все быстро, ловко и всегда при этом весело болтала.

— Некоторые такую глупость выдумали, жалеют меня, что я свою молодость гублю. А я за Ваней всегда должна ухаживать, потому что он мне много хорошего сделал. Мы дома совсем бедно жили, поверите, у меня платьишка сменить не было. Иван Семенович меня в одну минуту по своему вкусу, как картинку, одел. И куда мы с ним только не ездили: и в Москву и в Сочи! Ведет он меня, бывало, в ресторан, я только глазами хлопаю, а он меня все учит, как ступить, как сказать. Сам такой представительный, жена молоденькая, все на нас внимание обращали. Как же мне теперь его бросить? Это совсем неблагодарной надо быть!

Она трещала, расчесывая серые волосы больного, вкатывая под него чистую простыню, обмывая лицо.

По временам спрашивала:

— Ведь правда, Ванечка? Верно я говорю?

Анна никогда не была ни в Москве, ни в Сочи. Никогда ни одной нитки не купил ей Иван по своему вкусу. Это он, бывало, заглядывал ей в глаза, спрашивая: «Так ли я сказал, так ли я сделал?»

Когда за Ольгой захлопнулась дверь, Анна подошла к кровати. Она уже привыкла к переменам в муже. Темные тени и худоба не мешали ей снова видеть знакомое широкоскулое, губастое лицо. Ей захотелось сказать ему что-нибудь обидное, но она сдержалась и только спросила:

— С Колей-то чего не поделили? Или при новой жене и друзья не нужны стали?

Иван повернул к ней серые, с желтизной глаза.

— Анна! — голос его прозвучал громко, совсем по-прежнему. — Сходи за ним, он тебе не откажет.

— Это зачем? Захочет, так и сам придет.

— Не придет. Приведи Николая, прошу. Одно мне осталось: повидать его, Анна, не достоин я тебя просить, пойди. Тебя он послушает...

Иван Семенович затосковал. Он отбрасывал одеяло, перекатывал по подушке большую голову. Анна взяла его руку с бледными ногтями.

— В чем не поладили? Да пойду я, пойду, ладно, пойду!

Поселок и вправду сильно вырос. Раньше все здесь знали Анну и она всех знала. Новый человек был приметен. А теперь она шла мимо больших белых домов, вокруг сновал народ, и Анна никого не узнавала. Появилось много молодых парней, девчат. Воскресное утро — все на улице. Изредка кто-нибудь останавливался: «Анна Захаровна!..» Она кивала головой и проходила мимо.

Уваров жил в собственном доме у самого леса. Анна не любила его жену. В девках та была слишком бойкой, а потом быстро обабилась, раскисла.

Анна сдвинула брови, готовясь встретиться с Таисией. Та уж обязательно слезу уронит. Но дверь раскрыла молодая женщина с удлиненным смуглым лицом и светлыми волосами.

— Верочка, что ли? — У Анны дрогнул голос. — Забыла меня? Не помнишь тетю Аню?

— Тетю Аню? — неуверенно повторила Верочка. — Ногайцева тетя Аня? — вдруг радостно вспомнила она и неловко ткнулась головой Анне в грудь.

Вера была на год моложе умершего сына Анны. Раньше ее в шутку звали «Митина невеста».

— Как живешь-то? Замужем уже, поди?

Вера кивнула. Анна удержалась от слез.

— Мать дома?

— Ой, мама в город уехала!

Больше Анна ни о чем не спрашивала. В дверном проеме показался хозяин. Гостья отстранила Верочку и пошла ему навстречу.

— Тебя и время не берет...

Голос ее прервался.

Николай Павлович неумело раскинул руки.

— Анна, Анна...

Он повел ее в свою комнату и усадил в жесткое креслице у стола.

— Приехала, значит. Мне говорили...

Крикнул дочери:

— Вера, чаю нам подай!

Анна воспротивилась.

— Не надо ничего. Я ведь за тобой, Коля.

Уваров точно не расслышал. Темными пальцами скрутил папиросу.

— Все у сестры живешь?

— Давно уже перебралась. Комнату мне дали. Одной лучше.

Он согласился:

— Свой угол всего дороже.

Анне надо было спросить про Таисию, про детей, про здоровье. Но она молчала. Вдруг почувствовала усталость от бессонных ночей, от напряжения душевных сил, в котором жила все эти дни.

Все здесь было ей знакомо, все напоминало прошлое. В комнате по-прежнему пахло табаком и металлической пылью. Так же, со строгой мужской аккуратностью, были сложены журналы на столике и инструменты на подоконнике. Даже голубоватое, истонченное временем пикейное одеяло на узкой кровати то же, что и много лет назад.

Сколько раз она бывала в этой комнате с Иваном!

Анна сказала:

— Что же ты о дружке своем не спросишь? Или не интересуешься?

Уваров скороговоркой ответил что-то нескладное, вроде: «Будет уж тебе, будет!», — и спросил с наигранным оживлением:

— Поселок наш видела? На город тянет!

— Не заговаривай меня, Николай, — жалобно попросила она, — устала я. Собирайся лучше, пойдем.

Уваров встал.

— Не зови. Разошлись наши дороги с Иваном и никогда не сойдутся!

— Кончилась его дорога. Забывать надо старые счеты.

Она подождала, но Уваров ничего не ответил.

— Высоко себя ставишь, Николай. Ты оглянись на меня. Уж наши ли дороги не разошлись? А я вот здесь. Так неужто твоя обида больше моей?

— Не в обиде дело. Я хотел бы и вовсе забыть, что он есть на свете.

Тяжело падали его слова. Вконец измученная Анна крикнула:

— Да что он такое сделал? В чем его вина непрощенная?

Николай Павлович смотрел в окно. Он слишком хорошо все помнил. В глазах, точно живой, стоял Иван, как, бывало, взбегал он по крутой дорожке к этому дому.

Бежал, прятал глаза и все же не мог не идти.

Смолоду это было у Ивана. Натворит что-нибудь, и нет ему покоя, пока не вырвет у друга прощения своему поступку. Убедит, улестит, уговорит.

И когда приехал он из отпуска с новой женой, в тот же вечер явился.

Таисия увидела его в окно.

— Идет... Хорошо, один догадался! А с ней не пустила бы, ни за что не пустила бы! Прямо от двери поворот бы дала. Аннушке-то, Аннушке каково...

— Хватит! — прикрикнул Николай Павлович и ушел в свою комнату.

Минут через пять дверь без стука открыл Иван Ногайцев.

— Судишь? — спросил он сдавленно-счастливым голосом.

Уварову показалось, что Иван выпил. Но он был трезвый. Сел на табурет; полы его шинели разошлись, брюки на нем были новые, серые в голубую полоску.

— Коля, друг, пойми, я Анне уже и не нужен. Для нее это лишняя нагрузка: сготовить, постирать. Рассказываешь ей что-нибудь — никакого интереса. Сейчас ее удовольствие — книжку почитать, радио послушать. А материально я ее всегда обеспечу.

Уваров рассердился.

— Тебя послушать — осчастливил ты Анну! А это надо у нее спросить. Ты лучше о себе скажи.

— А я себя виноватым не считаю. Что мне, доли на земле нет? Или про любовь только в книгах пишут?

Вот этим он и сшиб своего дружка. Николай Уваров и вправду думал, что о любви больше пишут в книгах. И этих книг он читать не любил.

— Не поздно о любви-то?

— Не поздно, — твердо ответил Ногайцев. — Ты точно с Анной спелся. Она тоже чуть что: «Нам не по восемнадцать лет». А в восемнадцать лет люди, как кутята, глупые. Ничего понимать не могут.

И пошел, понес Иван про море, про пароходы, про чаек, про пальмы...

Таисия сперва стояла у двери, потом очутилась в комнате.

— Шубу это ты ей купил? Хвалилась она в булочной. Дорого, поди, отдал?

— Не дороже денег.

— И панбархату на платье набрал, верно?

Любопытная Таисия все выспрашивала. Иван отвечал охотно, как всегда, немного бахвалясь.

Уваров не мог поговорить с другом как должно. Ему мешало счастливое возбуждение в голосе Ивана, в блеске его глаз, в заливчатом смехе.

Copyrighted material

— Бесноватый какой-то! — проворчал хозяин, когда Ногайцев вышел из дома и побежал, прыгая с камня на камень.

— Вот закрутила его баба, вот захороводила! — с завистливым восхищением причитала Таисия. — Денег-то, денег сколько на нее извел!

И уже рассудительно оправдывала Ивана:

— И то, дома у него чисто могила была. Анна и патефон в клуб отдала. На что, мол, нам после Митеньки. А Иван все же не старик. Живое о живом думает.

Не с этого ли времени начался разлад между друзьями? Нет. Если уж все вспоминать, то надо начинать много раньше, еще с войны.

Темной ночью первого военного года часть, где служили старший политрук Уваров и лейтенант Ногайцев, отошла за реку Сомную и залегла в наскоро вырытых окопах. Пользуясь затишьем, усталые люди уснули.

Уваров сидел в пещерке, оборудованной под временное жилье. Настроение было тяжелое, и много душевных сил уходило на то, чтоб скрывать это от бойцов, от товарищей, от самого себя. Потом эти дни вспоминались как самые трудные за всю войну.

От непривычной тишины стали путаться мысли. Уваров еще не спал, но был на той грани бодрствования и сна, когда пробуждение особенно болезненно.

Ему показалось, что в землянку вкатился огромный темный клубок. Уваров очнулся.

На полу лежал человек в серой шинели. Он обхватил голову обеими руками. Лица его не было видно. Над ним, большой, плечистый, стоял Ногайцев.

— Мразь, гадина!..

Человек на полу еще больше наклонил голову.

— Выхожу, понимаешь, я на него с берега, из камышей, а он бросает оружие — и от меня. Испугался, думал, что немцы реку перешли... А если бы и вправду немцы?.. Ах!..

Ругаться Иван умел.

Политрук сказал хриплым от дремоты голосом:

— А ну, встань!

Боец поднялся на ноги. Парень совсем молодой, курносый... Губы от страха белые.

— Фамилия как? Имя?

— Красков Алексей.

Уваров задал еще несколько вопросов и приказал:

— Ступай пока!

Парень скрылся в темноте.

— Необстрелянный, молодой, — покачал головой политрук. — Однако трибунала не избежать.

— Сукин сын, — охотно подтвердил Ногайцев. — А насчет трибунала ты это, Николай, брось. Сам видишь: мальчишка. Целый день под огнем был.

И пошел и пошел. Битых полчаса говорил. Договорил до того времени, когда грохнула вражеская артиллерия.

Выбегая, Ногайцев споткнулся о мягкое. Алексей Красков лежал у самого входа в пещеру. Иван легко поднял его за ворот и крикнул прямо в ухо:

— За мной следуй! Чтоб на моих глазах был! Чтоб я тебя каждую секунду наблюдал!

С тех пор Лешка Красков всюду следовал за Ногайцевым. И войну прошли они вместе, и в леспромхоз Иван привез его. У обоих грудь в орденах, оба целые, невредимые.

А Уварову не повезло. В том бою у реки Сомной его тяжело ранили в грудь. Простреленное легкое не дало дослужить до победы.

При первой же встрече дома, в поселке Зимнем, Иван похвастал Лешкой:

— Каков крестничек? — И еще добавил: — А ведь это Красков тебя тогда в медпункт доставил! По моему приказу, конечно.

Лешка, раскормленный, чистый, затянутый в ремни, губ не мог свести от улыбки.

Встречу праздновали у Ногайцевых. Красков со стаканом вина подсел к Николаю Павловичу.

— Вы так поглядеть — сухощавый, а на деле тяжелый. Я вас тащил, думал, не дотащу. И так прилажусь и этак. Если бы вы еще в сознании, а то никакой помощи от вас. Все же дотащил. Доктор сказал: чуть бы позже — и конец. — Он значительно таращил большие голубые глаза. — Еще бы немного, и пиши похоронную.

Уваров сдержанно благодарил:

— Ну, спасибо!

Дочка Вера — ей тогда только семнадцать исполнилось, — открыв рот, глядела на парня. Еще бы: отцов спаситель!

Иван кричал с другого конца стола:

— Ты хвали, хвали его, Лешку, он это любит! Он за ласковое слово в огонь полезет!

И все же не лежала душа у Николая Павловича к Лешке.

Назначенный директором леспромхоза Ногайцев сделал Алексея начальником Затонного участка, самого богатого строевым лесом. Работал парень весело, не придерешься, но при встречах с ним Уваров отводил глаза и в беседу не вступал. А встречаться приходилось частенько. То прохаживался Лешка возле уваровского дома, то бежал по тропинке от крыльца, а раза два заметил его Николай Павлович со своей Верой.

Он сказал дочери:

— Рано начала с кавалерами ходить. Не об этом надо думать.

Впервые Вера посмела возразить отцу:

— Он не кавалер вовсе.

— Кто б ни был. Нечего ему у дома околачиваться!

И когда люди стали плохо говорить о Краскове, Николай Павлович слухам поверил.

Первую весть принесла Таисия:

— Лешка-то Красков затонного леса продал на большие тысячи. Иван в отпуску, вот у него руки и развязаны.

— Что же он дурак, что ли? — усомнился кто-то из домашних.

— То-то что и не дурак. Лес был какой-то незаприходованный. Объездчик Рябов сказывал. «Слышу, — говорит, — машины гудят. Гляжу, — говорит, — волковцы лес возят. Откуда? Молчат. А лес-то приметный. Затонный лес. И ехать машинам больше неоткуда». Теперь Ногайцева ждут.

А Лешка не таился. Ходил, посмеивался. Вечерами провожал Веру из кино. Николай Павлович вышел ночью к калитке, подождал, пока они появились на дорожке, Веру шугнул домой, а у Лешки спросил:

— Что это про тебя люди болтают?

Ничуть Алексей не смутился.

— Не слушайте вы людей, Николай Павлович. Никто и ничего не знает. Кроме меня, конечно... И как это у людей получается: чуть что, деньги взял! Будто уж лучше денег нет ничего!

Ушел он, весело насвистывая. А Уваров, может быть, впервые в жизни не знал, что ему думать о человеке.

Из отпуска Ногайцев приехал с молодой женой. О Краскове на какое-то время забыли. Не до того было.

Вера на зимние каникулы уехала с экскурсией в Москву. С тех пор Лешка не показывался. Увидев его у крыльца, Николай Павлович отмахнулся:

— Не приехала, не приехала еще!

— Мне с вами поговорить надо, — попросил Алексей.

Прежней веселости в голосе не было. Он похудел, осунулся и сразу стал похож на того парня, каким его увидел Николай Павлович первый раз в землянке.

В комнате Красков опустился на стул.

— Вы одни можете, — сказал он. — Внушите Ивану Семеновичу, пусть он оформит лес, обелит меня.

Он замолчал, ждал вопросов. Но Уваров не стал ему помогать. Лешка глубоко вздохнул.

— Он мне по междугородному телефону позвонил, когда в отпуску был. Чтоб я волковцам лес отпустил. Без документов. По одному слову. Я вам скажу, у нас есть такой лес, заготовленный на случай, если план не выполним, чтоб пополнить. Незаконно, но все же не преступление. Сами видите, из лесу бревно тайно не вывезешь. Вот из этого фонда.

Уваров слушал, нахмурясь.

— Деньги брал?

— Ни копейки! — твердо ответил Лешка. — Я от вас и не ожидал, Николай Павлович, что вы такой вопрос мне зададите. Я вам...

— Ладно, — почему-то чувствуя неловкость, оборвал его Уваров. — Что ты ко мне пришел

Copyrighted material

плакаться? Иди к директору. Он что, отказывается от своего приказа?

— Не отказывается он. «Ступай, — говорит, — завтра оформлю». А потом опять завтра. А сам недовольный. Мне уже и говорить неловко. Каждый день в глаза ему засматриваю. Конечно, у него дела, но ведь люди на меня валят.

— Заяви куда следует.

— На Ивана Семеныча? — вскинулся Лешка. — Как это можно! Вы сами знаете, чем я Ивану Семенычу обязан.

И уже тише добавил:

— А не захочет он, кто мне поверит? Ведь ни бумажки, ни записки. Один словесный приказ по телефону.

— Так что ж ты думаешь, что Иван деньги взял? Смотри, Красков!

— Они ему тогда нужны были, — просто сказал Лешка. — Он Ольгу по свету возил, удивлял.

— Уйди, — приказал Уваров, — я ему скажу!

Разговор с Иваном был короткий. На улице.

— Ты кончай эту историю с Красковым. По дружбе советую. Грязь к тебе липнет.

— Да нет там никакой истории, — поморщился Иван, — одни сплетни.

Что теперь Ногайцеву советы друга! Теперь он не мальчишка, своим умом живет. Очень возгордился ты, Уваров, думая, что по одному слову послушает тебя директор!

А о Краскове говорили все громче. Почтальон, старый знакомый Уварова, вручая ему газеты, сказал:

— Повестку сегодня Краскову отнес. Прокурор вызывает...

В этот же день Алексей Красков выстрелом из охотничьего ружья покончил с собой, оставив записку: «Я ни в чем не виноват. Жить виноватым не могу».

Дверь открыла Ольга. Уваров оттолкнул ее плечом и прошел в комнату.

Иван обедал. Отодвинул тарелку, расплескал борщ, встал навстречу Уварову.

— Слышал? Эх, Лешка, Лешка, что наделал! С собой покончил, а?

Сдерживаясь, Николай глухо сказал:

— Это не Лешка с собой покончил. Это ты его убил!

Он увидел, как испугался Иван. Серые кошачьи глаза его округлились, толстые губы обмякли, кожа на щеках задрожала.

Говорить было нечего, оправдываться нечем. Взглянув на лицо Уварова — напряженное, яростное, — крикнул не своим, сдавленно-тонким голосом:

— Кабы не я, ты б его десять лет назад кончил! Ты его трибуналом судить хотел!

Не слушая, Уваров спросил:

— Сколько ты на Алексеевой смерти заработал?

Иван замахнулся. Может, и ударил бы, но открылась дверь, заглянула Ольга. В шубе, в новых ботах.

— Вы здесь беседуете, а мне это неинтересно. Я пойду погуляю. Ладно, Ванечка? — И наставительно сказала Уварову: — А все же невежливо, когда мужчина с женщиной не здоровается. — И кокетливо помахала варежкой на прощание.

Ее приход будто придал Ивану силы.

— Кому Алексея больше жаль, мне или тебе? Он мне вместо сына был!

— Замолчи! — крикнул Уваров. — Я сюда шел, думал, в тебе хоть зерно коммуниста осталось. А ты вор и убийца, и я это докажу!

Иван усмехнулся.

— Не горячись. Ничего ты не докажешь. Лешку теперь не поднимешь, а смерть, она все спишет.

И тогда, задушенный ненавистью, Уваров медленно и раздельно сказал бывшему другу:

— Деньги, что украл, вернешь! Все, до копейки! Десять дней сроку даю. А дальше имя мое забудь, как я твое забуду!

Кровь шумела в ушах. Вышел — чуть не упал.

А Ногайцеву, видно, суждено удивлять людей. Семь тысяч внес за своего дружка Краскова. Так и объявил: «Вношу, чтоб очистилась его память». Вот он какой, Иван Ногайцев!

Восемь лет прошло с тех пор. И вот зовет старый друг.

Анна последний довод приводит:

— Перед смертью все грехи человеку прощаются.

— Нет, — твердо сказал Уваров, — не позволено жизнь на земле пачкать! Жить надо светло.

Опустила голову Анна.

Он сказал еще:

— Все будем умирать: и ты и я. Смерть прощения не дает.

П. К. Саксаганский.

ОН СЛУЖИЛ НАРОДУ

В весенние майские дни, когда Киев особенно красив, столетие со дня рождения корифея украинского театра Панаса Саксаганского отмечается как дата, близкая сердцу всех, кто любит украинскую театральную культуру.

Мне посчастливилось, правда, всего один раз, видеть и слышать Саксаганского. Он принимал нас, молодых литераторов, пришедших поздравить его с восьмидесятилетием. Перед нами сидел человек, убеленный сединами и утомленный трудом. Ум же его был ясен и прозорлив. И слова, сказанные нам тогда, запомнились нерушимо. Это были слова о правде жизни, которая должна звучать на сцене и на страницах книг.

Всю свою долгую жизнь, увенчанную победами большого таланта, Панас Карпович Саксаганский был верен этой цели. Он нес правду со сцены даже в тяжкие годы произвола и реакции, когда родное украинское слово было заковано в железные кандалы...

Семья Тобилевичей, из которой вышел Саксаганский, имела большие заслуги не только перед украинской культурой. Ведь и знаменитая династия русских актеров Садовских тоже принадлежит к этой замечательной семье!.. Саксаганский хорошо знал театр, когда пришел на сцену. Ему даны были в дар прекрасные традиции; он обогатил их и умножил благородным, вдохновенным трудом.

Начав творческую деятельность в семидесятых годах прошлого столетия в любительских кружках, Панас Саксаганский навсегда связал свою жизнь с театром.

— И никогда я не жалел об этом,— не раз говорил великий артист.

Ему и не надо было жалеть о своем выборе в жизни.

Созданные Саксаганским образы незабываемы. Чувствуя зрителей всем сердцем своим, понимая, куда надо звать их и к какой цели устремлять помыслы, Панас Карпович Саксаганский вписал в историю украинской сцены вдохновенные и яркие страницы.

С особой силой развернулся талант художника после Великого Октября. В 1918 году Саксаганский создал в Киеве Народный театр, пользовавшийся огромным успехом. Родное слово свободно и крылато зазвучало в нем.

Первыми посетителями этого театра были борцы за победу революции. О таком зрителе и мечтали долгие десятилетия люди, стремившиеся сделать родину и народ свободными.

Саксаганский часто в кругу друзей говорил:

— Я очень счастлив, что дожил до такого светлого времени. Это светлое время стало эпохой расцвета всего нашего искусства, неотделимого от жизни народа.

В тридцатые и сороковые годы Саксаганский особенно плодотворно работал как режиссер. Его постановки имеют огромное значение для развития советского театра.

Панас Саксаганский один из первых получил звание народного артиста СССР. В 1939 году Киев и вся украинская театральная общественность отмечали восьмидесятилетие Саксаганского.

Он ушел из жизни незадолго до войны — в 1940 году.

Теперь, когда мы отмечаем столетие со дня рождения великого артиста, Киев расцвел еще краше, воссозданный из руин и пепла, возрожденный народом, которому так горячо был предан его верный сын — Панас Саксаганский.

Натан РЫБАК

Киев.

Copyrighted material

Р. Дж. Уогхорн. АВТОМОБИЛЬНОЕ ШОССЕ. Акварель.

Copyrighted material

Эвелин Пэдж. УЛИЦА ЛАМБТОН (ГЛАВНАЯ УЛИЦА ВЕЛЛИНГТОНА). Масло.

Френсис Ходжкинс. МАОРИЙКА С РЕБЕНКОМ. Акварель.

Художники Новой Зеландии

Выставка цейлонских художников... Выставка Непала... Культурный обмен между самыми отдаленными странами непрерывно ширится. Теперь у нас открылась выставка художников Новой Зеландии. С новозеландскими художниками мы знакомимся впервые.

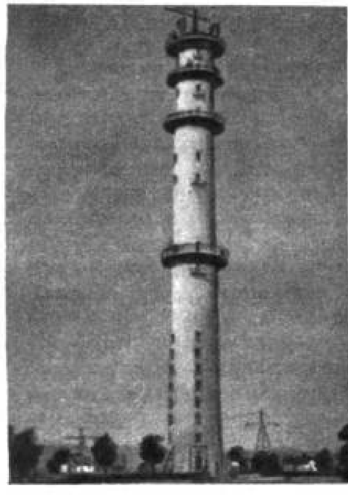
Картины, которые мы видим на выставке, типичны вообще для западноевропейского искусства: недаром многие художники новозеландцы получили европейское художественное образование.

К сожалению, в экспозиции выставки отсутствуют произведения искусства маори — коренного населения Новой Зеландии.

Copyrighted material

ОТ КРАЯ ДО КРАЯ

Показывает Варшава...

Узловая радиорелейная станция.

Помните недавний чемпионат мира по хоккею? Болельщики-москвичи, владельцы телевизоров, с огорчением подсчитывали, сколько дней придется ждать, пока Центральной студии телевидения пришлют «ролики» из Праги. А ведь как было бы хорошо, сидя дома, наблюдать за всеми перипетиями схватки советских и канадских хоккеистов!

Можем обрадовать читателей. Не очень много времени отделяет нас от того дня, когда в «Программах телевидения» появятся новые разделы: «Показывает Бухарест», «Показывает Будапешт», «Показывает София»,— когда, скажем, вместе с варшавянами, заполнившими Зал конгресса Дворца культуры и науки, мы будем аплодировать мастерству польских артистов.

— Между Советским Союзом, Польшей, Чехословакией и другими социалистическими странами,— рассказывает заместитель министра связи СССР И. В. Клоков,— решено построить радиорелейные и кабельные линии, которые обеспечат постоянный и устойчивый обмен телевизионными программами, вначале черно-белыми, а потом и цветными. На советско-польском участке уже прокладывается мощный коаксиальный кабель.

Не только Москва, но и Ленинград, Киев, Минск, Харьков благодаря внутренним радиорелейным и кабельным линиям смогут принимать зарубежные телепередачи. Навстречу, из городов Советского Союза в страны народной демократии, будут транслироваться советские телевизионные программы.

Регулярный телеобмен столиц стран социалистического лагеря, когда это представится необходимым, может быть дополнен включением Варшавы или Праги в западноевропейскую систему так называемой «Евровизии». В этих случаях Москва будет принимать телепередачу спектакля театра Ла Скала из Милана или... Мы чуть было не назвали олимпийские игры в Риме. Но к лету 1960 года— дата Олимпиады — строительство кабеля еще не закончат. Однако уже в 1962 году миллионы советских людей смогут видеть на экранах своих телевизоров спектакли из театров Западной Европы, конечно, при наличии договоров о культурном обмене.

Советский Союз покрывается густой сетью радиорелейных и кабельных линий. Уже сегодня Москву принимают в Сталиногорске, Иванове, Рязани, Костроме, Калуге, Ярославле, Владимире, Калинине, Смоленске, а Киев — в областных и районных центрах Украины. В 1960 году Москва и Ленинград начнут обмен телепрограммами.

— Через семь лет,— продолжает И. В. Клоков, — страна будет располагать 160 телевизионными станциями. Вслед за Москвой почти во всех столицах советских республик на экранах телевизоров появится цвет.

Современные радиорелейные и кабельные линии — сложные сооружения. Они позволяют решать большие задачи не только в области телевидения. Значительно улучшается междугородная и международная телефонная и телеграфная связь. Характерный пример: радиорелейная линия, вдоль цепочки которой на расстоянии 50 километров одна от другой расположены приемо-передаточные ретрансляционные станции-башни, дает возможность одновременно вести по одному стволу 600 телефонных разговоров. А стволов, параллельно расположенных, может быть несколько. По одной паре трубок коаксиального кабеля (на его трассе усилительные подстанции размещаются через каждые шесть километров) возможно вести 300 разговоров и телепередачу, а без нее — 1 900 разговоров!

На главнейших направлениях с помощью релейных линий и кабелей постепенно будет введено автоматическое соединение абонентов различных городов. Этот способ отлично зарекомендовал себя в дни работы XXI съезда партии. Из Большого Кремлевского дворца делегаты съезда непосредственно, без помощи телефонистки, связывались с абонентами двенадцати крупнейших городов.

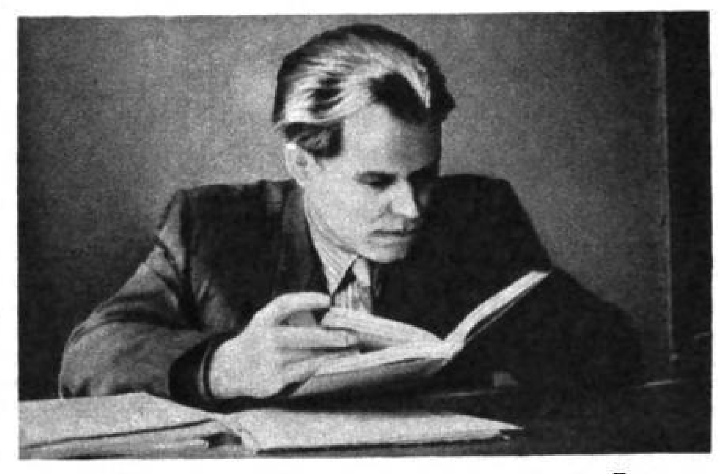
В июне московские абоненты, чьи телефонные номера начинаются со знаков «Б9», получат возможность, в порядке эксперимента, минуя междугородную телефонную станцию, набирать номера своих ленинградских знакомых. Соединение произойдет сразу же, так, как это бывает при беседе двух москвичей, живущих в разных районах города. Но счетчик тотчас зарегистрирует разговор и его продолжительность — это для оплаты.

Несколько позже не только абоненты станции «Б9», но и «В0», «Г6» и других АТС Москвы, набрав десять знаков, автоматически свяжутся с Ленинградом, а потом и со многими другими городами.

...Год от года растет применение радиотехники и электроники в народном хозяйстве, во всех областях культуры и науки. В конце семилетки телевизионные программы страны ежедневно смогут смотреть примерно сто миллионов человек.

Б. ЛЬВОВ,
Г. ВЛАДИМИРОВ

Вторая жизнь Ивана Ермакова

Иван Михайлович Ермаков
Фото Е. Бутаенко

Заседание Ученого Совета подходило к концу. Уже выступили официальные оппоненты, высоко оценившие диссертацию молодого ученого И. Ермакова «Диалектический материализм — философская основа научного атеизма», когда слова попросил научный руководитель доцент Муравьев.

Он не столько говорил о работе, сколько о ее авторе:

— Ермаков живет второй раз. Когда ему было 15 лет, его вместе с другими партизанами расстреляли гитлеровцы, сбросили в противотанковый ров и забросали землей.

Ночью колхозники откопали его. Ермаков стонал. Ему прострелили плечо, и он был в обморочном состоянии. Колхозники отнесли мальчика в дом, вылечили, подкормили, выходили.

И снова Ермаков сражается в партизанском отряде, а через год воюет в 220-м гвардейском стрелковом полку Советской Армии.

Война подходила к концу, когда Иван Ермаков после госпиталя вернулся в родной Донбасс, начал работать: был сторожем, чернорабочим, грузчиком в шахте, сотрудником городской газеты. После работы он учился и экстерном окончил десять классов.

Одаренный юноша, всеми силами тянувшийся к знаниям, становится студентом философского факультета Московского университета.

Блестяще окончив МГУ, Ермаков стал преподавателем кафедры философии Мордовского университета, заочно занимался в аспирантуре МГУ, писал научные работы.

Высшая аттестационная комиссия утвердила Ивана Михайловича Ермакова в ученой степени кандидата философских наук.

А. СИНЕЛЬНИКОВ

Домна передвинута

На заводе «Запорожсталь» передвинули реконструируемую доменную печь № 2 на постоянный фундамент.

Передвижка крупных сооружений в нашей стране осуществляется не впервые. Но это самая большая домна. Вес агрегата, смонтированного на заводе «Запорожсталь»,— 3 300 тонн.

При реконструкции доменной печи инженеры применили оригинальные решения. Обычно монтаж фурменных приборов производится с площадки поддоменника, а на этот раз для ускорения его вели со специальной временной площадки. На доменной печи организовали многоярусную работу сварщиков и монтажников. За неделю до того, как остановить старый корпус, отсекли нисходящие газопроводы. Это позволило быстрее демонтировать как газопроводы, так и пылеуловители. Демонтаж старой доменной печи проведен всего за восемь дней.

Точность инженерных расчетов, творческий труд новаторов намного сократили срок реконструкции. На 10 дней раньше графика провели монтаж кожуха доменной печи.

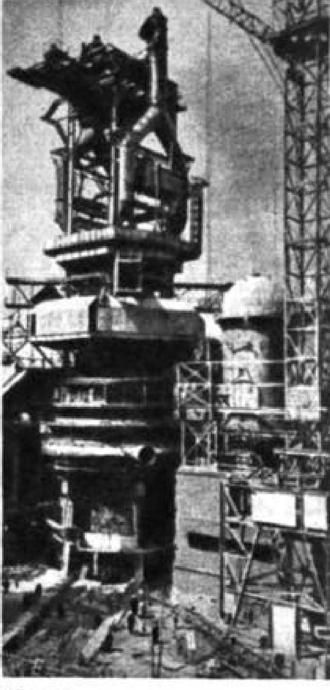
Передвижка печи при помощи гидравлических домкратов заняла 5 часов.

Начальник «Укрглавметаллургмонтажа» Министерства строительства УССР М. И. Трошин рассказывает:

— Монтаж оборудования и футеровка будут закончены в мае. Предполагается задуть печь 31 мая и выдать первый чугун 1 июня.

Новый, прогрессивный метод реконструкции доменных печей дает возможность получить дополнительно сотни тысяч тонн чугуна.

Ал. АХМАТОВ

Домна в момент передвижки.
Фото А. Ковальчука.

ПОЕЗД С ИСКУССТВЕННЫМ КЛИМАТОМ

Пассажирский поезд приближается к Ашхабаду. Знойно. От раскаленной солнцем земли поднимаются дрожащие струйки горячего воздуха. В такую погоду мучительно чувствуешь себя в вагоне. Обливаясь потом, мечтаешь о прохладе, думаешь о том, как приятно было бы в поезде, в котором летом не жарко, а зимой не холодно.

Недавно это были только мечты, а сегодня они осуществляются.

Поезд с искусственным климатом и центральным энергоснабжением построен на Калининском вагоностроительном заводе.

— В составе 15 вагонов,— рассказывает главный конструктор завода Михаил Алексеевич Кулаков. — В каждом вагоне установка для кондиционирования воздуха, производительностью в 24 тысячи килокалорий в час. Электроэнергия поступает к установкам из единого источника — вагона-электростанции. Сейчас испытания установок заканчиваются.

Отправляемся в цех. Он высок, просторен. Вагоны и тускло поблескивающие рельсы создают впечатление вокзала. В углу цеха возвышается огромный брезентовый шатер, к которому подведены толстые трубы парового отопления. Михаил Алексеевич приподнимает брезент, мы входим в шатер и словно попадаем в жарко натопленную баню.

В шатре стоит один из вагонов нового поезда. Поднимаемся по ступенькам. Кажется, здесь еще жарче, чем в шатре. Вероятно, это от духоты, от запаха краски.

Испытанием холодильной установки руководит инженер-конструктор Ирина Владимировна Смирницкая. Она включает рубильник.

Вскоре становится заметно прохладней. Я осматриваюсь. Все кажется привычным. Как в обычных вагонах, расположены нижние и верхние плацкартные места, только на потолке вентиляторы прикрыты овальными щитами.

— Из вентиляторов поступает охлажденный воздух,— объясняет М. А. Кулаков.— Щитки гасят его скорость, чтобы внутри вагона было холоднее, чем снаружи, на 14—18 градусов. Такая температура в вагоне поддерживается автоматически.

Существуют приспособления и для подогрева воздуха в зимнее время. Внизу, в стенках, вмонтированы батареи водяного отопления. Вода в них нагревается электричеством. Кроме того, наружный воздух, поступающий в вагон, проходит через электрокалорифер, где подогревается.

— В создании поезда с искусственным климатом, — говорит М. А. Кулаков,— участвовало несколько промышленных предприятий. Электрооборудование сделано в Риге. Холодильные установки изготовлены в Одессе, а в свой первый рейс поезд уйдет с нашего Калининского завода.

Это первый в СССР поезд, в котором каждый вагон имеет установку для кондиционирования воздуха. После эксплуатационных испытаний будет решен вопрос о серийном выпуске таких поездов.

А. ГОЛИКОВ

Слесарь-монтажник Б. М. Макеев устанавливает автоматические приборы для агрегата вентиляции.

Фото Н. Чамова.

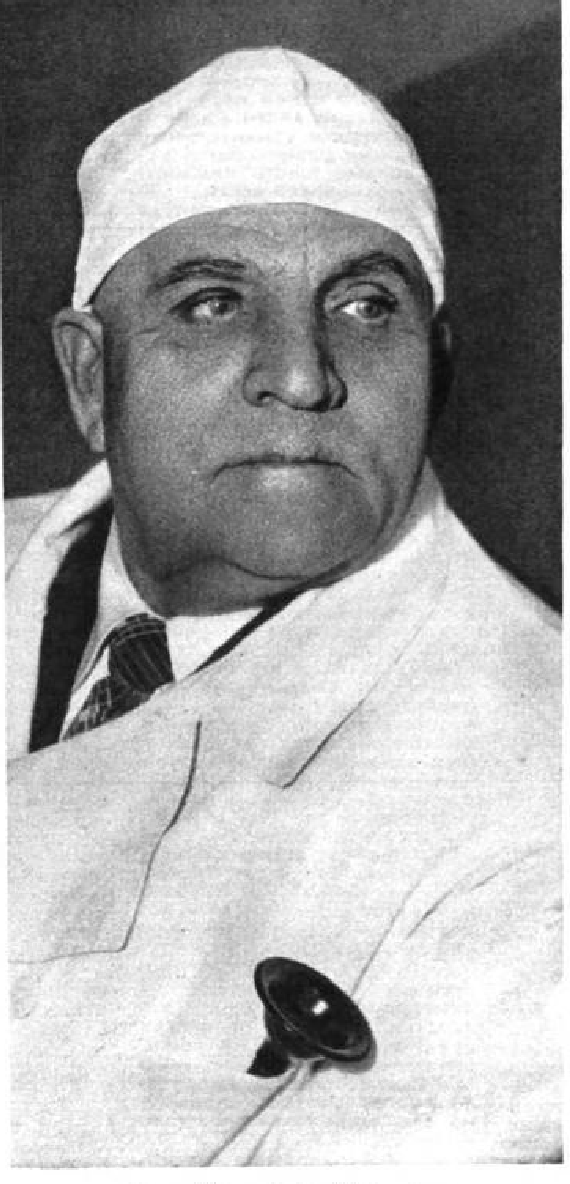
Copyrighted material

А. Н. ЗОЛОТУХИН,
заслуженный врач РСФСР

ЗАПИСКИ ВРАЧА

Фото Риммы ЛИХАЧ.

ДВЕРЬ ОТКРЫТА

Аким Никитович Золотухин.

Великовозрастный студент

В 1930 году, когда мне было уже тридцать восемь лет, я поступил на медицинский факультет Воронежского университета. Со стороны такой шаг казался, пожалуй, легкомысленным: у нас с женой к тому времени было уже трое ребятишек, а зарабатывал я один. Товарищи мои по Ястребовской районной больнице в родной Курской области, где я служил фельдшером, так и говорили. Но посовещались мы с Варварой Васильевной и решили: как-нибудь перебьемся, я в Воронеже вечернюю работу найду, что-нибудь да подработаю. Ну, конечно, семье придется поясок потуже затянуть на пять лет.

Переступил я порог университета с холодком в спине: сумею ли, думалось, одолеть эту высокую гору? Меня терзал сомнениями вопрос, который по нынешним временам звучит странно и даже несколько диковато: «Может ли фельдшер стать врачом?»

Этот вопрос поставили еще задолго до семнадцатого года чиновники из российского медицинского племени, и они же отвечали на него решительно: «Конечно, нет!» Ведь кто шел в фельдшеры? Простолюдины, мужики. А какой же из мужика врач?! Что вы, помилуйте!

И после семнадцатого года часть профессуры в медицинских институтах долго продолжала считать, что никогда из фельдшера не получится настоящего врача.

Я окончил Курскую фельдшерско-акушерскую школу во время первой мировой войны, в армии — в 315-м Глуховском полку служил военфельдшером роты. И этот, если можно так выразиться, комплекс фельдшерской недостаточности, второсортности в меня крепко въелся.

Но среди студентов-медиков я увидел очень много себе подобных. На первый курс поступал народ немолодой, уже потрудившийся, обкатанный жизнью. Безусых юнцов и восемнадцатилетних девушек со школьной скамьи можно было по пальцам сосчитать. Я воспрянул духом.

Мы, великовозрастные студенты из фельдшеров, вгрызались в гранит науки с остервенением. Мы хотели доказать, что дореволюционный профессорский вопрос насчет фельдшеров — поганая кастовая выдумка и его пора снимать с повестки дня. Лишним было бы говорить, что учились мы не из-под палки, а сознательно, вполне отдавая себе отчет в трудности избранного пути.

Год шел за годом, семестр за семестром. Дни моей жизни были похожи один на другой, как ступени лестниц в нашей Alma mater: днем учеба — на лекциях, в анатомичке, в больничных палатах, вечером работа — на фабричном медпункте, по ночам долгое, до ряби в глазах, сидение над учебниками. Когда медицинский факультет выделился из университета в самостоятельный институт, ничто для меня не изменилось в этом распорядке. Но к тому времени сильно начал меняться я сам в чисто физическом смысле: стал худеть не по дням, а по часам. Ночью раз по десять просыпался в холодном липком поту. Подняться на второй этаж без остановки стало непосильной задачей. Очень остро ощутил я тогда, что значит «тает, как свеча».

Пошел на рентген. Старичок-рентгенолог нарисовал на бумажке размером в ладонь два моих легких и в одном из них обозначил точками созвездие, похожее на ковш Большой Медведицы, только без ручки. Обычно рентгенологи не говорят пациенту, что они там у него увидели — об этом они сообщают лечащему врачу, — но я ведь сам был без пяти минут врач, поэтому мне можно сказать все прямо. И он сказал:

— У вас, дорогой мой, туберкулез, с чем вас и не поздравляю. Очаги-с! И довольно неприятные.

В амбулатории врач, выслушав и выстукав мою грудь, окончательно доконал меня:

— Дела серьезные. Вам следует лечиться. Питание. Воздух. Никакой работы, никаких занятий.

Выписал он мне лекарства, но я даже не заглянул в рецепт: не было в то время мало-мальски действенных лекарств против туберкулеза, я это знал и на сей счет не обольщался. Питание! Время было трудное. Продукты выдавали по карточкам. Хлеба вволю не ели.

В общежитие пришел я разбитый, с серым лицом. Мой дружок, сосед по койке Адам Статкевич (он сейчас работает главным врачом районной больницы на станции Поныри), посмотрел на меня с интересом, как на незнакомого, и спросил:

— Ты чего это?

— Ничего, Адам, — говорю. — У меня туберкулез, очаговый. Лопнул мой институт.

Он неожиданно рассмеялся. Потом загремел на весь этаж:

— О, о, посмотрите на него! Спешите посмотреть, а то он сейчас умрет! Эх ты, homo, эх ты, человече! Да мы тебя вылечим — в духовом оркестре на контрабасе играть будешь!

Я слушал его хмуро. Адам замолчал, подумал и быстро выдвинул из-под кровати свой сундучок. Достав из него большую банку и бутылку, он сказал теперь уже другим тоном, тихо и ласково:

— Во, погляди. Тут целая банка меду, а тут бутылка масла. — Он поставил банку и бутылку на стол, погладил их. — Родичи прислали. Мед засахарился, но все-таки мед. Съешь — здоровый будешь.

Тут другие друзья набежали. Узнав, в чем дело, они принялись меня успокаивать.

Институт я не бросил, работу тоже. Не знаю, что тут подействовало: Адамовы мед и масло или сосновые иглы, приносимые из леса, из которых я делал отвар — витамин С! — но только вскоре почувствовал себя лучше.

Так и «доскрипел» до выпускных экзаменов, сдал их и получил диплом врача. Грустно было расставаться с институтом, с друзьями-однокашниками, но всех нас ждала любимая работа, и новоиспеченные врачи разлетелись в разные стороны стремительно и радостно, как птицы из садка...

Разлетаясь из института, мы клялись отдать все наши силы и знания любимому делу, людям.

Когда я получил диплом, мне было сорок три года. Я поехал в Курск и попросил областные органы здравоохранения послать меня на работу в деревню. Мне дали Лубянский врачебный участок, в Медвенском районе.

О врачах и о грачах

Мелкой рысцой трусит лохматая лошаденка, заиндевевшая так, что и не разберешь, какой она масти. Розвальни без скрипа катятся по наезженному большаку, темному от вмерзших в укатанный льдистый снег конских яблок и соломы. Нет-нет да и налетит, напомнив, что стоит вьюжный февраль, пронзительный ветер, вихревой, закрученный штопором. Он буравит насквозь и овчинный тулуп и ватное пальто и остро колет в спину, в бока. Через темную дорогу начинают перебегать бесконечные белые змеи поземки. Возница, маленький, весь такой ладный и по-молодому подтянутый старичок, разбирает залубеневшие на морозе вожжи, привстает на коленках.

— Эй, ходи-и! — задорно кричит он тонким голосом.

Лошаденка прядает ушами и прибавляет ходу.

— Значит, давно уехал ваш доктор? — спрашиваю я, продолжая наш разговор.

— Да мы, верно слово, уж и позабыли! — весело ответствует возница, оборачиваясь ко мне. Лицо у него по усам и бороде в хрустальных сосульках.

— А чего это он вдруг уехал?

— Да ведь говорится: рыба ищет, где глубже! — все так же весело кричит старичок.

В голосе его нет осуждения, но он все-таки из деликатности находит нужным оправдать того, о ком мы говорим:

— Да и то сказать: деревня сторонняя, глушь. Один воздух. Ни тебе чайной, ни баранок. Это мы привычные, а городскому человеку...

Он смотрит на меня так, будто хочет сказать: вот видишь, милок, мы чужих людей за глаза не охаиваем, не бойся. Политичный старичок! Видно, уверен, что и я вскорости подамся восвояси.

Поземка неожиданно кончилась, ветер стих. Дорога пошла наизволок, и мы выехали на невысокий берег замерзшей речки. Старичок

Copyrighted material

ткнул рукавичкой в сторону противоположного берега.

— Эн, глянь! Эн тополь грудится, а под ним красен дом. Приехали!

Дорога привела нас под самые окна больницы. Пока возница укрывал лошадь старой, дырявой мешковиной, а я, соскочив с саней, разминал ноги, из-под крытого, низко нахлобученного крыльца больницы вышли двое — один пониже, другой повыше, оба в белых халатах.

— Здравствуйте! — приветствовал их я.

— Здравствуйте! С приездом! — не то хмуро, не то серьезно отвечали они.

— Будем знакомы, — сказал я, подходя. — Золотухин Аким Никитович. Назначен к вам врачом.

— Григорьев, фельдшер, — отрекомендовался, пожимая мою руку, один.

— Фельдшер Еськов, — сказал другой.

Они помогли мне вынуть из саней чемодан, свернутый в скатку матрац с одеялом и подушкой в середине и мешок с мукой весом в пуд — бесценный дар председателя Медвенского райисполкома. (Еще он выдал мне десять пудов картошки, но их я до поры оставил на складе.)

— Вы одни, без семьи? — спросил как бы между прочим Еськов.

— Пока один.

Еськов и Григорьев обменялись понимающим взглядом.

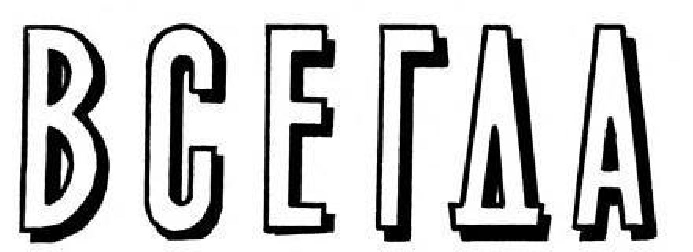
— Мы вас проводим в дом?.. — полувопросительно и довольно равнодушно предложил Григорьев.

Дом, предназначенный для врача, стоял рядом, в десяти шагах. Кирпичный, с высоким крыльцом, он выглядел крепким, добротным. Внутри было просторно. Сенцы, кухня, небольшая прихожая и четыре жилых комнаты. В одной из них стояла железная кровать. Печь была протоплена.

— Чаю хотите? — спросил Еськов.

— Спасибо, — поблагодарил его я. — Сначала посплю.

Они ушли. Я развязал холодный с улицы матрац, кинул его на кровать. Кое-как застелив, разделся и лег. Засыпая, подумал, что

непременно надо побыстрее перетаскивать сюда всю семью, в ближайшие же дни...

Утром, позавтракав кое-чем, достал свой халат, старый, еще студенческий, но хорошо выстиранный женою, облачился в него, накинул сверху пальто и пошел в больницу.

Глазам моим предстало зрелище не из отрадных. В трех комнатах стояло восемь коек. Ложа, на которых возлежали больные, были сделаны со спартанской простотой: вместо досок нечто вроде матов, сплетенных из прутьев (видно, разобрали где-то плетень), а поверх них — жидкие соломенные матрасики. И все.

Под той же крышей помещалась так называемая амбулатория. Она состояла из приемной и перевязочной.

— Много приходит на прием? — спросил я Еськова (была его очередь дежурить).

— По-разному. Бывает пять, бывает десять душ...

Я удивился:

— О, мало! Значит, редко болеет народ.

Еськов неопределенно пожал плечами.

— Оно как сказать... Домашними средствами пользуются.

— Это как же?

— Известная вещь. Кто к бабкам ходит, кто еще как.

— А к вам, значит, предпочитают не ходить? — спросил я беззлобно.

— Что мы, что мы! — не в тон ответил Еськов. — Мы фельдшера, с нас взятки гладки.

— Но были же врачи здесь?

— Были, да сплыли. — Он откашлялся и добавил смущенно: — Извините, конечно. Они у нас подолгу не задерживаются.

Картина была ясна. Следовало браться за все это с засученными рукавами.

Я с головой ушел в больничные дела. И с радостью увидел, что и Еськов с Григорьевым, и сестры, и санитарки — в общем, все будто встряхнулись, как после вынужденной спячки. Настроение в больнице поднялось.

Немного огорчил меня лишь один, невольно подслушанный разговор. Как-то, закончив работу, я пошел домой, но у двери задержался: обратил внимание, что ручка прибита очень неудобно, у самого края. Соображаю, на сколько сантиметров ее подвинуть, и слышу в соседней комнате, где остались фельдшера, такой разговор.

Еськов говорит:

— Взялся новый-то за гуж обеими руками...

А Григорьев отвечает:

— Погоди, свою порцию грачей съест и уберется.

Насчет грачей он говорил по старой, еще дореволюционной памяти: в голодные годы кое-кто из местных жителей не брезговал этой птицей. Мне стало горько оттого, что они не верят мне. Не верят, что я останусь, не убегу, хотя я к тому времени уже перевез в Лубянку всю семью — жену и троих ребят: Николая, Евгения и Александру.

Да-а, на хорошенький лад мысли настроили здешних людей залетные деятели с дипломом врача в кармане!

Но обижаться было некогда.

Чрезвычайное происшествие

Однажды — уже пришла весна, начались работы в поле — веду я, как обычно, амбулаторный прием. Записалось человек двадцать.

Прием уже подходил к концу, когда в комнату вошла старушка в белом платке, со скорбным лицом. Она робко остановилась в дверях и ждала, когда я подниму голову.

— Садитесь, бабушка, — пригласил я ее, откладывая в сторону очередную карточку.

Она подвинулась на шаг и сказала:

— Я не за себя пришла... Вот какое дело... Сынок занедужил.

— Да вы проходите, садитесь.

Старушка села на кончик табуретки, положила свои темно-коричневые, узловатые, наработавшиеся вдоволь руки на колени, ладошками вниз, как школьница.

— Что же с вашим сыном? Сколько ему лет?

— Годов-то? — Старушка смутилась. — Уж я и забыла... Надобно сосчитать... Вроде бы тебе ровня, по обличью-то.

— А что у него болит?

Она справилась наконец со смущением:

— Жар у него. Соседка говорит, лихорадка. А я так-то посидела, подумала: откуда ей быть, лихорадке? Комаров нету: рано комарам. А он прошлую ночь бредил, на ноги вскакивал. А зову — не слышит.

— Давно это у него?

— Да, не соврать, третьего дни...

Я хотел спросить, ставила ли она градусник, измеряла ли температуру, но сам улыбнулся своей наивности.

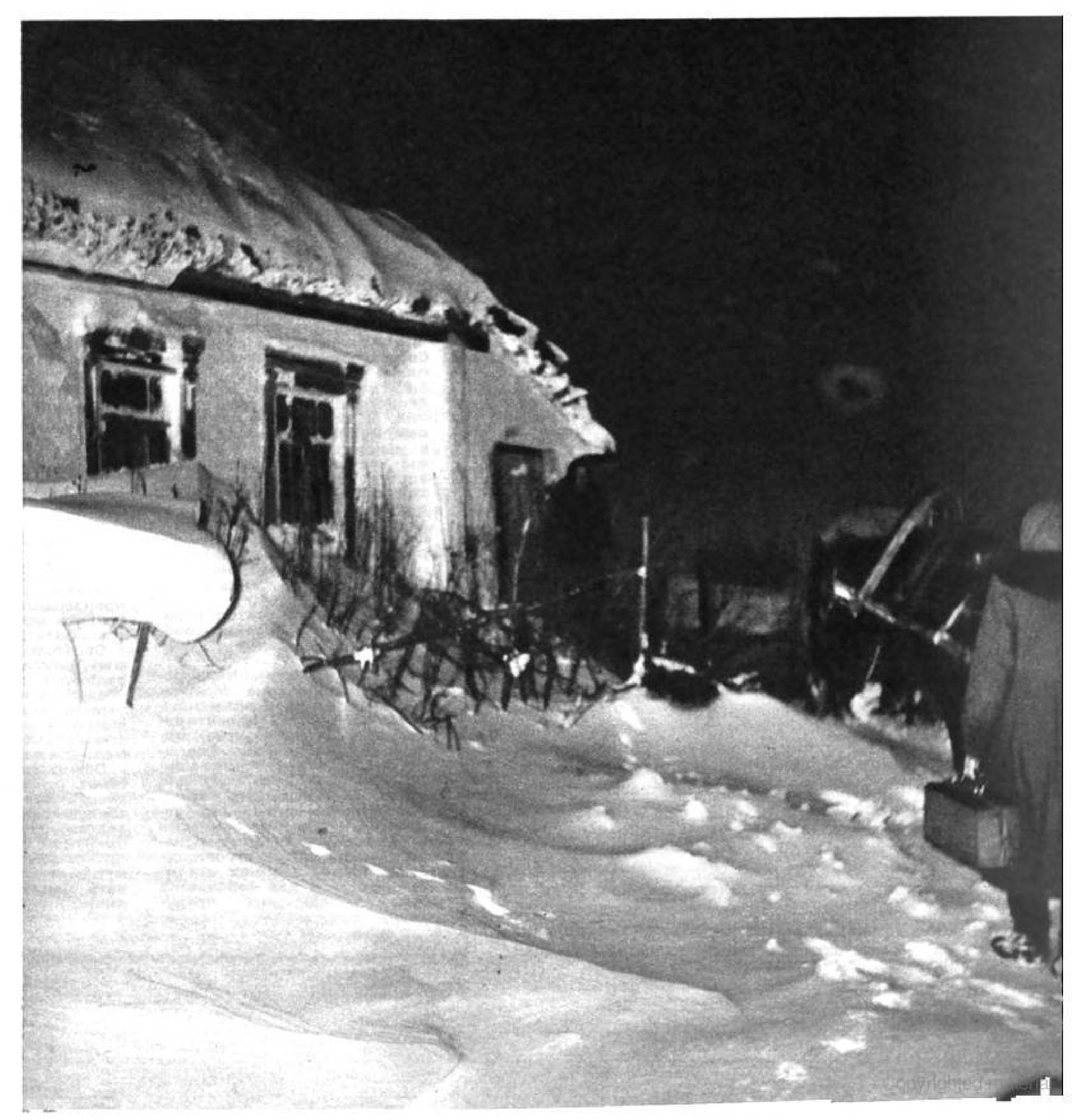
— Ну, что ж, поехали.

Старушка повезла меня на хутор Дунаец. Погода стояла дивная. Солнце. Небо над головой голубое, не затуманенное ни единым облачком. Озими зеленеют изумрудными квадратами среди черных, глянцевитых, еще не обдутых до серой матовости массивов свежей пашни. Хотелось дышать полной грудью.

Приехали. Нагнув голову, чтобы не стукнуться о притолоку, вошел в избу. В горнице на парадной кровати, разметавшись, сбросив на пол лоскутное ватное одеяло, лежал человек. Лицо его было, как вареный бурак. Светлые короткие волосы влажны от пота.

Я достал из чемоданчика стетоскоп, градусник. Градусник сунул больному под мышку, прижав бессильную его руку к боку. Пощупал пульс — сто двадцать. Через пять минут градусник показал сорок и две десятых. Откинув с груди его рубаху, я увидел характерную сыпь.

Сомнений не было: сыпной тиф. И заболел

Ночной вызов.

он не «третьего дня», как сказала старушка-мать, а гораздо раньше. Просто он, кряжистый и могучий, долго крепился, не желая поддаваться болезни.

— Вот что, бабушка, — сказал я старушке, безмолвно стоявшей у меня за спиной и с надеждой наблюдавшей за моими действиями. — А никто больше у вас на хуторе вот так в жару не валяется?

— Как же! — отвечала она. — Семен ране моего захворал. Да у него и жена лежит и малый.

— А где он живет?

— Да через двор от нас, как выйдешь — по праву руку.

— Я сейчас вернусь. — Со стетоскопом и градусником в руках я выбежал на улицу и направился в избу Семена.

Он и вся его семья лежали в тифу. А еще через час в моих руках был убийственный в своей непреложности медицинский факт: на хуторе Дунаец больны тифом семнадцать человек...

Началась война с вошью, самая настоящая война. Я связался с райисполкомом. Нам выделили милицию, и она вместе с общественными уполномоченными держала хутор в осаде. Карантин был так строг, что никто, ни одна живая душа, не мог войти в хутор и выйти из него.

Наспех, по-кустарному сооруженные дезинфекционные камеры работали день и ночь, и дым от топок столбом поднимался к небу, как сигнал тревоги. Сестры и санитарки, похожие на бойцов противохимической обороны, ходили по домам с опрыскивателями.

На наше счастье, к тому времени заразный барак, который мы строили на всякий случай, в предвидении неожиданностей, был уже почти готов. Райисполком разрешил нам разобрать и использовать по своему усмотрению дом бывшего помещика Звягинцева в деревне Зоринке, и это нам здорово помогло.

Все заболевшие были свезены в этот барак, и я из него почти не отлучался, разве только на злополучный хутор. Когда все остальные мои сотрудники освободились в Дунайце, они примкнули ко мне.

Семнадцать человек... Семнадцать раз мы все словно сжимались надолго и затаивали дыхание, ожидая, как пройдет у больного кризис, чем он закончится.

В минуты коротких передышек я присматривался к своим подчиненным, и всякий раз хотелось от души пожать им всем руки и сказать что-нибудь хорошее. Няни, сестры, фельдшеры сами валились с ног от бессонья и усталости, но никто ни разу не пожаловался, не подумал о себе.

И труд наш был вознагражден: из семнадцати не умер никто, все поправились. Выписав и торжественно проводив последнего, мы продезинфицировали барак и заперли его на большой амбарный замок, в надежде, что открывать его нам больше не понадобится.

Когда уходили, я слышал, как Еськов сказал у меня за спиной санитарке Сане:

— Вот это по-нашему, такая работа! Сразу видно, партийный. А Григорьев говорит: грачи-и!

Мне стало неловко до того, что даже глаза защипало. Хотел обернуться и объяснить им, что я беспартийный, но сообразил, что это будет выглядеть глупо. Махнув рукой, я зашагал прочь от барака.

Будни

Заботы у рядового сельского «пехотинца» (всех участковых врачей, и городских и сельских, именуют «нашей пехотой») известные. Лечи простудные заболевания и хронические гастриты, принимай роды и думай о скарлатине и дифтерите, чтобы не забыть о прививках, выхаживай в стационаре больных пневмонией и туберкулезом, и так далее, и тому подобное. Все это врач в силу своей профессии принимает как должное. Болезни и недуги пока что, к сожалению, остаются естественными спутниками человека. Но я с течением времени стал замечать, что в моей практике быстро накапливаются случаи, которые заносятся в графу «травмы». Это уже противоестественно.

Раз приходит молодой парень, колхозник. Показывает окровавленный указательный палец правой руки. Улыбается застенчиво. Осмотрел я рану.

— Чего же ты радуешься? — говорю ему. — Ведь палец-то у тебя раздроблен, одну фалангу отрезать придется. Как это случилось?

Не знаю, что уж его испугало: непонятное слово «фаланга» или мой ворчливый тон, — но он перестал улыбаться, побледнел и сбивчиво объяснил, где это его угораздило.

Работал на сеялке. Она засорилась, зерно перестало проходить. Он начал пальцем прочищать дырочки на ходу, ну и вот...

— А что, это так и положено — пальцем чистить? — спрашиваю.

— Да нет. Надо чистиком. Такая железная палочка с кольцом.

— Почему же ты им не пользовался?

— Потерялся он...

В другой раз является мрачный такой дяденька, кисть левой руки платком обмотана. Развернул платок, показывает ладонь — громадный нарыв на ней. Не помнит ли, с чего началось? Как же, все помнит...

— Навоз на той неделе от скотного двора возили. Ну, я, значит, день вилами помахал, а к вечеру чую, саднит, ажно слезу выжимает. Ободралась шкурка на ладони. А утром помалу припухать начало...

Подобные вещи случались каждый день, а то и по два раза на дню. Посчитал я травмы за год и ужаснулся: более пятисот!

И снова пришлось вести долгую и упорную кампанию: чтобы на каждой сеялке обязательно был чистик, чтобы ручки у вил были гладкие, отшлифованные, чтобы бороны не валялись где попало вверх зубьями, а грабли не оставлялись в траве и не уподоблялись страшным капканам, поставленным на человека.

Председатели колхозов порою, когда мы особенно докучали им в связи с этим, не выдерживали, срывались с уважительного тона и переходили на тон сугубо, так сказать, деловой, но все же выполняли все «требования медицины».

Сами колхозники, даже те из них, кто считал эти докторские заботы просто детской забавой «от нечего делать», тоже помогали, и в конце концов мы свели количество травм за год с нескольких сотен до двух — трех десятков. И это заметно разгрузило нас для других ежедневных занятий.

Народу на амбулаторных приемах, к удивлению персонала, сильно прибавилось. Говорю, «к удивлению», потому что все рассуждали так: раньше, когда работа шла хуже, больных было меньше, а теперь, когда, кажется, наладилось более или менее, их прибавилось. Парадокс!

Как-то разговорился я с фельдшерами на эту тему. Стали искать причину. Почему, действительно, прежде на приемах было по пять — восемь человек, а теперь тридцать — сорок? И выяснили: потому, что раньше шли в амбулаторию лишь тогда, когда температура поднималась до тридцати девяти градусов, а сейчас идут, чуть появился насморк или с занозой в пальце. И мы пришли к выводу: значит, хорошей славой пользуется наша больница. Не верили бы — не пошли. И хотя доверие это прибавило нам работы, но зато принесло и нечто другое, что гораздо желаннее для человека, чем личный покой и безмятежность...

А в 1939 году колхозники и работники нашей МТС избрали меня депутатом Курского областного Совета. Снова прибавилось забот. И опять это были заботы, которые принимаешь на себя с благодарностью к людям...

22 июня 1941 года меня вызвали в райвоенкомат. Я взял собранную женой сумку, попрощался со всеми своими и на больничной линейке поехал в Медвенку.

Окончание следует.

Литературная запись
Олега ШМЕЛЕВА.

После выступления ОГОНЬКА

«Кухня этого дома»

В журнале «Огонек» № 13 за 1959 год был опубликован репортаж «Кухня этого дома», где рассказывалось о домовой кухне на 3-й Фрунзенской улице в Москве. В связи с этим заместитель председателя Исполкома Моссовета Д. Дерибин сообщил редакции «Огонька»:

— Исполком Московского Совета наметил в семилетнем плане построить в Москве 1 660 предприятий общественного питания. Двести из них, в том числе 60 домовых кухонь, откроются уже в нынешнем году. Исполкомы райсоветов определили адреса новых домовых кухонь. Кроме того, в 1959 году будет организована продажа мясных, рыбных, крупяных и овощных полуфабрикатов в 250 предприятиях общественного питания и в 25 специализированных магазинах.

Главный архитектор города Москвы Н. Ловейко сообщил корреспонденту «Огонька»:

— Архитектурно-планировочное управление Москвы намерено широко применять домовые кухни в проектировании и строительстве жилых домов столицы. Специальное архитектурно-конструкторское бюро получило задание разработать типовые проекты домов, где домовая кухня органически входит в состав микрорайона. Кроме того, в строящихся в Москве зданиях гостиничного типа для небольших семей и одиноких предусматривается сооружение домовой кухни, расположенной таким образом, чтобы в нее можно было легко пройти из любой квартиры.

Нет сомнения, — заключил Н. Ловейко, — что уже в нынешнем году утвердят типовые проекты жилых домов, в которых, выражаясь языком архитекторов, будут заложены домовые кухни.

Редакция получила также письмо начальника Управления общественного питания Министерства торговли РСФСР В. Захарова. Он признает, что домовых кухонь и специализированных предприятий по продаже кулинарных изделий в республике пока еще открыто мало. Даже в крупных промышленных центрах они насчитываются единицами. Чем это объясняется? Прежде всего тем, что исполкомы местных Советов не выделяют необходимых помещений, хотя для оборудования таких предприятий требуются минимальные площади.

В предстоящем семилетии, по заверению В. Захарова, сеть домовых кухонь будет развиваться быстрее. Уже в этом году в городах Российской Федерации откроют 200 домовых кухонь, а к концу семилетки их будет не менее трех тысяч.

«На сапожные темы»

Летом прошлого года в Москве закончено строительство крупнейшей в стране фабрики по ремонту обуви. Однако много ценнейших машин поныне лежит на складе, смонтированные конвейеры используются далеко не полностью. Чтобы избавиться от забот, связанных с освоением сложного производства, надумали избавиться и от самой фабрики — раздать машины районным исполкомам, а помещение приспособить под другое предприятие.

Об этом говорилось в корреспонденции «На сапожные темы», опубликованной в № 15 нашего журнала. Как сообщил редакции начальник Управления бытового и коммунального обслуживания Мосгорисполкома Н. Фролов, факты, изложенные в корреспонденции, соответствуют действительности. Мосгорисполком рассмотрел вопрос о новой фабрике и в специальном решении наметил меры к пуску ее на полную мощность.

Осуществление этих мер уже началось. Но трудностей предстоит немало. Для скорейшего преодоления их необходима энергичная помощь Управления бытового и коммунального обслуживания, Мосгорсовнархоза и Мособлсовнархоза. Будет хорошо, если над новой фабрикой по ремонту обуви — предприятием необычным, небывалым по технологии и объему производства — возьмут шефство фабрики «Парижская коммуна» и «Буревестник», чтобы советом и делом содействовать наилучшему освоению оборудования, внедрению подлинно индустриальных методов труда.

Copyrighted material

Федор Селин — футболист.

Михаил Бутусов — футболист.

Николай Старостин — футболист.

Платон Ипполитов — конькобежец.

Братья Знаменские — бегуны на средние и дальние дистанции.

Юр. ВАНЬЯТ

Как-то ночью близ турецкой границы советские пограничники настигли нарушителей. После длительного смелого поиска и перестрелки шпионы были задержаны. В числе пограничников, участвовавших в этой операции, был и офицер — штангист Владимир Светилко.

Об этом эпизоде, случившемся в нынешнем году, недавно рассказали газеты.

А вот три других случая, о которых я расскажу ниже, произошли сравнительно давно — в грозные годы Великой Отечественной войны.

...Летом сорок второго года командир роты противотанковых ружей лейтенант Евгений Лопатин во время налета вражеской авиации был ранен в руку пулеметной очередью. В госпитале врачи определили: ограниченная подвижность пробитой кисти, контрактура...

Но Лопатин не сдавался. Он ежедневно, упорно, невзирая на мучительную боль, тренировал искалеченную руку. И вот в 1945 году судья-информатор на одном из тяжелоатлетических состязаний взволнованно объявил:

— На помост вызывается Евгений Лопатин.

А еще два года спустя Лопатин с гордостью надел на себя алую майку чемпиона СССР.

...В военные годы, во время одного из боев советский воин Рубен Манукян, оставшись в схватке с врагом без оружия, убил фашиста ударом кулака. Примерно в тот же период на другом фронте, выполняя задание командования, воспитанник Сталинградского тракторного завода, мировой рекордсмен по плаванию Леонид Мешков получил тяжелое ранение в плечо и руку. Но уже в 1945 году он же внес новую советскую поправку в таблицу европейских рекордов.

А вот спокойный, чуть флегматичный на вид Николай Комков из подмосковной Яхромы. Он заслужил почет и уважение не меньше тех, о которых мы писали. Николай Филиппович за несколько десятилетий воспитал у себя в Яхроме не одну сотню настоящих спортсменов, энтузиастов—активистов-разрядников и мастеров.

Что же ставит в ряд штангистов Светилко, Лопатина, Манукяна, пловца Мешкова, инструктора физкультуры Комкова — тбилисца и москвича, ереванца, сталинградца и жителя Подмосковья?

Все они заслуженные мастера спорта СССР. Все принадлежат к гвардии советских спортсменов, которые ныне отмечают 25-летие славной даты.

Напомним ее: 27 мая 1934 года ЦИК СССР установил звание заслуженного мастера спорта.

17 июня того же года в газетах нашей страны был опубликован первый список двадцати двух заслуженных мастеров спорта СССР.

Это были конькобежец Яков Мельников, лыжник Дмитрий Васильев, теннисист Евгений Кудрявцев, хоккеист Владимир Воног,

Мария Шаманова — легкоатлет.

Copyrighted material

Яков Мельников — конькобежец.

Яков Куценко — штангист.

Дмитрий Васильев лыжник.

Александр Бухаров — штангист.

Борис Аркадьев — тренер.

шахматист Петр Романовский, легкоатлеты Александр Демин, Мария Шаманова, штангист Александр Бухаров, пловец Александр Шумин, футболисты Петр Исаков, Николай Соколов, Федор Селин, Николай Старостин, Михаил Бутусов, Павел Батырев и ряд других выдающихся мастеров спорта.

С той поры это высокое звание присвоено 1 090 воспитанникам наших физкультурных организаций. Среди них 871 мужчина и 219 женщин — представители разных национальностей.

Люди самых различных профессий носят на груди скромный, но очень почетный знак заслуженного мастера спорта. Мы найдем здесь токаря Кировского завода альпиниста Евгения Белецкого и доктора технических наук шахматиста Михаила Ботвинника, хирурга-штангиста Аркадия Воробьева и кандидата педагогических наук Николая Озолина, лаборанта московского завода «Серп и молот» легкоатлета Леонида Спирина и тренера-футболиста Евгения Елисеева, юриста-боксера Геннадия Шаткова, журналиста-вратаря Анатолия Акимова, офицера Советской Армии Валентина Николаева и директора стадиона Шота Шавгулидзе...

Словно эстафету побед, передавали гвардейцы нашего спорта свои рекорды и достижения новым поколениям мастеров. Они каждый раз как бы переходили ту грань, за которой (как порой казалось непосвященным) уже трудно улучшить рекорд. Но приходило новое поколение, подхватывало эту эстафету, и миллионы любителей спорта снова восторженно удивлялись рекордным секундам, килограммам, сантиметрам.

Много воды утекло с майских дней тридцать четвертого года. Не удивительно, что иных заслуженных мастеров уже нет в живых, но нам напоминают о них призы или соревнования, носящие имена Знаменских, Федотова, Исакова, Большакова.

Многие ветераны ныне передают свой богатейший опыт молодежи на кафедрах институтов физкультуры, в высших учебных заведениях, в спортивных обществах и клубах, в коллективах физкультуры. Немало заслуженных мастеров имеет теперь и второе почетное звание — заслуженный тренер, многие работают в спортивной журналистике.

За эти годы в ряде семей не только родители, но и дети стали заслуженными мастерами спорта. Так, например, произошло у Ипполитовых (Василий Афанасьевич и сын Игорь), Головченко (Алексей Нестерович и сын Юрий).

А разве не почетно, когда в семье двум сестрам или двум братьям (а у Старостиных даже трем) присвоено высшее звание советского спортивного движения! Таких семей немало: сестры Второвы, братья Аркадьевы, Дементьевы, Дьячковы, Васильевы...

Но в конце концов все это лишь любопытные частности. А главное состоит в том, что мы видим со знаком заслуженного мастера спорта, как правило, передового, дисциплинированного, волевого, высококлассного спортсмена-общественника, человека, двигающего наш спорт вперед, пользующегося всеобщим уважением и любовью.

Фото Н. Волкова и А. Николаева.

Момент матча «Динамо» (Москва) — ЦСК МО. Прорыв Виктора Урина.
Фото А. Бочинина.

ПОСЛЕ ПЯТИ ТУРОВ

После пяти туров розыгрыша первенства страны по футболу — почти половины состязаний первого круга — даже беглый взгляд на клетки турнирной таблицы обнаруживает удивительные перемещения команд. Одни из них с трудом взбираются на футбольный олимп, другие с легкостью падают к его подножию. Московские динамовцы, ленинградский «Зенит», кишиневские молдовцы не имеют ни одного поражения и возглавляют таблицу розыгрыша, а чемпион страны и обладатель кубка московский «Спартак», сыграв последний матч с «Локомотивом» вничью, закрепился на... десятом месте. Киевские динамовцы отстают даже от «Спартака».

Но если мы перенесем свой взгляд к зеленому полю стадиона, то и тут заметим некоторые удивительные превращения. Кажется, что в ломке тактических шаблонов и в поисках тактических новинок мы несем слишком уж большие потери. Это тем более обидно, что все новшества, усвоенные некоторыми нашими тренерами после чемпионата мира в Швеции, свелись к особой расстановке игроков защитных линий.

Отсюда — механическое подражание бразильцам и некоторым другим командам мирового класса, без учета качественных особенностей игроков: их технической подготовки, а главное — их умения тактически мыслить.

Подобная практика приводит к неудачам. Следует, однако, оговориться, что не все тренеры начали ломку устоявшихся форм игры. Тренер московских динамовцев М. Якушин, например, предусмотрительно не меняет пока ни тактических принципов своей команды, ни расстановки игроков на поле. А тренер армейских футболистов Б. Аркадьев очень увлекается экспериментами, и тоже главным образом в области обороны. Но реальная жизнь на футбольном поле пока опровергает один эксперимент за другим.

В этом смысле очень показательной была встреча «Динамо» (Москва) и ЦСК МО в последнем туре. Армейцы попытались показать нам новый вариант игры, условно названный «семь в атаке и семь в обороне». Не вдаваясь в анализ этой тактической новинки, нужно все же заметить, что для подобной, заманчивой на первый взгляд, задачи необходимо, чтобы по крайней мере четыре игрока все девяносто минут несли полную нагрузку то в наступательных, то в оборонительных действиях команды. Есть ли такие игроки в ЦСК МО? Нет. А могут ли быть такие феномены вообще?

Для динамовцев «семиглавая» атака не была неожиданностью, как не испугались они и хваленой «семиглавой» (а иногда и «девятиглавой») обороны. Они отлично выдержали массированный, к тому же силовой удар в первой половине матча, а во второй — сами повели атаку на ослабевшие ряды игроков, естественно, не выдержавших такого наступательно-оборонительного напряжения.

Вот тут-то и настали минуты расплаты.

Динамовцы атаковали красиво, широким фронтом. Форварды Г. Федосов, Ю. Кузнецов и В. Урин разрушали оборону соперников, которая рвалась по швам. Игра армейских спортсменов из сферы возвышенных теоретических принципов, придуманных на макете, спустилась на обычное футбольное поле и выглядела как бессистемная толкотня у своих ворот.

Динамовцы выиграли со счетом 3 : 0. Более ясно, пожалуй, нельзя было подчеркнуть превосходство. Команда показала хорошую технику обращения с мячом и умение вести атлетическую борьбу — плечо в плечо,— индивидуальные особенности игроков и разумную маневренную, комбинационную игру. Наконец, у победителей мы видели футбольную вспыльчивость, мгновенную мобильность и, казалось, «магнитные бутсы»...

Хотелось сказать несколько слов о чемпионе страны — московском «Спартаке». На его счету три ничьи и два поражения, три забитых мяча и шесть пропущенных! Что случилось? Кажется, что это результат смены состава — процесса, который всегда проходит болезненно. Но в команде появилось несколько способных молодых футболистов. Поиски нового состава, видимо, скоро окончатся. Хотелось бы предостеречь от слишком уж нервного восприятия неудач и от известной паники. А она налицо, иначе чем объяснить срочное создание тренерского совета в составе... 9 человек. Известно ведь, что успех команды обратно пропорционален числу тренеров.

Все команды будут еще перемещаться по вертикальным делениям турнирной таблицы то вверх, то вниз, и таблица эта как самый объективный показатель отразит настоящее соотношение сил на футбольных полях.

М. МЕРЖАНОВ

Copyrighted material

Страницы из жизни Л. Н. Кащевской

Фельетон

Мих. АНДРИАСОВ

Ну, разве гоголевский Чичиков — это Чичиков? Какой убогий размах был у него! Стыдно вспомнить, как Павел Иванович копейничал, когда торговался с Собакевичем! Вот главный редактор Ростовского книжного издательства Любовь Никодимовна Кащевская — это Чичиков! Наивного Павла Ивановича Любовь Никодимовна за пояс заткнула. Уж если она вступает в подобные коммерческие сделки, то ворочает не рублевыми ассигнациями, а десятками тысяч рублей.

Но начнем по порядку. Недалеко от Ростова, в селе Матвеев-Курган, жила и работала скромная учительница Вера Романовна Журавлева. Почти пятнадцать лет она писала большой роман «Дороги жизни», повествующий о девушке из народа Ксении Василевич, о ее сложном и интересном пути.

В марте 1952 года Вера Романовна закончила свой многолетний труд. Когда рукопись перепечатали на машинке, оказалось, что она составляет 930 страниц, или тридцать восемь авторских листов.

Журавлева привыкла к своему детищу, и расставаться с ним было ей тяжко. Учительница отправила рукопись в Ростовское издательство.

Прошли летние каникулы. Осенью Веру Романовну пригласили в издательство и объявили, что первая часть романа будет опубликована, а вторую часть следует доработать по замечаниям рецензентов. Но Вера Романовна внезапно тяжело заболела и умерла. Через три с лишним года вышла в свет первая книга ее романа «Дороги жизни» размером в девять авторских листов.

Книга завоевала симпатии читателей. Ростиздат известил наследницу — мать учительницы Ольгу Яковлевну Журавлеву — о намерении выпустить в свет и вторую часть романа. Как и полагается, директор Ростиздата Александр Александрович Гриднев подписал договор с О. Я. Журавлевой.

И тут-то сердобольное сердце главного редактора издательства Любови Никодимовны Кащевской тревожно забилось. Воспылала она желанием немедленно стать писателем. И не каким-нибудь там очеркистом или рассказчиком, а сразу романистом. Директор издательства благословил главного редактора. В мае минувшего года Любовь Никодимовна заключила с Гридневым договор, который гласил, что «Кащевская по настоящему договору выступает как соавтор книги Журавлевой «Страницы жизни» («Дороги жизни») и редактор».

После подписания столь необыкновенной бумаги наших чичиковых стало беспокоить одно щекотливое обстоятельство: как заручиться согласием автора на сотрудничание? Не отправляться же с этой целью руководителям издательства в «мир иной»! И тогда решено было «нажать» на старушку. Любовь Никодимовна вызвала из Матвеев-Кургана сестру покойной Софью Романовну и без обиняков заявила, что для издания книги требуется соавтор и что из любви к ближнему эту горькую участь она, Любовь Никодимовна, берет на себя. Тут же Кащевская продиктовала Софье Романовне текст письма-просьбы, с которой старушка Ольга Яковлевна должна была обратиться из Матвеев-Кургана в Ростиздат, предварительно заверив свою подпись в местном сельсовете.

Софья Романовна вернулась домой, рассказала матери о просьбе главного редактора. Старушка почуяла недоброе.

— Не буду писать. Для чего? Если собираются издавать, пусть так издают...

Три дня Софья Романовна уговаривала Ольгу Яковлевну.

— Ты бы поговорила с Любовью Никодимовной,— говорила она матери,— и увидела бы, что это за сердечный человек...

Старушка сдалась. Подпись ее заверил Матвеев-Курганский сельсовет, и письмо пошло в Ростов.

И вот перед нами большая волнующая книга. Что-нибудь дописала Кащевская к роману? Ни слова. Кащевская перечеркнула в рукописи В. Журавлевой триста пятьдесят страниц и получила за это 55 тысяч рублей. Однако не думайте, что Любовь Никодимовна — дама, во всех отношениях нахальная. Ничего подобного! Проявив такую прыть в финансовом отношении, она оказалась необычайно скромной в дележе славы.

Когда я спросил у директора издательства Гриднева, почему соавтор Кащевская не поставила свою фамилию на книге, он театрально ответил:

— Это говорит о величайшей скромности Любови Никодимовны...

Вскоре по городу пошел слух о необыкновенном «соавторстве», при котором издательство лишь выполнило перед автором свой элементарный долг — отредактировало рукопись. (Кстати, на последней странице романа напечатано: «Редактор — И. А. Браиловский».)

От упорных слухов, возмутивших литературную общественность Ростова, Любовь Никодимовна ужасно расстроилась и написала Софье Романовне письмо. Его стоит процитировать:

«Как я нутром (!) чувствовала, вокруг романа началась возня... Дорогие писатели плетут за моей спиной паутину. Это отвратительно и очень оскорбительно. Похоже, будто я принуждала Вас предложить мне соавторство или вроде в чем-то я обманывала Вас, забивала (!) деньги... Все это очень горько. Я из скромности даже фамилии своей на книжке не поставила: не хотела заслонять Веру Романовну...» (А в бухгалтерии заслонила. И даже очень крепко. Получила в два раза больше, чем наследница писательницы). «Не надо никому говорить об этом письме,— просит сердобольная Кащевская.— Чувствую я себя очень плохо, хочу уходить с работы. Не знаю, как будет».

То, что уходить Любови Никодимовне из Ростиздата пора, спорить не будем. Но одной ли ей надо это сделать?

Ростов-на-Дону.

В Чукотском море

В. ЛЕОНТЬЕВ

Рисунок Е. Ведерникова.

Умка-охотник

Между торосов, размеренно покачивая головой, не спеша бредет умка. Иногда приостановится, перевернет лапой льдинку, обнюхает ее и идет дальше...

Разводье. Лед еще тонкий. Умка понюхал воздух. Пахнет нерпой — значит, близко лунки. А лунки зимой у нерп маленькие, только нос высунуть, чтобы подышать да набраться свежего воздуха. Поводил белый медведь мордой около одной лунки — старая лунка. Побрел дальше. Стал обнюхивать другую. О, эта свежая! Вода в ней еще не успела ледком покрыться, нерпа только что была здесь. Улегся умка, уткнул нос в самую воду и прикрыл морду лапами. Приподнимет изредка голову, сделает несколько вдохов и выдохов и снова уткнется в лунку. Трудится...

А тут и иждивенцы. Песцы по следу медведя прибежали, да вороны в воздухе закаркали. После умки объедков много остается. Каждый медведь ест нерпу по-разному: один головы любит, другой только жир снимает. Так и кормятся зимой песцы около медведя, когда в тундре мышей нет. Дружно с ним живут. Песцы в сторонке бегают, а вороны по торосам расселись. Знают, что и им немного останется.

Поднялась и опустилась вода в лунке. Умка притих. Показался носик нерпы. Рановато, пусть еще раз дыхнет. Снова черный носик; нерпа даже присвистнула, втягивая воздух. Теперь и уходить бы ей вглубь, но не тут-то было: обеими лапами ухватил умка беспутную нерпичью голову, даже несколько кусков льда застряло в медвежьих лапах. Вытащил медведь нерпу на лед. Кусается нерпа, пробует вырваться, но медведь прижал ее легонько, и она навсегда успокоилась. Взял ее нежно зубами и осторожно поволок, где снежок помягче. Песцы облизываются, а нельзя умку во время еды тревожить. Вороны с тороса на торос все ближе к нерпе пересаживаются.

Был медведь голоден, стал медведь сыт: весна!..

Вот лежат две нерпы у промоины, греются на солнышке. Зашел умка против ветра и стал подкрадываться. За торосами хорошо: не видно медведя,— а на ровном месте хуже. Нерпы тоже хитрые: выбрали себе место поровнее. Старается умка. Крадется. Глядит нерпа: перед ней желтая льдинка, а на льдинке — три черные точки. Ближе и ближе льдинка. Да какая же это льдинка? Медвежья голова! Бултых в воду! И вторая нерпа за ней. Остался умка ни с чем, печальный побрел дальше...

Опять нерпа. Закрыл лапой морду умка, чтобы черные глаза и нос снова не выдали. Подкрадывается. И попалась нерпа медведю в лапы. Погрелся умка на солнышке, погулял по торосам, в воде покупался да на льду покатался. Снова есть захотелось. Лахтак—морской заяц— нежится на льду у промоины. А лахтак хитрее нерпы, осторожнее. Медведь — в разводье, в воду. Лахтак греется себе, ничего не слышит, а медведь под водой плывет. Лунка. Глянул лахтак в лунку, а оттуда мокрая медвежья голова. Сграбастал медведь лахтака и потащил в торосы уже без тех нежностей, что с нерпой.

Несколько дней не отходил умка от лахтака: доедал да новых иждивенцев, чаек, подкармливал.

Теперь моржатинки бы попробовать. Пошел по льду. У кромки разводья около торосов молодой морж лежит. К нему надо только сзади подкрадываться. Спереди нельзя: клыки у моржа сильные. Прижался умка ко льду, изловчился и прыгнул на спину моржа; вцепился и давай гнуть на себя, шею ломать. Не ожидал морж нападения, смерть моржу пришла.

Живет в Чукотском море умка, хозяйничает. Дружбу с песцами водит: они его об опасности предупреждают. Только ворон горластых ненавидит: всегда своим карканьем охотникам выдадут...

Чепальгин

Богато Чукотское море птицами. Есть разные птицы, и каждая живет по-своему. Почти все птицы осенью улетают в теплые края, а весной, когда еще в море у берега стоит лед, возвращаются обратно, оглашая прибрежные скалы радостным криком. Но однажды мне удалось встретить интересную птицу, и не летом, а зимой, когда море было сплошь закрыто льдами. Чукчи называют ее чепальгин.

Это было в середине зимы, когда стояли сильные морозы. Над разводьями поднимался густой пар, ветра не было. Я сидел у кромки разводья, карауля нерпу. Крепко пробирал мороз. Вдруг где-то рядом раздался писк: «Пи-пи-пить! Пи-пи-пить!»

«Что это может быть?» — подумал я и стал всматриваться в разводье. Недалеко я увидел маленькую серенькую птичку с острым клювиком и черными кончиками на крылышках. Птичка весело выплывала на середину разводья, подергивая головкой. Но вот, взмахнув крылышками, она скрылась в воде. Через некоторое время я опять увидел ее в противоположном конце разводья. В клюве она держала

Copyrighted material

рыбешку. Странно было видеть в безмолвной ледяной пустыне это веселое существо.

Вернувшись домой, я спросил у старого Рычыпа:

— Рычып, что это за птичка плавает в море в разводьях и не боится никакого мороза?

— Это чепальгин. Ты, может быть, видел летом черную небольшую птицу с белыми пятнами по бокам, красным острым клювом и красными маленькими лапками? Так это ее птенец. Птенцы чепальгина никогда не улетают на юг. Первый год они зимуют в море и только на второй вместе со всеми трогаются в путь. Зимой птенцы плавают в разводьях и трещинах, питаются разными рачками и мелкой рыбкой, а когда нет разводий, держатся в лунках нерпы, пробивая тонкий ледок острым клювом. Нерпа птицу не обижает. Чепальгин очень долго может быть под водой и очень хорошо ныряет. Ночует подо льдом. Ты думаешь, там лед ровный? Нет, и под водой есть много хороших воздушных убежищ для нерп и птиц, в особенности там, где много торосов. Вот чепальгин себе и выберет где-нибудь теплое гнездышко и ночует там. Птице не страшна никакая пурга, никакой мороз.

Кто хитрее!

Многие считают нерпу глупым животным. Нерпа любопытна, но она не глупа. Да и любопытной нерпа бывает только тогда, когда нет опасности. Чтобы нерпу добыть, надо иметь смекалку...

Наступила весна. Снег стаял, и надо льдом скопилась вода, которая еще не нашла выхода в море. Вода свое дело знает, она упорно ищет трещинки и лунки, размывает их и уходит вглубь. На ровных ледяных полях так же, как и в тундре, образуются ручейки, которые с журчанием тянутся к промоинам. Через такие промоины весной и выбирается нерпа на лед понежиться.

Вынырнула нерпа из промоины, приподнялась повыше, повертела головой в разные стороны, посмотрела внимательно кругом и снова скрылась в морской глубине. Так она проделала несколько раз, пока не убедилась, что опасности нет, что все льдинки и торосы на своих местах. Взобралась на лед, улеглась поудобнее головой к промоине и сладко задремала. Шкурка быстро обсохла, стала пушистой и мягкой. Лежит нерпа на солнышке, дремлет, изредка приподымает лениво голову, посмотрит по сторонам и снова опустит. Надоест лежать на брюхе — повернется на бок, надоест на боку — повернется на спинку. Со всех сторон обогреет себя на солнышке.

Увидал охотник-чукча нерпу, стал к ней подкрадываться. Но как к ней подойти, когда место ровное и спрятаться не за что? Нерпа сразу увидит и бултыхнется в воду, только ласты задние мелькнут в воздухе. Притаился охотник в торосах, задумался. Вдруг он обратил внимание на маленькое, но глубокое русло ручейка во льду. Тянется ручеек к промоине, где лежит нерпа. Снял охотник свою меховую шапку, свернул ее лодочкой и пустил по ручейку. Понесло течением шапку к нерпе. Доплыла шапка до промоины и стала кружиться в водовороте. Плавает шапка, кружится на одном месте, а не тонет.

Вскинула нерпа голову. Что такое? Прямо перед глазами что-то черное кружится в воде, да еще и пахнет неприятно. Первый раз такого зверя видит нерпа. Испугалась, отпрянула назад, подальше от страшного зверя. А охотник встал и, не таясь, прямо к нерпе направился. Нерпа увидала человека, к промоине бросилась, а там все тот же зверь кружится. Так и заметалась нерпа между охотником и промоиной. Подошел охотник к нерпе и без выстрела убил ее. Подцепил крючком шапку, стряхнул ее и поволок нерпу домой. Ничего, что шапка промокла, — высохнет. Зато с добычей!

Магадан.

Воздушный рыбак.
Изошутка Вл. Гальба.

Картина на ткани

В городе Карабанове, Владимирской области, на текстильном комбинате имени III Интернационала, хранится богатая коллекция образцов тканей, выработанных на комбинате с середины прошлого века. Около 60 лет назад выпущена декоративная ткань пунцового крашения, на которой изображена картина В. Г. Перова «Охотники на привале». В то время картина Перова пользовалась широкой популярностью среди трудового населения, и литографии с нее можно было встретить во многих комнатах рабочих. Фабрикант решил заработать и не ошибся в своих расчетах. Ткань пользовалась большим спросом.

Н. ЛАПШИН

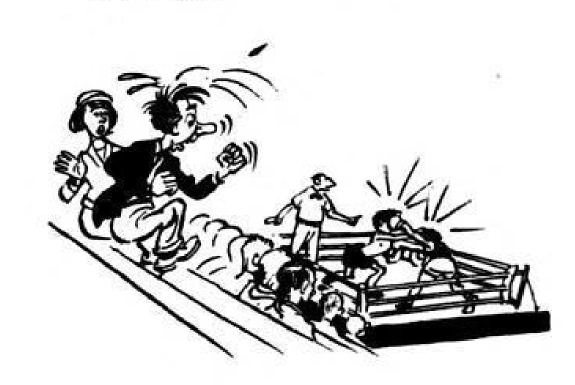
Карабаново.

РОДИЧ НАШЕГО КАРТОФЕЛЯ

Принято считать, что форма клубней картофеля должна быть шаровидной или продолговатой. Академик Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук П. М. Жуковский собрал недавно в Чили, считающейся родиной картофеля, образцы клубней, которые напоминают толстую сосиску и имеют темно-лиловый цвет. Этот сорт картофеля существует в Чили с незапамятных времен. Сейчас известный специалист по картофелю С. М. Букасов изучает необычайные клубни. Они испытываются на участках Пушкинской опытной станции Всесоюзного института растениеводства под Ленинградом.

С. ШПИЦЕР

Ленинград.

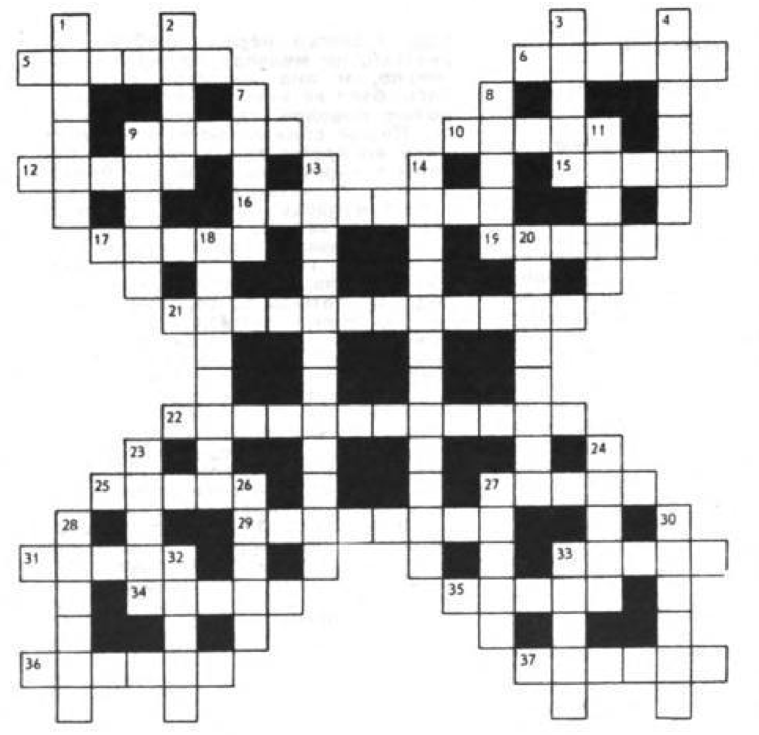

Болельщик

Изошутка Л. и Ю. Черепановых.

КРОССВОРД

По горизонтали:

5. Казахский писатель. 6. Стихотворение А. В. Кольцова. 9. Текстильные изделия для украшений. 10. Конечный пункт дистанции. 12. Приток Витима. 15. Термическая обработка металлов и их сплавов. 16. Непроводник. 17. Дорожная машина. 19. Красная утка. 21. Музыкант. 22. Масличное растение. 25. Сторона здания. 27. Начало хоровой песни. 29. Город в Кемеровской области. 31. Название газеты. 33. Сани народов Севера. 34. Комплект взаимодополняющих предметов. 35. Морской залив. 36. Денежный знак. 37. Химический элемент.

По вертикали:

1. Периодическое издание. 2. Кулинар. 3. Столица островного государства. 4. Горная порода. 7. Амплуа актера. 8. Французский философ-материалист. 9. Сладкий картофель. 11. Вид атаки. 13. Офицерское звание. 14. Раздел геометрии. 18. Персонаж романа И. С. Тургенева «Отцы и дети». 20. Личинка бабочки. 23. Выставочное помещение. 24. Руководитель факультета. 26. Аргумент. 27. Русский химик. 28. Дикий баран. 30. Композитор XIX века. 32. Чертеж земной поверхности. 33. Рассказ А. П. Чехова.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 21

По горизонтали:

3. Окинава. 6. Сапфир. 7. Янонис. 11. «Жатва». 12. Токарев. 13. «Ермак». 14. Талант. 16. Кретон. 17. Атакама. 20. Европий. 21. Граница. 22. Паркет. 25. Флобер. 27. Вратарь. 28. Берест. 29. Снасть. 30. Реконструкция. 31. Тиски. 32. Сылва.

По вертикали:

1. Аквилон. 2. Квинтет. 4. Каракал. 5. Пиренеи. 8. Тартарен. 9. Галактометр. 10. Карнавал. 15. Татищев. 16. Кадриль. 18. Орша. 19. Тире. 23. Референт. 24. Тростник. 25. Французы. 26. Быстрина.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: Б. В. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. А. КУДРЕВАТЫХ (заместитель главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, Д. Т. ЛОБАНОВ, И. Ф. ТИТОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Рукописи не возвращаются. Оформление В. Епанешникова.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-36-53; Искусств — Д 3-38-33; Литературы — Д 3-31-83; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-08; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 03350. Подписано к печати 20/V 1959 г. Формат бум. 70×108¹/₈. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 1 500 000. Изд. № 767. Заказ № 1127.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина, Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

Copyrighted material

Саяны. На леднике Косургашева.
Фото В. Гиппенрейтера.

Copyrighted material